

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ
НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

Наталія Бойко

**СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ
И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ
ОБЩЕСТВА**

Киев 2007

ББК 60.5

Б 77

Б 77 Бойко Н. Социальный контроль и демократизация общества. —
К.: Институт социологии НАНУ, 2007. — 272 с.

ISBN 978-966-02-4643-0

Монография, посвященная проблематике социального контроля, одна из первых в современной отечественной социологии по этой теме. Автор рассматривает феномен социального контроля, акцентируя внимание на сложности и многоуровневости его механизма. Феномен социального контроля рассматривается в контексте процессов демократизации и становления гражданского общества. Предлагается модель социального контроля в современном демократическом обществе. На основе осуществленного теоретического и эмпирического анализа раскрываются особенности реализации социального контроля в современном украинском обществе. Рассматривается влияние на демократизацию социального контроля глобализационных процессов, характеризующих современные мировые тенденции развития. Анализируется личностный фактор демократизации социального контроля в современном украинском обществе.

Монография адресована социологам, психологам, политологам, преподавателям, аспирантам и студентам, а также представителям госструктур и органов исполнительной власти, представителям гражданских организаций и всем интересующимся проблемой становления полноценного гражданского общества в Украине.

Boyko N. Social Control and Democratization of Society. — K.: Institute of Sociology of NAS of Ukraine, 2007. — 272 p.

The monograph is one of the first in modern Ukrainian sociology books devoted to the issues of social control. The author analyses the phenomenon of social control, focusing on complex and multilevel character of its mechanism. The phenomenon of social control is considered in the context of democratization and formation of civil society. The author proposes the model of social control in modern democratic society. The research based on theoretical and empiric analysis deals with the peculiarities of realization of social control in modern Ukrainian society. The monograph also analyses the impact of globalization processes on the democratization of social control in modern world and the personality's factor of democratization of social control in modern Ukrainian society.

The monograph is addressed to sociologists, psychologists, political scientists, students in social sciences as well as to state officials, to NGO's representatives and everybody interested in the issues of a civil society in Ukraine.

Научные рецензенты:

ББК 60.5

Е.А.Донченко, доктор социологических наук, профессор

В.Л.Оссовский, доктор философских наук, профессор

А.А.Ручка, доктор философских наук, профессор

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института социологии НАН Украины.
Протокол №2 от 27.04.2007 года*

ISBN 978-966-02-4643-0

Н.Л.Бойко, 2007

Институт социологии НАН Украины, 2007

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ	15
1. Понятие социального контроля в социологии и социальной психологии	16
2. Структура, формы и способы реализации социального контроля	35
3. Проблема внутриличностной локализации социального контроля	44
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ	64
1. Проблема демократизации социальных отношений	65
2. Социальный контроль в гражданском обществе: возможности обратной связи	71
3. Современная демократическая модель социального контроля и особенности ее реализации в украинском обществе	80
4. Участие граждан в процессе принятия общественно значимых решений на местном уровне	111

**ГЛАВА 3. ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ 128**

1. Роль личностного фактора
в процессе демократизации социального контроля 129
2. Проблема готовности общества
к реализации современных
социально-контрольных отношений 139
3. Личностные ресурсы демократизации
социального контроля 157
4. Социально-психологический портрет
представителя властной элиты 169

**ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ
И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ 186**

1. “Новый глобальный мир” – новые условия
реализации социального контроля 188
2. Информационные технологии как фактор
демократизации социального контроля 212

Заключение 252

***Литература* 260**

Contents

Foreword	7
Introduction	10
CHAPTER 1. THE PHENOMENON OF SOCIAL CONTROL	15
1. The concept of social control in sociology and social psychology	16
2. Structure, forms and methods of realization of social control	35
3. The problem of personal localization of social control	44
CHAPTER 2. SOCIAL CONTROL UNDER THE CONDITIONS OF FORMING CIVIL SOCIETY IN UKRAINE	64
1. The problem of democratization of social relations	65
2. Social control in a civil society: the feed-back possibilities	71
3. The modern democratic model of social control and peculiarities of its realization in Ukrainian society	80
4. Citizens' participation in the decision-making process at the local level	111

CHAPTER 3. POTENTIAL OF PERSONALITY IN DEMOCRATIZATION OF SOCIAL CONTROL	128
1. The role of the personality factor in the process of democratization of social control	129
2. The problem of readiness of the society at realization of the modern social-control relations	139
3. The personality's resources of democratization of social control	157
4. The social-psychological portrait of representative of political elite	169
 CHAPTER 4. SOCIAL CONTROL AND GLOBALIZATION	 186
1. The "new global world" – the new conditions of realization of social control	188
2. Information technologies as the factor of democratization of social control	212
 Conclusion	 252
 <i>Bibliography</i>	 260

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще в университете, заинтересовавшись проблематикой социального контроля, я была очень удивлена тому, что, несмотря на популярность данного понятия и постоянное использование его в различных научных контекстах, оказалось, что научных работ по социальному контролю очень мало, а фундаментальных монографий по данной проблематике практически нет и по сей день. И если в России в последние годы появилось несколько монографий, правда, преимущественно рассматривающих социальный контроль в контексте девиантности, то в Украине эта ниша практически пуста. Конечно, сегодня появляются публикации по социальному контролю в различных журналах и в материалах конференций, однако из фундаментальных разработок вспоминаются лишь немногочисленные публикации 70—80-х годов прошлого века.

Понимая всю актуальность данной проблематики и живой интерес к вопросам, связанным с социальным контролем со стороны не только представителей научных кругов, но и практиков и политиков, мы попытались предложить свой взгляд на проблему социального контроля в современном обществе. Причем приоритетом нашего интереса является рассмотрение социального контроля не в контексте девиантности, что представляет собой довольно распространенный взгляд на проблему социального контроля, а в контексте демократической трансформации общества в современном глобальном мире, что собственно и обусловило особенности подхода к социальному контролю в этой монографии. Причем данная проблематика анализируется на украинской почве. Довольно много внимания как на теоретическом уровне, так и на уровне анализа социологического материала уделяется в книге проблемам внутриличностной локализации социального контроля, ори-

гинальной теории экстернатности / интернатности Дж.Роттера и последующему ее теоретическому развитию в научной литературе.

Выходу в свет данной монографии способствовала доброжелательная критика и эмоциональная поддержка коллег, и в первую очередь, сотрудников Института социологии НАН Украины, которые своими вопросами и советами помогали в работе над книгой. Хочу выразить глубокую признательность и благодарность своим научным рецензентам за внимательное прочтение монографии, глубокое понимание проблематики, поддержку и ценные советы. А также хочу поблагодарить своих родных и друзей, которые своей заботой и любовью всегда поддерживали меня и вдохновляли на работу.

Проблемы, которые поднимаются в книге, исключительно актуальны для нашей страны. И те идеи, которые предлагаются в монографии, уже находят подтверждение в современной реальности и способны объяснить многие феномены, происходящие сегодня в нашем обществе.

В книге используются: данные всеукраинских социологических исследований, проводимых Институтом социологии НАН Украины совместно с фирмой “СОЦИС” (теперь TNS Ukraine) по программам исследований, разработанным в отделе социальной психологии Института социологии при непосредственном участии автора книги в 1996, 2001, 2004, 2006 годах (выборка в среднем составляла 1800 чел. и репрезентировала взрослое население Украины в возрасте от 18 лет; погрешность выборки составляет до 3%); результаты социологического мониторинга “Украинское общество”, который проводится Институтом социологии НАНУ, начиная с 1992 года (выборка в среднем составляет 1800 человек и репрезентует взрослое население Украины в возрасте от 18 лет; погрешность выборки – 3%); результаты экспертного опроса представителей властных структур (народные депутаты, руководители министерств и ведомств – всего 151 эксперт), который проводился с участием автора в марте 1997 года в рамках исследовательской темы “Властная элита Украины” (рук. Н.Шульга); данные международного сравнительного социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Украины в рамках общеевропейского мониторингового проекта “Европейское социальное исследование” (ESS), в котором

принимали участие 24 европейских государства, в том числе с 2005 года – благодаря усилиям известных социологов Института социологии НАНУ, и прежде всего Е.Головахи и Н.Паниной, – Украина (выборка в Украине, включавшая 2031 чел., репрезентировала население Украины старше 15 лет; погрешность выборки составляет 2,5% с учетом дизайн-эффекта).

В книге используются также результаты исследования “Участие граждан в принятии решений. Особенности формирования гражданского общества в Украине”, проведенного в рамках проекта “Децентрализация и человеческое развитие: оценка населением качества управления и предоставления социальных услуг”, реализованного центром “Социальный мониторинг” в ноябре 2002 года (выборка – 3063 чел., репрезентативная для взрослого населения Украины от 18 лет по возрасту, полу, области проживания, типу поселения и региону; стандартное отклонение – до 2%). Кроме того, анализируются данные социологического опроса “Молодежь Украины: культурные запросы и досуговая деятельность”, который проводился с участием автора Институтом проблем семьи и молодежи в октябре 2004 года (выборка, составившая 2003 чел., включала молодежь в возрасте от 14 до 35 лет; стандартное отклонение – 1,34%–2,24%).

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация, переживаемая украинским обществом на сломе эпох, носит тотальный характер, не только охватывая сферу экономических и политических отношений, но существенно модернизируя всю систему социальных отношений, ценности и жизненные ориентиры людей. Проблема модернизации социально-контрольных отношений связана с формированием новых социальных реалий, обусловленных глобальными тенденциями развития мирового сообщества, курсом на демократизацию социальных отношений и формирование гражданского общества, становлением активных, независимых и равноправных субъектов социального процесса.

Социальный контроль, выступая механизмом поддержания социального равновесия и осуществления процессов саморегуляции социума, должен совершенствоваться и изменяться вместе с социальными изменениями, происходящими в обществе. Социальный контроль призван регламентировать и консолидировать деятельность всех социальных субъектов общества, обеспечивая его устойчивое, равновесное, стабильное функционирование, социальное развитие и прогресс. Реализуя свои функции, социальный контроль призван выступать в качестве фактора, содействующего разрешению общественных противоречий, в том числе противоречий между задачами демократического развития социальной системы и формами реализации социальных отношений, существующими сегодня в Украине. Таким образом, новые социальные реалии обуславливают значимость и актуальность научного исследования проблематики социального контроля в современном украинском обществе.

Ситуация демократических преобразований требует качественно иной концепции реализации социального контроля, отвечающей принципам и нормам современного социально-правового государства, задачам становления полноценного гражданского общества.

Социальный контроль, его формы и методы, механизмы реализации зависят от многих факторов – исторических, социальных, политических. Особенностью постсоветских стран, к которым сегодня принадлежит и Украина, является то, что наряду с тенденциями общемирового масштаба, связанными с глобализацией мирового пространства, вступлением в новую информационную эру, характерными для современных процессов развития и опосредующих реализацию социального контроля в обществе, эти государства переживают период политической, экономической, культурной трансформации. В результате изменения внутри этих стран усиливаются глобальными изменениями, что в значительной степени обуславливает особенности реализации социального контроля и в современном украинском обществе.

Анализируя процесс трансформации социального контроля, следует также учитывать, что реализация социального контроля определяется не только особенностями сложившейся сегодня социальной ситуации, но и личностными детерминантами, результирующимися в процессе ценностно-нормативной социализации и усвоения личностью определенной стратегии социальных отношений в обществе. Это актуализирует задачу анализа личностного потенциала, опосредующего процессы демократической трансформации социального контроля.

Значимость личностного фактора для реализации новой модели социально-контрольных отношений обусловлена также особенностями процесса демократизации украинского общества. Становление гражданского общества предполагают зрелость индивида как личности в качестве необходимой предпосылки включения ее в новые социальные отношения. Функционирование гражданского общества базируется на принципах самоорганизации и саморегуляции и связано с процессами социальной интеграции, что предполагает добровольность и инициа-

тиву снизу, активность и независимость, равенство возможностей социальных субъектов. Данные характеристики обуславливаются и результатами ценностно-нормативной социализации, происходящей в определенных социальных условиях конкретного общества. Важность рассмотрения роли личностного фактора в процессах трансформации социального контроля в современных украинских реалиях объясняется и тем, что наше общество не прошло эволюционного пути становления новых демократических отношений. Такая ситуация актуализирует потребность в становлении внутриличностных характеристик, выступающих необходимым условием позитивных социальных изменений, то есть вызревания субъективных факторов, способных в дальнейшем “оживить” структуры гражданского общества и демократические процессы.

Таким образом, определяя актуальность проблематики работы можно отметить, что исследование характера и особенностей трансформации социального контроля в современном украинском обществе позволит, на наш взгляд, выяснить возможности демократизации и действенность современной модели реализации контроля, определить роль гражданского общества как активного субъекта социально-контрольного процесса. Значимость учета личностных детерминант данного процесса связана со сложным социально-психологическим механизмом действия социального контроля, что актуализирует исследование степени личностной готовности к его реализации.

Понятие “социальный контроль” вошло в научную терминологию лишь в XX веке и активно разрабатывалось в теоретических исследованиях социологов первой половины XX века. Социальный контроль рассматривался классиками социологической мысли как один из ключевых концептуальных элементов общесоциологической теории и выступал важным звеном во многих социологических теориях (Э.Дюркгейм, У.Самнер, Г.Тард, Э.Росс и др.). Представление о социальном контроле как способе управления поведением посредством культурных факторов обосновывалось в работах М.Вебера, У.Томаса, Ф.Знанецкого, Р.Ла Пьера и др. Работы Дж.Мида и С.Кули послужили

толчком эволюционно-феноменологического рассмотрения данного понятия. Во второй половине XX века проблематика социального контроля в различных аспектах освещалась в работах А.Бандуры, Г.Беккера, Д.Блэка, К.Викторовича, В.Вичева, Э.Гидденса, А.Коэна, Р.Мертон, Р.Парка, Т.Парсонса, А.Портеса, Дж.Роттера, Н.Смелзера, Д.Фихтера, Т.Шибутани, Э.Шилза, Я.Щепаньского и др.

Вопросы социального контроля рассматривались и в ряде отечественных публикаций, связанных преимущественно с проблемами социального управления, анализом конкретных его форм и элементов. Теоретическая разработка проблематики социального контроля в советский период представлена в работах Г.Андреевой, И.Антоновича, В.Бакирова, Б.Буйвола, В.Климова, И.Кона, В.Оссовского, Е.Пенькова, И.Поповой, А.Ручки, Е.Шороховой, В.Ядова, А.Яковлева, Е.Якубы и др.

Современные разработки в постсоветской социологии связаны преимущественно с проблематикой девиантности, что отражено в исследованиях В.Афанасьева, А.Габиани, Я.Гилянского, В.Кудрявцева, И.Маточкина, Р.Могилевского, Е.Ознобкиной, Н.Проскурниной и др. Современные формы социального контроля рассматриваются в работах А.Новикова, И.Полуэктова, С.Сидорова, В.Смолькова. Необходимо также отметить обращение к проблематике социального контроля в рамках изучения вопросов функционирования общественного мнения таких украинских социологов, как В.Матусевич, В.Оссовский, В.Степаненко, Е.Танасюк.

Разработке социально-психологической проблематики современных социальных процессов в украинском обществе посвящены исследования Р.Ануфриевой, Л.Бевзенко, Е.Головахи, Е.Донченко, Е.Злобиной, И.Мартынюка, Н.Паниной, Т.Рудницкой, Н.Соболевой, Л.Сохань, В.Тихоновича, Н.Шульги и др.

Несмотря на значительную научную и практическую ценность работ, в которых рассматривались различные аспекты социального контроля, необходимо отметить отсутствие в отечественной науке целенаправленного анализа данного феномена в контексте процессов демократизации и формирования

гражданского общества в Украине. Следует заметить, что важным аспектом значимости данного исследования является акцентированная в научной литературе необходимость исследования при рассмотрении перспектив демократических преобразований, наряду с проблемами политической системы, уровня структурированности общества, характера правовых отношений и т.п., также и проблем личностного потенциала данных преобразований. Такой контекст анализа пока является редким явлением, в том числе при рассмотрении проблематики социального контроля. Актуальность и вместе с тем недостаточная разработанность всех этих научных вопросов и обусловили обращение автора к данной проблематике.

ГЛАВА 1

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Первая глава книги посвящена теоретическому обоснованию понятия социального контроля, что предполагает анализ понятия социального контроля в социологической и социально-психологической литературе, начиная с момента его введения в научный оборот и заканчивая современными подходами к рассмотрению данного понятия как в зарубежной, так и в отечественной науке. Рассматриваются общие принципы и подходы к пониманию структуры, форм и способов реализации социального контроля. Особое внимание при этом уделяется рассмотрению реализации социального контроля как механизма, основанного на усвоении (интериоризации) ценностно-нормативной практики и специфики социальных взаимоотношений в процессе социализации.

Завершается глава анализом проблемы внутренней локализации социального контроля, отражающим сложный социально-психологический характер данного феномена, что позволяет глубже понять и объяснить специфику реализации социальных отношений в обществе и механизм функционирования социального контроля. Также предлагается подробное рассмотрение концепции локуса контроля Дж.Роттера и анализируется ее дальнейшее развитие в работах современных авторов.

1. ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В научный оборот термин “социальный контроль” был введен французским социологом и криминалистом Габриелем Тардом, который первоначально рассматривал его как средство возвращения преступника к общественной деятельности. В дальнейшем, расширив это понятие, он стал рассматривать социальный контроль как один из факторов личностной социализации, понимаемой им как интериоризация норм через социальное взаимодействие [1, с. 140]. Г.Тард придавал большое значение подражанию, способствующему возникновению групповых норм и ценностей, которые являются социальными регуляторами, социализирующими индивида и контролирующими его конформное поведение. Он объяснял социальную структуру индивидуальным поведением (подражанием, понимаемым им как ключ к социальным явлениям, когда типичными социальными отношениями становятся отношения “учитель – ученик”), отражающим общие образцы или ценности [2]. Таким образом, Г.Тард очертил важную идею дифференцированных отношений между индивидом и групповой структурой, впоследствии получившую развитие у Э.Росса, а также в современной социальной психологии.

Дальнейшие исследования “социальных сил” в рамках развития данного подхода способствовали углублению понятия социального контроля. Так, Э.Дюркгейм, изначально рассматривавший социальные явления с точки зрения их влияния на индивида через понятие внешнего и понятие принуждения, затем приходит к признанию решающей роли аффективных реакций индивида. Он объяснял социальный контроль “не принудительным принятием (принуждением) и не принятием полезного (интереса), а интернализированным моральным долгом по отношению к нормам группы и чувством “уважения” к диктатам группы” [3, с. 36]. Таким образом, Э.Дюркгейм по-

лагал, что правила жизни на индивидуальны и являются внешними по отношению к индивиду, хотя и вырабатываются общими усилиями. Социальный контроль, по мнению Э.Дюркгейма, есть специфический продукт социального тела, взятого как одно целое [4]. Предпринятые Э.Дюркгеймом попытки разграничить понятия социальной жизни и культуры и выделить коллективные представления, являющиеся культурными символами через которые осуществляется нормативная стандартизация группового и индивидуального поведения, были впоследствии продолжены в рамках рассмотрения социального контроля как способа управления поведением посредством культуры в работах М.Вебера, У.Томаса, Ф.Знанецкого, Р.Ла Пьера и др.

У.Самнер, рассматривая проблему “последовательности ценностей”, исследовал сферы, которые сегодня определяются как институциональные. При этом он понимал функционирование общества как творческий процесс, в котором контроль над окружающей средой достигается посредством развития, изучения и изменения общих ценностей. И такой контроль, по мнению У.Самнера, сопровождается принудительным давлением на членов общества посредством этих ценностей. Это предполагает, что индивид отождествляется с группой или обществом не благодаря тому, что является их членом, а благодаря его участию в деятельности группы и принятию ее норм. Однако, рассматривая проблемы реализации социального контроля, Самнер не углублялся в анализ механизмов и процессов интериоризации норм, а сконцентрировал внимание на возникающей в результате этих процессов сплоченности, которая проявляется в понятиях “Мы-группа” [5].

Дальнейшей разработкой теории социального контроля занимались – независимо друг от друга – американские социологи Эдвард Олсворт Росс и Роберт Эзра Парк, находившиеся под сильным влиянием Г.Тарда.

Впервые наиболее полно и широко проблема социального контроля рассматривалась в работах Э.Росса – “Социальный контроль” (Social Control, 1901) и “Социальный контроль: исследование образования порядка” (Social Control: A Survey

of the Foundations of Order, 1909). Согласно Э.Россу, социальный контроль определяется как целенаправленное влияние общества на поведение индивида в целях обеспечения “здорового” социального порядка. Последний зависит от того, какой тип индивидов (Росс выделяет западноевропейский, американский, славянский, индуистский и др. типы), который является продуктом длительного исторического развития, наиболее распространен в данном обществе. Таким образом, следуя Э.Россу, социальный контроль можно представить как социальный процесс, координирующий функции индивидов и группы в одно организованное целое [5].

Работы Росса внесли значительный вклад в развитие современного понимания социального контроля, его формализацию и выделение как социологического понятия. На протяжении почти четверти столетия его работа 1901 года “Социальный контроль” оставалась основной классической теорией по данной проблематике. По мнению Г.Беккера и А.Боскова, она сыграла значительную роль в понимании того, каким образом нормы – и официальные, и неофициальные – воздействуют на индивидов и группы, заставляя их придерживаться ценностей данного общества [5, с. 628]. Росс стал одним из первых социологов, который сделал акцент на понимании социального контроля как механизма саморегуляции общества, инструмента, обеспечивающего гармонию в группе и обществе в целом. Такое представление определило понимание социального контроля не только как социальной организации, социального института, но и как социального механизма, определяющего способность социального организма к саморегуляции. По Россу, социальный контроль является формой “социального договора”, взаимного добровольного согласия людей, считающихся друг с другом. Причем “исполнителями” контроля выступают все общество, использующее самые разнообразные средства воздействия (через право как самый разработанный инструмент, общественное мнение, верования, обычаи, религию, искусство и т.п.), а также правящая элита, обладающая властью. Если же система социального контроля все же не обеспечивает социальный порядок, столь необходимый

обществу, то это может происходить, во-первых, в связи с “ошибками” социализации, во-вторых, в связи с коррупцией “лиц у власти”. Любая же попытка насилия и принуждения со стороны властей будет непременно вызывать реакцию отторжения, избавляющую население от принуждения. Именно ситуация столкновения интересов различных групп приводит к необходимости соглашения во имя избежания столкновений [5]. В этом, как справедливо полагает Э.Росс, и заключается процесс реализации социального контроля в обществе.

Идеи Росса о социальном контроле как механизме саморегуляции социальной системы вдохновили представителей чикагской школы (Дж.Мид, С.Кули) и послужили толчком для развития эволюционно-феноменологического подхода к рассмотрению данного понятия. С.Кули, вслед за Россом, рассматривал социальный контроль не только как средство регулирования взаимоотношений индивидов в обществе, но и как механизм саморегуляции общества в целом, способствующий его совершенствованию. Эволюционно-феноменологический подход к рассмотрению механизма социального контроля был предложен Дж.Мидом в 1925 году в работе “Генезис самоконтроля и социального контроля” (The Genesis of Self and Social Control). Мид, подобно Россу, признавал понимание социального контроля как важной предпосылки функционирования общественной жизни. Он анализировал основные линии развития данного понимания, пытаясь объединить индивидуализацию и социализацию. Изучение процессов социализации и трансформации внешнего контроля в самоконтроль, т. е. внутренний регулятор поведения, позволило расширить отраслевые рамки рассмотрения социального контроля в науке, предопределив развитие социально-психологического направления в изучении проблематики социального контроля [6].

Дальнейшее теоретическое осмысление понятия социальный контроль получает в работах Р.Парка. Если взгляды Э.Росса были ближе к концепции Э.Дюркгейма, то Р.Парка можно считать сторонником линии У.Самнера. Основываясь на том, что общество через различного рода групповые структуры вводит отдельных индивидов в процесс взаимодействия,

Р.Парк полагает, что именно оно организует энергию отдельных лиц, интегрирует ее и руководит ею, являясь основным контрольным организмом [7]. Таким образом, социальный контроль постулируется как центральная проблема социологии. Р.Парк рассматривает его в качестве механизма, а коллективное поведение – в качестве процесса, представляя социальный контроль как средство, обеспечивающее определенные соотношения между социальными силами и человеческой природой. Им были выделены такие формы социального контроля, как элементарные (в основном принудительные) санкции, общественное мнение, социальные институты, связывающие общий анализ функционирования социального контроля с эволюционным развитием общества.

Развивая теорию социального контроля, Ричард Ла Пьер делает попытку выделить его универсальный механизм, функционирующий во всех типах обществ. Он создал развернутую теорию, рассматривающую социальный контроль как средство, обеспечивающее усвоение индивидом культуры и передачу ее от поколения к поколению, а на личностном уровне выполняющее роль посредника между индивидом и конкретной ситуацией.

Выступая продолжателем культурологической линии Э.Дюркгейма, Р. Ла Пьер определяет социальный контроль как способность регулировать усвоение индивидом культуры прошлых поколений. Именно культура, по мнению Р.Ла Пьера, обуславливает тип социального контроля и границы его реализации. В регуляцию вступает весь комплекс ценностей, верований, нормативных установок субкультуры, к которой принадлежит индивид. Результат действия, таким образом, обусловлен тремя факторами: социальным поведением, социальной ситуацией и социальным контролем, характеризующими данную субкультуру [8].

М.Вебер, как и Э.Дюркгейм, раскрывает сущность общества в явлениях морального обязательства и законности. При этом Вебер дает определение социальной структуры как конфигурации законных порядков (институтов). Он концептуализирует институциональные структуры как важнейший контекст поведения, имеющего социальное значение.

Рассматривая институты как носители сложных сетей социальных отношений и интересов, а также функций, связанных со структурами повиновения и “законности”, М.Вебер большое внимание уделяет исследованию природы законного порядка и его изменениям в периоды социальных трансформаций.

Подчеркивая функциональную природу общества, Вебер рассматривал взаимосвязь легитимных порядков с явлениями взаимозависимости институтов, выделяя три институциональных сектора – экономический, политический и религиозный. Вебер отмечал, что государственная власть как система отношений господства и подчинения опирается на такие средства, как принуждение и насилие, однако для их применения здесь существуют определенные правовые формы их внедрения [9]. Отмечая, что власть использует не только насилие, но и авторитет, Вебер предполагал наличие и внутренних факторов, которые собственно и интересовали его. При этом он выделяет подчинение традиции, подчинение авторитету и подчинение обязующей силе рационального обоснования правил и указаний.

В освоении проблематики социального контроля он концентрирует свое внимание на ценностях, культурных элементах, элементах морали, которые, в отличие от оценок, концентрируют в себе духовный опыт отдельных эпох и всего человечества и формируются под влиянием общей атмосферы современной эпохи, в частности стремления к рациональной организации экономики, управления и всей социальной жизни в целом. При этом большое внимание М.Вебер уделял вопросам религии. Он отмечал, что в периоды кризиса традиционный авторитет подрывается авторитетом харизмы, в частности посредством “пророчества”. Анализируя происхождение пророчеств, Вебер трактовал их как отклонения в религиозных идеях и доказывал, что религиозные ценности, трансформированные в виде определенных нормативных систем (этик), оказывают значительное влияние на поведение людей за пределами сферы религии, обретая некую универсальность [10].

В социологии существовал и сугубо эмпирический подход к изучению проблемы социального контроля. Так, еще У.Томас

и Ф.Знанецкий в своей известной работе “Польский крестьянин в Европе и в Америке” (1918-1920 г.г.) рассматривают особенности функционирования социального контроля в рамках трансверсально-культурного метода. В своем исследовании авторы попытались наглядно продемонстрировать трудности, связанные с отказом от одного комплекса норм для восприятия нового комплекса.

Таким образом, на основе анализа работ, являющихся классикой социологической теории, можно сделать вывод о том, что первая половина XX века характеризуется довольно интенсивным развитием проблематики социального контроля. Практически все серьезные теоретики социальной мысли обращались к данному понятию, рассматривая его в своих концептуальных теоретических изысканиях. Во второй половине XX века наиболее подробно данная проблематика освещалась в работах А.Бандуры, Г.Беккера, Р.Мертон, Т.Парсонса, Н.Смелзера, Д.Фихтера, Т.Шибутани, Э.Шилза и других, преимущественно американских социологов (т. е. в основном в работах структурно-функционального и социально-психологического направлений социологии).

Продолжая социологическую традицию включения и рассмотрения социального контроля в рамках фундаментальных теоретических конструктов социальной действительности, Т.Парсонс попытался создать концептуальную схему, которая отражала бы целостную взаимосвязь социальной системы. В его фундаментальной теории социального действия концепция социального контроля занимает одно из главных мест. Парсонс стремился обосновать центральную идею своего социального учения, идею “социального порядка”, отобразив ее в концептуальной схеме, в центре которой находится процесс взаимодействия социальных систем, окрашенных личностными характеристиками и ограниченными культурой. Он выделяет четыре функциональные парадигмы – адаптацию, целеориентацию, интеграцию и поддержание образца (система AGIL), которые обосновывают существование любой социальной системы и составляют необходимые условия (предпосылки) образования целостности и поддержания равновесия социальной системы.

При этом проблема интеграции определяется как проблема сохранения устойчивости, внутреннего единства, солидарности. Данные функции осуществляются институтами социального контроля посредством создания и поддержания общих норм и ценностей, набора символов и общей культуры. Преднамеренное влияние общества на поведение людей осуществляется через определенную организацию – государственный аппарат и легитимные институциональные средства – и имеет целью преодоление нарушений равновесия и воспроизводство системы посредством тех или иных форм побуждения или принуждения. Решение проблемы интеграции тесно связано с поддержанием образца, мотивацией деятелей при исполнении ими требуемых социальных ролей и выявлением скрытых (латентных) напряжений в системе личностной мотивации. Социальная система для сохранения существующего порядка должна выработать механизм социализации людей, позволяющий им, приобретая свою индивидуальность, одновременно интернализировать нормы-роли данного общества, развивать потребность подчинения этим нормам [11].

Таким образом, на абстрактном уровне Т.Парсонс концептуализирует два механизма, интегрирующих личность в социальную систему – механизмы социализации и социального контроля. Именно благодаря действию этих механизмов личностные системы приобретают структуру, обеспечивающую их совместимость со структурой социальных систем. Социализация, таким образом, выступает в качестве механизма социального контроля и, наряду с интернализацией и институционализацией, призвана обеспечивать “мотивационную интеграцию” индивидов.

Парсонс также рассматривает различные виды социального контроля. Контроль может быть позитивный и негативный, формальный и неформальный. Кроме контроля, осуществляемого в группах непосредственного взаимодействия, есть и так называемый институциональный контроль [12, с. 108]. Институционализация осуществляется посредством интернализации, под которой понимается усвоение индивидом ценностных образцов, и социализации, сущность которой заключается в привитии индивидам общих культурных образцов.

Подчеркнем, что Парсонс в своей теории учитывает феномен активности человека. Образцы, нормы, реализация которых позволит достигнуть единства и целостности в жизненном процессе общества, устанавливаются на социетальном уровне. Он предлагает модель информационной иерархии контроля, демонстрирующую его реализацию во всех структурах и на всех уровнях социальной системы: культура, социальная структура, личность, организм. Парсонс включает их в качестве подсистем в полную систему действия и, формируя на их основании информационную иерархию контроля, предлагает схему, обозначенную им как кибернетическая иерархия [13].

Рассматривая каждый из уровней как подсистему более сложной, всеобъемлющей системы действия, Парсонс демонстрирует взаимосвязи и взаимозависимости между четырьмя подсистемами [подр. см.: 14]. Таким образом, в процессе их реализации возникает иерархия информационного контроля, в которой культура определяет пределы социальной системы, социальная структура информационно регулирует систему личности, а личность информационно регулирует систему организма. “Культурно-ценностная ориентация ставит пределы или ограничивает изменчивость норм социальной системы, в свою очередь, эти нормы, будучи переведены на язык ожиданий “актеров”, исполняющих определенные роли, ограничивают разнообразие мотивов и процессов принятия решений в системе личности. Далее эти черты системы личности ограничивают многообразие биохимических процессов в организме. Вместе с тем, каждая система в этой иерархии обеспечивает “энергетические условия”, необходимые для деятельности системы более высокого уровня” [цит. по: 13, с. 76–77]. Таким образом, происходит реализация возвратного действия. При этом организм обеспечивает энергетические условия, необходимые для системы личности, система личности обеспечивает энергию для социальной системы, а организация личностных систем в социальную систему обеспечивает условия, необходимые для системы культуры. Как отмечает Парсонс, связи на входе – выходе систем действия носят взаимный характер, обеспечивая обмен энергией и информацией. Системы более

высокого информационного уровня накладывают ограничения на использование энергии системами более низкого уровня, тогда как каждая из низших систем обеспечивает условия и механизмы, необходимые для действия более высокой системы. Данная концептуальная схема дает, на наш взгляд, представление о системе социального действия, отображая взаимосвязь и взаимозависимость контрольных процессов социальной системы. Процессы социального контроля рассматриваются в теоретической схеме Парсонса как определяющий фактор “мотивационной интеграции социальной системы”, как условия совпадения индивидуальных ценностных ориентаций с ожиданиями.

Мы достаточно подробно останавливаемся на концепции Т. Парсонса, т. к. его системная теория обладает неоспоримой внутренней стройностью и, рассматривая интересующие нас понятия, представляет проблематику социального контроля на уровне системного теоретического осмысления, являясь одной из немногих универсально-целостных теоретических разработок в проблематике социального контроля второй половины XX века.

Как отмечалось выше, исторически понятие социального контроля всегда оставалось в кругу приоритетных для социальной науки. Значимость данного понятия в понимании социальной системы настолько ощутима, что оно служило теоретической основой многих концептуальных рассуждений классиков социологии. Однако необходимо отметить, что дальнейшее развитие социологической теории можно связывать с несколькими иными тенденциями в рассмотрении понятия социального контроля. Основной особенностью изучения социального контроля в социологии второй половины XX столетия можно считать сужение рамок его рассмотрения, когда понятие социального контроля становится фоновым, не требующим теоретических расшифровок и рассмотрений. Актуализируется преимущественное рассмотрение проблематики социального контроля в рамках проблематики девиантности и аномии. Причем эту тенденцию можно обозначить как преобладающую и в современной отечественной социологии, что будет рассмотрено ниже.

Так, Р.Мертон определяет социальный контроль как механизм, минимизирующий напряжение между культурными ценностями и социально ограниченным способом доступа к ним. Развивая свою теорию, он отмечает, что механизм социального контроля направлен на то, чтобы сохранить устойчивость данной системы. Разрабатывая проблему “социального порядка”, сохранения социальных систем, он сосредотачивает внимание именно на процессах, посредством которых социальная система остается в значительной степени нетронутой. Сохранение устойчивости социальной системы, по мнению Мертона, не означает, что в ней вообще не может быть никаких изменений. Поэтому он наряду с понятием функции, вводит и понятие “дисфункции”, т. е. заявляет о возможности отклонения системы от принятой нормативной модели, что, в свою очередь, должно повлечь за собой или новый этап в приспособлении системы к существующему порядку, или определенное изменение систем норм [15]. Такое изменение Мертон ограничивает конкретным уровнем социальной системы, связанным с понятием аномии.

Понятие социального контроля, связанное с проблемой девиантности, безусловно, сужающее феномен социального контроля до реакции на отклонение от нормы, рассматривается многими исследователями, такими как Р.Мертон, Н.Смелзер, Д.Блэк, Л.Козер и др. Так, социальный контроль, по мнению Н.Смелзера, “выражается в стремлении других (обычно большинства) препятствовать девиантному поведению, наказать девиантов или вернуть их в строй” [16, с. 241].

В исследованиях девиации социальный контроль понимается как усилия окружающих, направленные на предотвращение девиантного поведения, наказание девиантов или их исправление. Н.Смелзер пишет, что “несмотря на то, что люди часто нарушают социальные стандарты, по большей части они конформны. Более того, все желают соблюдать нормы и считают это само собой разумеющимся. Это поразительное явление стало результатом социализации. В большинстве случаев дети становятся благовоспитанными взрослыми, которые поступают в соответствии с общепринятыми стандартами без всякого

принуждения. Однако, поскольку социализация никогда не бывает идеальной, социальный контроль также призван регулировать выполнение стандартов, сложившихся в обществе” [16, с. 227]. При этом Смелзер выделяет формальный и неформальный, предполагающий “неофициальность” и применяемый в небольших группах методы социального контроля.

Как наиболее глубокое и плодотворное рассмотрение понятия социального контроля во второй половине XX века можно отметить изучение механизмов реализации социального контроля в работах Т.Шибутани, А.Бандуры, Дж.Роттера, получившее развитие в рамках традиций рассмотрения данной проблематики, заложенных Г.Тардом и Дж.Мидом.

Т.Шибутани, представитель американской школы символического интеракционизма, идет в своих объяснениях человеческого поведения не от индивида, а от общества, рассматривая основу личности как социальную структуру, возникающую в процессе социального взаимодействия. Он анализировал проблему социального контроля в рамках категории группы в процессе коммуникации – взаимодействия ее членов. При этом в процессе успешного взаимодействия большое значение приобретает “символический код”, который “складывается из откристаллизовавшегося опыта прошлых взаимодействий и распisan в виде норм группового поведения, довлеющих над спонтанными действиями индивидов” [17, с. 8].

Таким образом, Т.Шибутани предпринял довольно успешную попытку охватить единым объяснением основные сферы взаимодействия личности и ее социального окружения, в котором понятию социального контроля отводится ведущее место.

Не менее интересны и разработки теории социального научения (А.Бандура, Дж.Роттер), положившие начало социально-когнитивному направлению социальных исследований, представляющие особый интерес в рамках изучения нашего вопроса. Данный подход рассматривает проблемы общества и индивида, раскрывая психосоциальные принципы, регулирующие поведение. Он представлен в модели взаимного детерминизма А.Бандуры, раскрывающей взаимозависимость таких детерминант, как поведение, личностный аспект и социальное

взаимодействие, и предполагает, что поведение человека регулируется сложным взаимодействием между внутренними явлениями (включая веру, ожидания, самовоспитание) и факторами окружающей среды (поощрениями, наказаниями, т. е. факторами социального контроля) [18, с. 378].

Как отмечает А.Бандура, правила и принципы, которыми руководствуются люди, не возникают из вакуума. “Когда правила, определяющие допустимое поведение, недостаточно разработаны, они выводятся из информации, которую содержат в себе наблюдаемые или пережитые ответные последствия. Предварительные гипотезы, которые продуцируют реакции, приводящие к благоприятным результатам, сохраняются; частично корректные гипотезы последовательно улучшаются на основе дифференцированной реакции обратной связи до тех пор, пока не станут правильными; и ошибочные гипотезы, выдвигаемые ошибочным исполнением, отбрасываются” [19, с. 259]. Кроме того, Бандурой и его сотрудниками была собрана значительная статистика, свидетельствующая о влиянии телевизионного насилия на социальное поведение людей в обществе.

Рассматривая новые возможности для расширения взаимного влияния в обществе, перераспределения власти, свидетелями которых мы являемся в последние годы, можно отметить, что данные реалии потребуют от человека большего внимания к своему поведению и большей ответственности за его социальные последствия. Характеризуя современную ситуацию, А.Бандура отмечает, что “будут расти внешние влияния, направленные на подчинение свободы выбора личности коллективным интересам. Таким образом, задача на будущее состоит в выработке социальной политики, которая станет способствовать развитию общественного благополучия при одновременном сохранении максимально возможной индивидуальной свободы” [19, с. 288]. Таким образом, можно констатировать, что именно расширение индивидуального выбора, а не его ограничение будет способствовать прогрессу; с этим связан и продуктивный путь для реализации современного подхода к изучению понятия социального контроля.

Акцент на активности человека в социуме, его стремлении самостоятельно управлять своей жизнью актуализирует проблему самоконтрольных механизмов. Данный подход является, на наш взгляд, довольно актуальным и продуктивным в связи с новыми тенденциями и принципами социальной жизни, постулируемыми в нашем обществе сегодня и связанными с развитием процессов демократизации и формирования гражданского общества в нашей стране. Наиболее удачно, с нашей точки зрения, данный механизм был представлен в работах Дж.Роттера. К сожалению, данные разработки ранее не актуализировались в социологической теории, считаясь прерогативами исключительно психологической науки. Хотя о вызревании необходимости введения понятия локуса контроля, предложенного Дж.Роттером, в теоретический обиход социологической науки свидетельствует обращение к данному теоретическому конструкту в целом ряде отечественных социологических исследований [см.: 20].

Рассматривая историю вопроса в отечественной социологии, необходимо отметить, что проблемы социального контроля поднимались в работах Б.Буйвола, В.Бакирова, В.Оссовского, А.Ручки, Е.Якубы и др. [см.: 21].

Теоретические разработки проблематики социального контроля находим, преимущественно в работах, посвященных проблемам воздействия социальных регуляторов на поведение личности — как регулятора общественных отношений, как фактора социального управления в данном обществе. Предпринимались попытки уточнения понятия социального контроля, раскрытие его структуры, рассмотрение механизмов функционирования социального контроля и его воздействия на развитие социальных отношений, в частности в условиях социалистического общества в разработках Б.Буйвола, Л.Антипова, В.Бакирова, В.Климова, А.Яковлева. Нормативный аспект социальной регуляции поведения получил развитие в целом ряде работ исследователей московской школы М.Бобневой, Е.Пенькова, Е.Шороховой и др. [см.: 22].

Анализируя литературу по проблематике социального контроля, написанную в период существования СССР, необходимо

отметить, что в большинстве работ отечественных социологов проблема социального контроля не выступала главным объектом теоретического изучения. Исследования социального контроля имели, в основном, прикладной характер. Рассматривались вопросы реализации социального контроля в коллективе, на производстве. Основной акцент при этом делался на усилении дисциплины и сознательности рабочих, морально-нравственном факторе реализации социального контроля, активном формировании человека социалистического типа [23].

В советской науке 70–80-х годов данное понятие изучалось в рамках обширной научной проблематики, связанной с проблемами регуляции социального поведения. Данный подход, раскрываемый в работах М.Бобневой, Б.Ломова, Г.Осипова, Б.Парыгина, Е.Пенькова, К.Платонова, Е.Шороховой, В.Ядова, А.Яковлева и др., рассматривает социальный контроль как систему взаимодействия личности и общества в рамках ценностно-нормативного регулирования поведения человека в рамках социальных отношений и зависимостей. Специфика изучения социального контроля в психологической науке дала возможность довольно глубоко изучить его механизмы. “Если мы хотим объяснить, а не просто описать поведение, то должны сначала выработать представление о механизме его формирования. Соответственным образом должна модифицироваться и задача операционализации: кроме способа определения того, что участвует в регуляции поведения, желательно иметь данные о внутреннем мире личности, отражающие и то, каким образом установки участвуют в этой регуляции” [24, с. 257].

При рассмотрении факторов социальной детерминации поведения в качестве механизмов, выполняющих регулирующую функцию в отношениях общественных групп (классов, наций, государств), выделяются политическая идеология, право, мораль, эстетические взгляды, философские теории, литература, искусство, религия. При этом подчеркивается, что механизмы, которыми каждая из этих сфер “духовного производства” осуществляет влияние на ход исторических событий, на реальную ситуацию и жизнедеятельность людей, слож-

ны и специфичны. “Научное понимание реальных взаимодействий человека с объективной действительностью невозможно без раскрытия психологических закономерностей, механизмов детерминирующего влияния социальных факторов” [25, с. 14].

Такое понимание дало возможность разработать очень интересную модель социального контроля. Модель А.Яковлева позволяет рассматривать взаимодействие личности и общества как механизм, имеющий более сложный характер, чем простая “подгонка” индивидуальных качеств под социальный стандарт. Отстаивая уникальность своей модели в понимании социального контроля, Яковлев делал акцент на том, что “индивидуальное и социальное действия соотносятся между собой как контролируемое и контролирующее, однако вновь подчеркнем, что речь идет именно о реальном взаимодействии, а не просто о контроле без обратной связи” [26, с. 142].

Такой подход, на наш взгляд, был довольно революционным, однако декларирование реализации субъект-субъектного вместо субъект-объектного подхода к процессу взаимодействия личности и общества в системе социального контроля не вышло за пределы исследования сугубо психологического механизма – рассмотрения индивидуального сознания как его детерминанты. Основной функцией системы социального контроля, по мнению А.Яковлева, как и большинства социологов, является “воспроизводство господствующего типа общественных отношений, социальных (групповых, классовых, государственных) структур” [26, с. 160].

Анализируя нынешнюю ситуацию в постсоветской социологии, можно отметить преимущественное развитие лишь одного из направлений проблематики социального контроля – рассмотрение ее в связи с проблематикой девиантности. Таким образом, борьба с недостатками и регулятивная, регламентирующая функции социального контроля представляются ведущими и сегодня (В.Афанасьев, А.Габиани, Я.Гишинский, В.Кудрявцев, И.Маточкин, Р.Могилевский, Е.Ознобкина, Н.Проскурнина и др.). Этому направлению (девиантности)

сегодня посвящено много теоретических работ и курсов в высших учебных заведениях. Представители данного направления рассматривают “социологию девиантности и социального контроля (девиантологии) как специальную социологическую теорию” [27, с. 115]. Следует отметить, что данная тенденция характерна и для современной социологической науки в целом, о чем говорилось выше. Большинство современной учебной и справочной литературы по социологии также рассматривает социальный контроль преимущественно именно в рамках анализа девиантного поведения.

Данный подход является одним из направлений в изучении проблематики социального контроля, развивающим понимание социального контроля как механизма, использующего правовые факторы регулирования и жесткие, преимущественно внешние, санкции. В рамках данного направления рассматривается проблема социальной девиации и проводится мониторинг основных ее проявлений (насилия, наркотизации населения, виктимности, подростково-молодежной делинквентности и др.) и предлагается “изучение действующих форм социального контроля с точки зрения их адекватности природе, генезису, закономерностям девиантного поведения” [27, с. 124]. Такой подход, несомненно, значительно сужает и обедняет теоретическую базу проблематики социального контроля.

Вместе с тем можно констатировать, что сегодня появляются, пока немногочисленные, работы, рассматривающие и иные аспекты проблемы социального контроля. Однако их общим недостатком можно назвать слабое теоретическое обоснование понятия социального контроля, часто односторонность и поверхностность в его трактовке, но, тем не менее, они расширяют контекст рассмотрения проблематики. Можно выделить, например, работу В.Смолькова [см.: 28], рассматривающего формы, функции, механизмы социального контроля и особенности действия социального контроля в менеджменте. К исследованию проблематики социального контроля в контексте рассмотрения вопросов функционирования общественного мнения, гражданского общества и т. п. обращаются и украинские социологи [см.: 29].

Такая перспектива в изучении социального контроля значительно шире и “гуманнее”, нежели “девиантологические” представления о нем. Она предполагает рассмотрение особенностей действия социального контроля в переходный период, период трансформации общественных отношений, становления гражданского общества, что соответствует теоретическим основаниям предлагаемой монографии. Представители данного подхода, развивая традиции классиков социологии, придерживаются современной трактовки рассмотрения понятия социального контроля как важнейшего элемента современного общества. Такой подход связан с пониманием социального контроля как одного из главных источников и факторов “социального капитала” [30, с. 1], средства “мониторинга и, таким образом, контроля как ключевого условия воспроизводства системы – феномена огромной важности в современном мире” [31, с. 27].

Исторический обзор рассмотрения понятия социального контроля в социологической теории позволяет сделать следующие выводы:

В работах социологов первой половины XX века понятие социального контроля являлось одним из ключевых звеньев теоретических построений вне зависимости от научных направлений и течений, в рамках которых рассматривался данный теоретический конструкт. Причем это понятие в различной степени затрагивалось практически во всех работах классической социологии.

В дальнейшем ситуация изучения понятия социального контроля меняется. Происходит преимущественное развитие понимания социального контроля как способа реакции на отклоняющееся от нормативного поведение человека в обществе, что объясняет рассмотрение его в рамках социологии девиантности и социологии управления поведением. Такое сужение понимания социального контроля не способствовало углублению его теоретического осмысления.

Вместе с тем социальные изменения, происходящие сегодня в мире и в нашей стране, на наш взгляд, должны послужить толчком к теоретическому переосмыслению понятия социального контроля, выходу за узкие рамки понимания его как

инструмента борьбы с девиантностью и управления поведением человека. Хотя сегодня можно отметить лишь появление определенных тенденций в развитии понятия социального контроля, актуализирующих его рассмотрение в контексте становления современного демократического общества, новых тенденций развития общемирового пространства.

Как позитивную перспективу современных социологических исследований в рамках нашего подхода к пониманию социального контроля можно отметить и потребность в обращении к работам, расширяющим и углубляющим рассмотрение внутриличностных резервов и механизмов реализации социально-контрольного процесса в современном обществе.

2. СТРУКТУРА, ФОРМЫ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Поставленная в работе задача рассмотрения социального контроля в современном украинском обществе требует изложения общих принципов и подходов к исследованию структуры, форм и способов реализации социального контроля в социологической науке, чему и посвящен данный подраздел.

Социальный контроль рассматривают как один из важных аспектов актуальной проблемы взаимоотношений общества и индивида. В современной социологической литературе социальный контроль определяется как “способ саморегуляции системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством нормативного (в т. ч. правового) регулирования. Стабилизирующая функция системы социального контроля заключается в воспроизводстве господствующего типа общественных отношений, социальных (групповых, классовых, государственных) структур. Направленность и содержание социального контроля зависят от исторической обусловленности социально-экономических, политических, моральных и иных социокультурных характеристик данной социальной системы” [32, с. 301–302]. Социальный контроль понимается также как “механизм саморегуляции общества и социальных групп, обеспечивающий целенаправленное воздействие на поведение людей с целью укрепления порядка и стабильности. Социальный контроль призван гарантировать соответствующее данным социальным ценностям, нормам и ролям поведение человека или социальной группы. Он базируется свою деятельность на общем признании культуры данного общества, группы и привитии ее ценностей и норм своим членам путем воспитания образцов поведения” [33, с. 109]. Система социального контроля реализует свои функции на основе выработки привычек, обычаев, правовых, нравственных норм и соответствующих санкций. Постоянное воздействие социального контроля осуществляется через различные

реакции на поведение человека, через механизм власти, через целенаправленное и стихийное применение социальных санкций организациями, членами группы, а также участниками неорганизованного социального взаимодействия, например толпы.

Необходимо заметить, что как элемент социального управления социальный контроль действует по принципу обратной связи. Основной функцией, а точнее целью социального контроля является создание условий для устойчивости социальной системы, сохранения социальной стабильности и в то же время для позитивных изменений в системе. Это обуславливает необходимость создания гибкой системы социального контроля, совершенствования его методов и механизмов, переосмысления роли и характера функционирования в обществе.

Социальный контроль имеет сложную структуру. В социологической литературе существует много суждений о структуре механизмов социального контроля и множество их классификаций. В системе регулирования современного общества можно выделить пять его основных видов: политический, правовой, моральный, религиозный, эстетический. Именно они в своей совокупности создают необходимые социальные условия формирования, поддержания и воссоздания определенных форм социального поведения в обществе.

По способу осуществления различают физический, экономический, нормативно-символический (авторитет, уважение, престиж) социальный контроль. Систему социального контроля составляют как государственно-правовые, включающие политический, административный, судебный контроль, так и общественные (гражданские) формы, получающие полноценное развитие в рамках становления гражданского общества. Существует также более общее разграничение – институциональных и неинституциональных форм социального контроля. Институциональные формы контроля реализуются посредством деятельности специализированного контрольного аппарата – совокупности государственных и общественных органов, учреждений. Такой социальный контроль структурирован, организован определенным образом и тяготеет к “жестким”

формам реализации. Неинституциональный (неформальный) контроль связан с возможностями саморегулирования в обществе. Его действие основывается преимущественно на интериоризованных ценностно-нормативных, нравственно-психологических механизмах реализации. Заметим, что еще К.Юнг [см.: 34] выделял подобные формы контроля, обозначая их как формальный и неформальный социальный контроль. При этом формальный контроль определялся им как осуществляемый прежде всего с помощью правительственного аппарата и на основе принудительных предписаний и связывался с официальной организацией управления, основанной на принятых в обществе социальных ценностях и нормах. К неформальному социальному контролю относились нравы, общественное мнение, идеалы, религиозные убеждения, которые могут складываться более или менее бессознательно, посредством проб и ошибок. Первый осуществляется с помощью принуждения, второй формирует социальное поведение на основе реакций на соответствующие стимулы. Так, Ян Щепаньский называет элементами системы социального контроля обычаи, привычки, санкции [35].

Многообразие существующих определений и подходов к описанию структуры, элементов и форм социального контроля требует выделения основных сущностных принципов действия социального контроля. Так, по мнению Я.Щепаньского, действие системы контроля опирается на ряд принципиальных положений:

– общее для данной группы признание ее культуры и ее ценностных критериев (признание одних и тех же ценностей обуславливает сходство или идентичность поведения членов данной группы);

– привитие путем воспитания образцов поведения, действий и реагирования на действия заранее заданным способом (эти знания становятся второй “рамкой”, после биологических импульсов и систем культурных ценностей, определяющих конформистское поведение).

– учет внутренних механизмов, лежащих в основе индивидуальных особенностей человека и обуславливающих стремле-

ние к признанию и к ощущению безопасности (необходимым для сохранения внутреннего равновесия личности), которые дает (обеспечивает) конформизм;

– система формальных и неформальных институтов, которые создают как бы барьеры, внутри которых индивид может действовать и которые дают возможность активно вмешиваться в поведение индивидов [35, с. 113].

Именно реализация данных принципов выступает основанием для осуществления функций социального контроля. Как основополагающие Я.Щепаньский выделяет следующие функции: стабилизирующая функция системы социального контроля или функция воспроизводства господствующего типа общественных отношений и социальных структур; целевая функция системы социального контроля, направленность и содержание которой зависят от исторически обусловленных социально-экономических, социально-политических, социально-правовых характеристик данной социальной системы.

Таким образом, социальный контроль является компонентом (элементом) социальной организации общества, призванным обеспечивать совместную жизнь членов общества, гармонизируя их стремления и действия, устанавливая допустимые способы удовлетворения потребностей, возникающих в ходе совместной жизни.

Как формальные, внешние, институциональные и принудительные социально-контрольные рычаги, так и внутренние, интериоризированные в процессе социализации являются неотъемлемыми атрибутами любого современного общества.

Выделяются следующие способы реализации социального контроля – социальный контроль через принуждение, социальный контроль через групповое давление, социальный контроль через социализацию.

Реализация социального контроля через принуждение предполагает действие формального контроля – законов, различных насильственных средств воздействия, формализованных процедур. В современных обществах существуют строго разработанные правила, или система контроля, представляющая собой набор действующих санкций, применяемых в соответ-

ствии с типом отклонения от норм. С данной формой реализации социального контроля связана и реализация его через групповое давление, обусловленная включенностью каждого индивида в первичную социальную группу. Необходимым условием такого включения служит то обстоятельство, что индивид должен разделять определенный минимум принятых данной группой норм, составляющих формальный или неформальный кодекс поведения. Любое отклонение поведения приводит к осуждению и санкциям со стороны группы (от простых замечаний до изгнания из данной группы). Конечно, групповое давление зависит от многих факторов и прежде всего от статуса индивида. Лидер получает кредит доверия и в определенной степени может отступать от групповых норм, однако до определенной грани, перейдя которую он начинает испытывать действие группового социального контроля, и его лидерское влияние заканчивается. Кроме того, степень и вид группового давления зависят от характеристик самой первичной группы. При высокой сплоченности группы высока и групповая лояльность по отношению к нормативным образцам этой группы, повышается также и степень социального группового контроля.

Однако, на наш взгляд, в условиях социальной неопределенности и нестабильности, в условиях изменения и становления новых правовых, ценностных, нормативных устоев общества – а сегодня можно говорить о том, что “происходит коренная ломка оснований социальной организации и способа жизни людей” [36, с. 3], – реализация социального контроля через внутренние механизмы, посредством усвоения в процессе социализации ценностно-нормативных практик и специфики социальных взаимоотношений становится ведущим и выступает фактором, способным объяснить многие феномены современной социальной ситуации. Причем усвоенные в одних социальных условиях особенности реализации социальных взаимоотношений в иных социальных реалиях, с одной стороны, могут выступать стабилизирующим моментом в условиях правовой и нормативной неопределенности, а с другой – механизмом, тормозящим реализацию позитивных социальных изменений.

Социализация, формируя ценности, ожидания, привычки и желания, является одним из основных факторов социального контроля. Данный способ контроля, связанный с процессами ценностно-нормативной социализации и интериоризации, является наиболее действенным и эффективным. Так, например, Э.Фромм отмечал, что общество только тогда функционирует эффективно, когда его члены достигают такого типа поведения, при котором они хотят действовать так, как они должны действовать в качестве членов данного общества [37].

Ценностно-нормативная социализация человека, связанные с ней процессы интериоризации и формирования самоконтрольных механизмов имеют огромное значение для реализации человека в обществе.

Рассматривая особенности функционирования механизмов социализации и социального контроля, можно отметить, что индивид с момента рождения попадает в условия социализации. Первичная его социализация связана с самим фактом появления в общественном целом и выход на самостоятельную социальную роль, поскольку, как полагает Парсонс, быть новорожденным – это тоже определенная социальная роль. Вторичный уровень социализации, сопровождающий индивида с момента рождения и до смерти, связан с социальным контролем. Это главный способ обеспечения равновесия в обществе. Социальный контроль как главное средство поддержания устойчивости и равновесия в обществе не исключает ни духовного, ни материального, ни репрессивного, ни просветительского начала. И все же, как справедливо замечает Т.Парсонс, когда в обществе существует взаимодействие систем и функций, социальное равновесие поддерживается в основном благодаря общности системы ценностей и ориентаций, а не с помощью репрессивных средств социального контроля [38].

Система ценностей, мотивация ожиданий и нормативных установок, которые вырабатываются в обществе, позволяют реализовывать социальное поведение, определяют содержание и направление социальных взаимоотношений. При этом данный ценностно-нормативный механизм действует на всех уровнях

реализации социального поведения – от ситуативных поступков до целостной системы социальных действий. Таким образом, поведение непосредственно регулируется сформированной на основе ценностно-нормативного канона системой внутренних детерминант. Поведением управляет, прежде всего, сам человек, опираясь на личностную интериоризацию социальной среды. Этим обуславливается важность процесса интериоризации социальных норм и ценностей, то есть перевода их из внешних по отношению к индивиду требований во внутренние.

Ценностно-нормативная социализация личности является безусловным механизмом социального контроля. Таким образом, социальный контроль реализуется в процессе социализации, когда осуществляется усвоение индивидом социальных норм и ценностей, формируется самоконтроль, усваиваются различные социальные роли, которые предусматривают и гарантируют выполнение ролевых требований и ожиданий. Реализация социального контроля в процессе социализации есть наиболее стойкой структурой, регулирующей поведение индивида.

Результатом такой социализации (заметим, что социализация длится на протяжении всей жизни, так как зависит от изменений окружающей человека социальной среды и его собственного развития, имеет определенные этапы и механизмы) выступает не только интериоризация определенных знаний, умений и норм, но и определенные качественные сдвиги в самосознании, что предопределяет появление структуры, санкционирующей поведение изнутри, так называемого “внутреннего контролера”. Самоконтроль (внутренний контроль) представляет собой наиболее эффективную форму регулирования человеком своего поведения [39].

Самоконтроль как универсальная, интегративная способность человека является неотъемлемой частью всех видов деятельности и поведения человека. Согласно структурному принципу присущее человеку многообразие механизмов самоконтроля соотносится с иерархической организацией жизнедеятельности человека. Социальный аспект предусматривает

изучение человека, включенного в систему общественных отношений. С ним связано появление одного из наиболее сложных видов самоконтроля – социального. Исходя из того, как человек ведет себя в обществе, можно сделать вывод об особенностях сформированного социального самоконтроля. Так, Г.Никифоров указывает на то, что сформированность социального самоконтроля проявляется в умении человека посмотреть на себя со стороны. “В онтогенетическом плане социальный самоконтроль выступает как свойство личности, которое регулирует процессы общения и поведения человека в социальной среде” [40, с. 22].

Существование в обществе невозможно без актуализации механизмов социального самоконтроля. Именно с его помощью человек сознательно контролирует свое поведение в соответствии с усвоенной им системой эталонов взаимодействия и поведения в обществе. Роль таких эталонов выполняют социальные нормы или образцы поведения, обуславливая определенную направленность общественного поведения людей, содействуя организованности и стабильности общества. Социальный самоконтроль, являясь результатом предшествующего социального опыта и воспитания, отражает определенную социальную позицию человека.

Таким образом, действие социального самоконтроля реализуется на основе интериоризации определенных норм и ценностей, то есть их усвоения в процессе социализации и восприятия как внутренне необходимых условий и способов существования в данном обществе. Это позволяет говорить о сложной природе социально-контрольного механизма, связанной со спецификой его внутриличностной локализации. То есть процесс интериоризации регулятивной системы конкретным членом общества представляет собой глубокий психосоциальный процесс. Конечным итогом этого процесса является усвоение человеком определенного типа социального самоконтроля, который в результате начинает функционировать уже на уровне личностных диспозиций. Особенности интериоризации человеком социального опыта – усвоения “стойкой стратегии социального поведения”, связанные с осо-

бенностями внутриличностной локализации социального контроля, во многом обуславливают специфику существования человека в обществе. Представляя собой результат процесса социализации и адаптации личности к условиям данного общества, социальный контроль является показателем осознания реальных регулятивных механизмов, детерминирующих социальное поведение и отношения в обществе [41].

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что следует различать две стороны функционирования социального контроля: внешний контроль, когда дисциплинирующее, принуждающее к должному поведению воздействие исходит из окружающей человека среды, и внутренний контроль, который как бы локализуется в самом человеке и начинает действовать тогда, когда соответствующие нормы, правила поведения настолько усвоены им, что он следует им, не задумываясь над тем, почему поступает так, а не иначе. Во внешнем контроле ключевую роль играет весьма разветвленная система институтов. Во внутреннем социальном контроле – особенности данной личности, как социальные, связанные с объективным положением в системе социальных связей и отношений, так и психологические, в том числе связанные с приобретением индивидуального социального опыта.

3. ПРОБЛЕМА ВНУТРИЛИЧНОСТНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Функционирование социального контроля в обществе обусловлено более глубоким механизмом, нежели просто формально заданные рамки допустимых действий, невыполнение которых приводит к применению определенных санкций для преодоления девиантных проявлений. В своей сущности проблема социального контроля является одним из аспектом проблемы взаимоотношений и взаимодействий индивида и общества, гражданина и государства. Такие взаимоотношения и взаимодействия в процессе социального контроля имеют более сложный характер, чем, так сказать, простая подгонка индивидуальных качеств под определенные социальные стандарты. Необходимо учитывать особенности функционирования личностного сознания в рамках механизма социального управления. Механизм социального контроля не сводится к одностороннему воздействию общества на индивида; речь идет о процессе активного взаимодействия взаимосвязанных, хотя и различных по характеру элементов. Как отмечает А.Яковлев, представляя свою динамическую модель социального контроля, «индивид и общество (социальная группа) представляют собой взаимодействующие составные элементы системы социального контроля. Процесс социального контроля – это процесс их взаимодействия» [42, с. 252]. Предложенная им схема отражает универсальность механизмов функционирования социального контроля, их социальный и социально-психологический характер, взаимодействие между отдельными элементами, наглядно демонстрируя их последовательность и динамику действия (см. рис. 1).

В данной модели действия и взаимодействия между обществом и отдельной личностью выделяются социальные и индивидуальные акты, объясняющие сложный механизм функционирования социального контроля, важность процессов усвоения социального опыта и влияние особенностей его усвоения на характер поведения и социального взаимодействия в обществе.

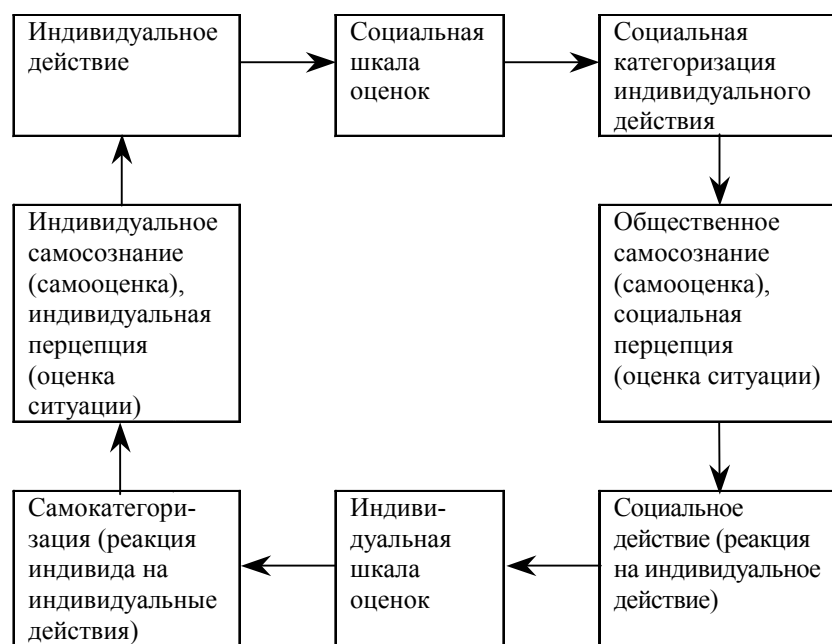

Рис. 1. Механизм социального контроля

В отличие от понимания социального контроля только как воздействия на личность, отличительными чертами которого являются “императивность, упорядоченность, формализованность, категоричность требований, предъявляемых индивиду, нормативность, обеспеченность санкциями (как формального, так и неформального порядка)” [43, с. 42], выделяющего, тем самым лишь одну сторону реализации социального контроля, современная социологическая трактовка социального контроля позволяет говорить об актуальности рассмотрения проблематики социального контроля с учетом глобальной социально-психологической сущности данного явления, а значит и значимости особенностей сформированного социального самоконтроля, реализуемого на уровне личностных диспозиций.

Попытки реализации такого подхода предпринимались и ранее. Целью таких работ было стремление показать, как удовлетворение главнейших “потребностей” общества стало возможным благодаря наиболее интимной (психологической) практике. Так, Э.Фромм намечает путь, по которому можно проследить взаимосвязь общества и формирование характера, отмечая, что для того, чтобы любое общество могло нормально функционировать, его члены должны иметь такой характер, который побуждал бы их действовать определенным образом. При этом внешняя сила заменяется внутренним принуждением и особого рода человеческой энергией, которая канонизируется в черты характера [37].

Д.Рисмен делает попытку проследить взаимосвязь того или иного типа характера и социальной структуры. Обращаясь к исследованию специфики и условий формирования социального характера, он отмечает, что “мы говорим не о “личности”... и даже не о “характере” как таковом,... в этом смысле, характер – это более или менее постоянная социально и исторически обусловленная организация побуждений индивида и их удовлетворения – своего рода “установка”, с которой он приходит к миру и людям. “Социальный характер” – это часть “характера”, разделяемая значимыми социальными группами и, по определению многих современных социальных ученых, являющаяся продуктом жизненного опыта этих групп” [44, с. 121–122]. Д.Рисмен рассматривает взаимосвязь между различными историческими эпохами и типами характера. Он выделяет три главных исторических периода и соответствующие им типы общества, рассматривая особенности формирования социального характера в процессе перехода от доиндустриальных обществ к капиталистическим и в период становления современного развитого индустриального общества.

В основу своей типологии Д.Рисмен ставит корреляцию между различными стадиями роста населения и формированием определенного типа социального характера. Он отмечает – “мой тезис состоит в том, что на каждой из трех различных фаз кривой населения общество обеспечивает конформность и формирует социальный характер совершенно различными

способами. Общество высокого потенциала прироста населения формирует у своих типичных представителей социальный характер, соответствие которому достигается благодаря их тенденции следовать традиции (ориентация на традицию). Общество переходного роста населения формирует у своих типичных представителей социальный характер, соответствие которому достигается благодаря их тенденции к приобретению на ранних этапах жизни интернализированной системы целей (ориентация на себя). И, наконец, общество начинающегося спада населения формирует у своих типичных представителей социальный характер, соответствие которому достигается благодаря их тенденции быть восприимчивыми к ожиданиям и предпочтениям других (ориентация на другого)” [44, с. 124]. Можно поспорить с основанием для выделения данных типов, но сами предложенные типы как модель такого функционирования в обществе несомненно представляют интерес. При этом Д.Рисмен отмечает, что “один из возможных подходов к выявлению структурных различий между этими тремя типами состоит в том, чтобы рассмотреть присущие каждому из них различные формы эмоционального одобрения и контроля” [45, с. 147]. Мотивация поведения носителей этих трех типов характера совершенно различна: 1) страх быть опозоренным в случае несоответствия принятым в обществе нормам, выполнения которых от человека ждут; 2) мотивация внутренняя, “психический гироскоп”, представляющий собой механизм регуляции поведения, приобретенный в раннем детстве, в процессе социализации; это своего рода “внутренний голос”, определяющий поведение человека; 3) зависимость в своем поведении исключительно от других людей, то есть: “интернализируются не принципы поведения, но сложный механизм, необходимый для того, чтобы быть внимательным к этим сигналам и время от времени участвовать в их распространении. Хотя такие средства психологического воздействия как чувства вины и стыда и сохраняются, важнейшим среди них становится растущая тревога. Это средство контроля имеет сходство скорее с радаром, чем с гироскопом” [45, с. 148]. Предложенная Рисменом типология социального характера весьма созвучна с

типами, описанными Дж.Роттером [46]. “Направляемый изнутри” (inner-directed) и “направляемый другими” (other-directed) типы, выделенные Рисменом, также указывают на определенный локус контроля. Однако Роттеру, в отличие от Рисмена, удалось выйти за рамки лишь теоретического обоснования и предложить соответствующий инструментарий для регистрации локус-контрольных тенденций с помощью опросной шкалы.

Рассматривая теорию Роттера, раскрывающую особенности личностной локализации контроля, необходимо заметить, что в отечественной науке она получила широкое распространение преимущественно в психологии. Однако попытки дробления, вычленения, факторизации предложенных Роттером двух генеральных контрольных тенденций, безусловно, несколько сузили рассмотрение возможностей развития и применения теории Роттера в других областях исследований. В частности, К.Муздыбаев в книге “Психология ответственности” использует это понятие в своей теории социальной ответственности, понимаемой им как свойство личности. Рассматривая теорию социального научения Дж.Роттера, на которой тот построил свою концепцию локализации контроля, К.Муздыбаев резюмирует, что теория Дж.Роттера не учитывала социальную обусловленность локуса контроля личности. “В отличие от Роттера, - отмечает К.Муздыбаев, - мы не рассматриваем локус контроля как сугубо психологическое явление. Поэтому мы стремимся исследовать его в социально-исторической перспективе, во взаимосвязи с различными сторонами общественной жизни людей, теми социальными процессами, под влиянием которых и происходит формирование личности” [47, с. 89]. Однако необходимо заметить, что понимание локуса контроля К.Муздыбаевым является более психологичным, в то время как роттеровская концепция занимает промежуточное положение между строго социологической и строго психологической теориями. Дж.Роттер предлагал понимание локуса контроля как феномена, сформированного в социальной среде, определяя, таким образом, социальную природу его формирования. Необходимо отметить, что именно социальная обусловленность

формирования локуса контроля является главной особенностью теории Роттера, что делает его концепцию столь популярной и “живучей”. Стимулом для разработки концепции Дж.Роттера, по мнению самого автора, послужили именно труды социологов, в первую очередь, научные разработки Э.Дюркгейма, М.Вебера, Т.Веблена, Р.Мертонна.

Сегодня понятие локуса контроля в западной научной парадигме рассматривается в рамках социального мышления, определения “Я” в социальном мире и представляет взаимодействие между нашим ощущением себя и нашим социальным окружением. Такое понимание – попытка ответить на вопрос: как наше социальное окружение формирует наше самоопределение и как наш эгоизм окрашивает наши социальные суждения и мотивирует наше социальное поведение?

Концепция локуса контроля Дж.Роттера. Предложенная Дж.Роттером в конце 1940-х – начале 1950-х годов в его теории социального научения в рамках социально-когнитивного направления концепция локус контроля подчеркивала роль социального и когнитивного факторов в понимании поведения личности в контексте социальных ситуаций. Сделанный Роттером акцент на важности социальных и когнитивных факторов в объяснении социального научения человека значительно расширил границы традиционного бихевиоризма. Его теория исходит из того, что наиболее важные аспекты личности познаются в рамках социального контекста. Теория Роттера подчеркивает значимость взаимодействия человека и его окружения. Основным конструктом в Роттеровской теории социального научения является понятие локуса контроля, или сформированного обобщенного ожидания того, в какой степени люди контролируют свою жизнь.

Роттер стремился создать теорию, которая подчеркивала бы понимание поведения в контексте социальных ситуаций: “Это теория социального научения, потому что она подчеркивает тот факт, что главным или основным типам поведения можно научиться в социальных ситуациях, и эти типы поведения сложным образом неразрывно связаны с потребностями, которые могут быть удовлетворены только при посредничестве

других лиц” [46, с. 84]. При этом Роттер сосредоточил внимание в своей теории на том, как научиться поведению в социальном контексте. По Роттеру, поведение человека определяется ожиданием, что данное действие приведет, в конечном итоге, к будущим поощрениям. Он утверждает, что ключ к предсказанию того, что человек будет делать в данной ситуации, лежит в понимании потенциала поведения, подчеркнем – именно социального поведения. Под термином “потенциал” понимается вероятность того или иного поведения, “в какой-либо ситуации или ситуациях в связи с каким-либо одним подкреплением или подкреплениями” [48, с. 12].

Впервые Роттер предложил свою теорию социального научения в книге “Социальное научение и клиническая психология” (1954). Вместо выученных и неспецифически активизируемых сочетаний “раздражитель–реакция” он говорит об определяющих поведение выученных ожиданиях связи собственных действий и подкрепляющих их последствий. Это ожидания по типу “действие–следствия”. По Роттеру, подкрепление способствует формированию ожидания определенного поведения или события как влекущего за собой то же подкрепление. Такие выученные ожидания сочетаний “действие–подкрепление” забываются, то есть затухают или исчезают, если в дальнейшем подкрепления не происходит. Чем сильнее переживаются причинные связи между собственным действием и следующим за ним подкреплением, тем сильнее сказывается ненаступление этой связи на сохранении сформированного ожидания. Если, напротив, ожидание связи сформировано слабо, то неподкрепление оказывает на него сравнительно ограниченное влияние. Таким образом, в каждой конкретной ситуации любая возможная альтернатива действия имеет некоторый поведенческий потенциал, который зависит как от силы ожидания того, что такое поведение в данной ситуации приведет к определенному подкреплению, так и от ценности подкрепления в этой ситуации. Причем, среди возможных в данной ситуации вариантов действия имеет успех тот, у которого выше поведенческий потенциал.

Роттер подробно разработал оба конструкта – “ожидание” и “ценность подкрепления”. Но дальнейшие исследования были

посвящены исключительно переменной “ожидание”, определяемой двумя независимыми детерминантами: во-первых, специфическим ожиданием (согласно накопленному опыту в данной ситуации конкретное поведение ведет к определенному подкреплению); во-вторых, обобщенным ожиданием (результат обобщения широкого спектра сложных ситуаций и способов поведения).

Причем, существеннейшим параметром всех ожиданий в отношении сочетания “действие–следствия” выступает степень влияния собственной деятельности на последующие события. Именно эту характеристику Роттер обозначил как внутренний / внешний локус контроля подкрепления. Особенно легко образуются обобщенные ожидания, охватывающие целые области жизненных ситуаций, которые в большей степени поддаются воздействию либо субъекта (внутренний контроль), либо внешних факторов (внешний контроль). Такие ожидания проявляются в особенностях убеждений и взглядов на роль таких факторов, как судьба, счастье или власть, определяя индивидуальные типы. Причем такая генерализация ожиданий внешней или внутренней контролируемости подкреплений столь велика, что распространяется на все жизненные ситуации, приобретая характер личностной диспозиции. Был разработан специальный опросник – шкала Роттера для выявления экстернальности/интернальности (внутренний и внешний локус контроля) [49]. Данные опросника рассматриваются в качестве индивидуальных характеристик генерализованного ожидания. Мы вернемся к этому ниже.

Таким образом, предложенная Роттером концепция указывает на тот факт, что если в прошлом люди за определенное поведение в данной ситуации получали подкрепление, то они чаще всего повторяют это поведение. Причем сформированное ожидание может привести к постоянным формам поведения, независимо от времени и ситуаций. Подчеркнем, что фактически Роттер обосновывает ключевую, на наш взгляд, идею о том, что ожидание, генерализованное на основе прошлого опыта, объясняет стабильность и единство личности и ее функционирование в определенной социальной ситуации. Таким образом,

можно выделить важный тезис теории Роттера, способный объяснить и нынешнюю ситуацию в нашем переходном обществе: генерализованные ожидания отражают обобщенный опыт различных ситуаций и определяют сформированную на основе прошлых особенностей социального взаимодействия тенденцию интернальной – экстернальной направленности локуса контроля. Это позволяет прогнозировать возможные реакции и ожидания и в будущем.

Типы контроля. Представление об интернальном (внутреннем) и экстернальном (внешнем) локусах контроля является центральным конструктом теории социального научения и отражает генерализованные ожидания в отношении того, в какой степени человек контролирует подкрепления в своей жизни. Люди с экстернальным локусом контроля полагают, что их жизнь регулируется внешними факторами, такими как судьба, удача, счастливый случай, влиятельные люди и непредсказуемые внешние события. “Экстерналы” верят в то, что они заложники судьбы. Напротив, люди с интернальным локусом контроля верят, что их жизнь определяется их собственными действиями и способностями (внутренними или личностными факторами). “Интерналы” чувствуют, что они в большей степени влияют на подкрепления, чем люди с экстернальной ориентацией локуса контроля. Говоря об особенностях данной типологизации, заметим, что речь идет не о взаимоисключающих понятиях; моменты и интернальности, и экстернальности присутствуют в каждом человеке, и о локусе контроля можно говорить лишь в плане превалирования одного над другим, определяющего тип. Таким образом, данный конструкт следует рассматривать как континуум, имеющий на одном полюсе выраженную экстернальность (внешний локус контроля), а на другом – интернальность (внутренний локус контроля). Убеждения людей расположены на всех точках между ними, по большей части в середине. Предложенные Дж.Роттером термины характеризуют преобладание того или иного типа контроля.

В своих последующих разработках Дж.Роттер подчеркивает, что локус контроля определяет каузальные (причинные)

связи между внутренними - психическими явлениями и последствиями (результатами) социального поведения человека. Следовательно, этот личностный конструкт воздействует перманентно на регуляцию деятельности, отличается устойчивостью и определяет достижение значимого результата в поведении [49].

Методика. Предложенная концепция локализации контроля, приобретающего характер личностной диспозиции, позволила Дж.Роттеру разработать специальный опросник, репрезентирующий I-E шкалу (internal – внешний, external – внутренний локus контроля) [50]. В рамках программированного интервью Роттер предложил 29 суждений, отражающих разные жизненные события. Их контрастность позволяет сделать более четкий выбор. Предпочтение определенных суждений демонстрирует позицию испытуемого – преобладание внутреннего или внешнего локуса контроля. Свою шкалу Роттер основывает на двух принципиальных положениях.

Во-первых, люди различаются между собой по тому, где они локализуют контроль значимых для себя событий. Возможны два полярных типа такой локализации, или локуса контроля: экстернальный и интернальный. В первом случае человек полагает, что происходящие с ним события являются результатом действия внешних сил. Во втором случае человек интерпретирует значимые события как результат своей собственной деятельности. Любому человеку свойственна определенная позиция в континууме, простирающемся от экстернального к интернальному полюсу (типу).

Во-вторых, локus контроля, принятый индивидом, универсален по отношению к любым типам событий и ситуаций, с которыми ему приходится сталкиваться. Один и тот же тип контроля характеризует поведение данной личности и в случае неудач, и в сфере достижений, причем в равной степени затрагивает различные области социальной жизни.

Необходимо заметить, что до сих пор происходят многочисленные попытки модернизировать предложенную Роттером шкалу. Разрабатываются специальные шкалы локуса контроля применительно к отдельным сферам жизни личности.

Появляются разнообразные ее модификации, в том числе разработанный отечественными учеными метод УСК (уровень субъективного контроля) [51]. Опросник УСК, предложенный Е.Бажиным, Е.Голынкиной и А.Эткингом, организован в соответствии с иерархическим принципом. Он включает обобщенный показатель индивидуального УСК, инвариантный к частным ситуациям деятельности, два показателя среднего уровня общности, дифференцированные по эмоциональному знаку этих ситуаций, и целый ряд ситуационно-специфических показателей. Выделяются такие показатели, как общая интернальность, интернальность в области достижений, интернальность в области неудач, интернальность в семейных отношениях, интернальность в области производственных отношений, интернальность в области межличностных отношений, интернальность в отношении здоровья и болезни. Такой подход к исследованию характеристик локуса контроля был вызван потребностями психотерапевтической службы – необходимостью разработки экспериментально-психологической методики, которая позволила бы сравнительно быстро и эффективно оценить сформированный у испытуемого уровень субъективного контроля над разнообразными жизненными ситуациями и была бы пригодна для применения в клинической психодиагностике, в семейной консультации, при профотборе и т. п. Отметим, что углубленное изучение возможности личности контролировать какую-то отдельную сферу действительности, позволяет развивать саму концепцию в рамках психологического исследования и в то же время помогает решать практические вопросы. Но этим вовсе не снимается потребность в представлении локуса контроля как обобщенной характеристики (показателя G–E в концептуальной авторской терминологии Дж.Роттера). Наоборот, все отчетливее становится необходимость дальнейшей разработки варианта методики, позволяющего изучать эту генерализованную склонность личности. Однако, более эффективной чем авторская шкала, методики определения обобщенной локус контрольной характеристики, пока нет. В своем исследовании мы используем общую идею Роттера о существовании генеральной тенденции контрольной направленности восприятия действительности –

внешнего / внутреннего локуса контроля, не вдаваясь в дальнейшее его дробление.

Развитие концепции локуса контроля. В традиционной научной интерпретации структура локуса контроля является целостным образованием, ее внутреннее деление имеет преимущественно условный характер.

Имеется множество попыток описания и интерпретации данного явления. Рассматривая развитие концепции локуса контроля можно проследить расширение и углубление представлений о локусе контроле, его структуре, функциях, процессах формирования и реализации.

Первоначально идеи Роттера и представителей его школы сводились к определению локуса контроля как устойчивой стратегии индивидуального поведения, в которой определяются элементы экстернальной / интернальной направленности. В процессе личностного становления индивида эти характеристики обогащаются, стабилизируются и проявляются как генерализированное психическое образование, выполняющее регулятивную функцию самосознания. Таким образом, Роттер вводит свою субъектноцентрированную парадигму.

Дальнейшее теоретическое развитие концепция локуса контроля получает в работах Б.Вайнера. Если Роттер описывает, прежде всего, тип (интернал / экстернал), то Вайнер пытается описать ситуацию. Он предлагает свою модель локализации контроля, объединяя параметры локализации и стабильности в единую четырехмерную модель причин [52] (см. рис. 2).

Характеристики	Интернальные причины		Экстернальные причины	
	стабильные	нестабильные	стабильные	нестабильные
Неконтролируемые	опыт	настроение	трудности, обязанности	случайность
Контролируемые	обычные усилия	единичные усилия	требования руководителей (руководящих инстанций)	внешняя необычная помощь

Рис.2. Модель локализации контроля Б.Вайнера

Вайнер, в отличие от Роттера, задействует в своей схеме суждения об ответственности четырех видов: события можно объяснить за счет усилий, способностей, случая или трудности задач. Вайнер делает попытку через описание ситуации выделить причины формирования того или иного типа. Таким образом, он развивает идею о том, что локус контроля не является результатом автоматической генерализации успешных или неуспешных действий, а представляет собой результат осмысления окружающего мира и собственного места в нем, процесса, интегрированного в формирование Я-концепции [53].

Ряд исследователей дифференцируют в качестве внутренних факторов локуса контроля “контроль идеологии” (или социально-политическую контролируемость) и “личностный контроль” [54], Ф.Робле и Я.Келленс, например, выделяют такие представления о мире в качестве факторов: “трудный–легкий”, “предсказуемый–непредсказуемый”, “справедливый–несправедливый” и др. [55].

Надо отметить, что попытки факторизации понятия локуса контроля предпринимались на протяжении всей истории развития данного понятия.

Сам Роттер намечает пути решения данного вопроса в своих экспериментах. Он использует диагностику интернальности / экстернальности и “межличностного доверия”. Это позволяет описать два вида экстернальности: защитно-экстернальное поведение (при низком уровне межличностного доверия), которое характеризуется проявлениями недоверия, честолюбия, агрессии и пассивно-экстернальное поведение (при высоком уровне межличностного доверия) имеющее такие признаки, как доверие, апеллирование к случайности и т. п. [56].

Х.Левенсон в своих работах выделила три вида локуса контроля: интернальность; экстернальность, связанную с чувством беспомощности и зависимости от других; экстернальность, связанную с ощущением неструктурированности окружающего мира и фатализмом. На этой основе она разработала опросник IPC (internal / people / chance), в котором рассматриваются ситуации высокой степени генерализации [цит. по: 57].

В работах ряда исследователей, проводивших факторизацию опросника I–E, единый фактор интернальности / экстер-

нальности был разделен на несколько других [51]. Но часто критерии выделения того или иного числа факторов остаются неизвестными, поэтому возникают проблемы их обоснования.

Последней интересной разработкой данной проблематики, на наш взгляд, является теория Г.Крампена. Она представляет модель контроля поведения, раскрывающую представление автора о высших уровнях личностной регуляции поведения.

Г.Крампен в своей теории рассматривает такие сравнительно самостоятельные образования как самовосприятие и управление формами поведения, то есть субъективный контроль за поведением личности. В работах Г.Крампена предпринимается попытка интерпретации способности субъекта к активному осмыслению своих целей и причинному анализу результатов своего поведения [58].

Ученый придерживается классической исследовательской парадигмы, определяя направленность поведения личности в рамках модели взаимосвязи внешних–внутренних детерминант. Он также реализует попытку эмпирического выявления высших уровней личностного контроля, разрабатывая методику, аналогичную шкале Дж.Роттера.

Свою основную задачу Г.Крампен видит в интеграции направления, представленного теориями “ожидаемых ценностей”, с идеями поуровневой регуляции поведения. Он рассматривает “генерализованные устойчивые ожидания личности” как завершающие личностную иерархию структур убеждений и ожиданий.

Основной акцент делается на уровне генерализованных устойчивых ожиданий личности. Этим понятием охватывается сфера субъективного понимания источника контроля (а значит, личной ответственности за реализуемое поведение) и представления о собственных способностях (в контексте полагания причинности событий, возможности достижения определенных целей) [59].

В качестве собственного оригинального вклада Г.Крампена в развитие теории локуса контроля можно обозначить рассмотрение механизмов и результатов переходов между четырьмя постулируемыми им уровнями контроля способов поведения [59] (см. рис. 3).

<i>Уровни контроля</i>	<i>Способы поведения и факторы контроля</i>	<i>Типы ожиданий и убеждений</i>
I	Специфические способы поведения	Ситуационно специфические ожидания
II	Типичные способы поведения	Ожидания, распространяющиеся за пределы ситуации, но специфичные по отношению к сфере активности (решение задач, вождение автомобиля и т. п.)
III	Первичные факторы личностного контроля	Целостные убеждения относительно контроля за действием, которые не ограничены сферой активности
IV	Факторы второго порядка	Личностная сфера генерализации ожидаемых способов поведения

Рис. 3. Модель уровней контроля за способами поведения Г.Крампена

Переход от I ко II уровню предполагает генерализацию связей между ожидаемыми способами поведения и требованиями ситуации, переход от II к III уровню – генерализацию сфер поведения как видов определенной активности, переход от III к IV уровню – генерализацию убеждений личности относительно контроля за действиями на уровне Я-концепции.

Сквозной идеей работ Г.Крампена является связь локуса контроля, или убеждения личности относительно контроля за способами поведения с ожиданием опосредованного социальными установками поведения и т. д.

Разрабатываемая Г.Крампеном концепция заслуживает внимания как конкретизирующая проблемы иерархии механизмов контроля за поведением – от ситуационно детерминированных до собственно личностных выборов, форм проявления активности человека – познающего и действующего, “целеобразующего” и ответственного за свои поступки и способы достижения целей.

В концепции В.Столина, разрабатываемой с позиции деятельностного подхода, качество личности, определяемое как локус контроля, рассматривается как функциональный показатель отражения в самосознании личности ее включенности в деятельность, переживания “субъектом его связанности или несвязанности с событиями собственной жизни” [60].

Можно выделить и еще одну линию в изучении данного феномена. Интерпретация сущности, содержания и становления локуса контроля в процессе социализации личности.

Сам Дж.Роттер, предлагая термины экстернальности и интернальности локуса контроля, полагал, что они отражают устойчивые свойства личности, сформированные в процессе ее социализации [49].

Л.Шерман и Р.Хофман, исследуя локус контроля, описывают процесс интериоризации внешнего контроля во внутренний. Они устанавливают прямую зависимость этой тенденции преобразования исследуемого феномена от степени сформированности самооценки и от уровня функционирования самосознания личности. При этом уделяют немало внимание изучению места локуса контроля среди механизмов самосознания, принимая во внимание обязательные связи между самоконтролем и самооценкой личности, самоконтролем и социальным познанием личности.

В результате своих экспериментов Л.Шерман и Р.Хофман выделяют разные структурные компоненты локуса контроля, определяют их “стабильность–лабильность” и дифференцируют “возрастнезависимые” компоненты и “возрастозависимые” характеристики локуса контроля. Процесс качественной стабилизации первых, а также обогащения и усложнения вторых на всех этапах социального созревания личности свидетельствуют о прогрессивной динамике становления этого качества [61].

Данный подход, в известной мере, согласуется с мнением Х.Лефкура. Он предлагает новое содержание феномена, приписывая личностному конструкту особую “когнитивную сущность”. Рассматривая локус контроля как социально-когнитивный феномен, Х.Лефкур определяет его формирование и становление как параллельное с формированием и станов-

лением социального Я-образа личности. Локус контроля является концентрированным результатом опыта, знаний, усвоенных норм и субъективизированных социальных ценностей.

Влияние локуса контроля является определяющим для поведения исходя из частных аспектов проявления способностей и качеств личности. Обязательное присутствие локуса контроля обнаруживается в движении деятельности или поведения человека к достижению желаемых результатов. Х.Лефкур отмечает, что в системе действия локуса контроля присутствует влияние фиксированной самооценки личности и причинности (каузальной атрибуции) данного поведенческого результата. Это определяет и основную функцию локуса контроля: управлять социальными действиями индивида исходя из существующих позитивных или негативных оценок со стороны общества (социального окружения) [62].

В.Джо и Х.Лефкур в своих работах показывают зависимость между локусом контроля и удовлетворенностью от достижения качественного результата поведения [63].

Б.Стрикланд в качестве основных размерностей локуса контроля рассматривает экстермальную / интермальную направленность, дополняя ее динамичными характеристиками. Таким образом, интермальный локус контроля объединяет индивидуальный опыт и усилия человека, а экстермальность соответствует внешним требованиям (требованиям руководителя) и обязательствам человека. Эти элементы в рамках измерения экстермальности / интермальности автор классифицирует в группы сообразно их стабильности и динамичности [64].

Кроме того, исследователи выделяют этапы в процессе интериоризации и становления локуса контроля и определяют зависимость формирования этого качества от половозрастных особенностей, а также, что хочется подчеркнуть особо, от воздействий социально-культурной среды [65]. Исследования автора данной монографии также фиксируют возрастные различия в распределении локус-контрольных тенденций в украинском обществе [66].

О важности данного феномена в социальной жизни людей свидетельствуют исследования, раскрывающие культурологический, этнический аспекты данной проблематики.

Так, например, английский этнограф Э.Локк предложил более сложную концептуализацию локализации контроля, в которой перекрещиваются несколько разных параметров:

1. Внутренний или внешний локус контроля – представления о положении индивида в его поведенческой среде.

2. Активное или пассивное начало – восприятие “Я” в качестве контролирующей или подконтрольной инстанции.

3. Временной аспект – мыслится ли источник человеческого поведения находящимся в прошлом, настоящем или в будущем.

4. Пространственный аспект - где именно локализуется “Я”.

Отмечая, что человек, например, может считать, что находится под контролем какого-то внешнего агента, но этот агент может быть локализован в прошлом (дух предка), в настоящем (дух леса, в котором я охочусь), в будущем (кто-то заманит меня в ловушку с помощью магии) или в потустороннем, вневременном мире (ангел-хранитель). Столь же многообразна природа и локализация внутренних контрольных инстанций. “Я могу объяснять свои поступки влиянием прошлого (память), настоящего (страсть, мгновенное влечение) или будущего (стремление к определенной цели). По мнению И.Кона, использование этой схемы позволяет лучше концептуализировать конкретные этнографические данные. Немаловажна и пространственная локализация “Я”. При внешней локализации на первый план выходит оппозиция “верха” (бог, вышестоящие лица) и “низа” (дьявол), а также “здесь” (земное) и “там” (потустороннее начало). При внутренней локализации это может быть любая конкретная часть тела” [67, с. 118–120]. Крайним, предельным случаем идеалистической наивной психологии, трактующей “Я” как контролирующее, внутреннее, чисто духовное начало, является мистический тибетский буддизм. “Более светские, мирские формы буддизма уже заметно сдвинуты в сторону экстернализации и уменьшения приписываемого “Я” самоконтроля. Новоевропейская концепция человека отличается высокой интернализацией “Я”, но приписывает ему среднее, промежуточное положение на векторе “контроль / подконтрольность”. Максимально экстернализирую-

ванный, подконтрольный, находящийся во власти чувственных влечений образ “Я” характерен для южно-суданской народности динка” [67, с. 120].

И.Кон рассматривает проблему локализации контроля в контексте нормативного канона человека и стиля социализации в рамках кросскультурного сравнения коллективных представлений о природе человека (образов человека в культуре). Ученый замечает, что “если раньше внимание исследователей концентрировалось главным образом на когнитивных, познавательных процессах, то в последние годы заметных успехов добилась также психология и социология эмоций, морального развития и саморегуляции” [67, с. 112]. Можно отметить, что центр тяжести данной проблемы переносится, таким образом, с умственного развития индивида на социально-структурные характеристики общества, макро- и микросоциальной среды, от которой непосредственно зависит степень личной автономии человека. Отсюда иная, социологическая концептуализация вопроса. “В общем виде локус контроля обозначает склонность человека – как индивида и как представителя определенной культуры – приписывать ответственность за важнейшие события собственной жизни преимущественно самому себе (интернальный локус), либо различным внешним факторам – другим людям, объективным условиям или судьбе (экстернальный локус). При более детальном анализе локус контроля включает в себя, во-первых, мировоззренческий элемент – представление о том, как вообще управляется мир; во-вторых, индивидуальное чувство личного контроля: считает ли человек себя хозяином собственной жизни; в-третьих, связанную с этим систему самооценок и критериев” [67, с. 116]. Подход к рассмотрению понятия локуса контроля в его взаимосвязях и взаимозависимостях с различными факторами социальной среды, а не только исключительно с психологическими характеристиками в последнее время начал продуктивно разрабатываться и украинскими социологами [см., напр.: 20].

Обобщая важность показателей локуса контроля, можно отметить, что они являются социально-психологическими характеристиками человека, отражающими обобщение со-

циального опыта индивида и обуславливающими степень активности его собственных усилий, направленных на преодоление жизненных трудностей, и степень личной ответственности за происходящие с ним события, а также связанными с верой в успешное будущее. Эти характеристики самосознания и мировоззрения личности являются значимыми в реакциях человека на различные события жизни, детерминирующими процесс социальной регуляции его поведения. Локус контроля можно представить: 1) как феномен, отражающий способность человека контролировать свою деятельность и поведение в соответствии с требованиями и особенностями социальной среды; 2) как своеобразный индивидуально-личностный результат реализации социально-контрольного процесса; 3) как довольно устойчивое образование, формирующееся в процессе социального научения, обусловленное спецификой социальной ситуации и, в свою очередь, опосредующее ее.

ГЛАВА 2

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ

Основной задачей данной главы стало рассмотрение особенностей реализации социального контроля в контексте процессов демократизации и становления гражданского общества. Именно рассмотрению этих процессов в современном украинском обществе посвящена данная глава.

Таким образом, предлагается общая идеальная модель социального контроля в современном демократическом обществе и анализируются возможности и специфика ее реализации в украинском обществе. Анализируются представления граждан о своих возможностях влияния на власть на современном этапе развития общества. Рассматриваются проблемы расширения уровня привлечения граждан к принятию властных решений, а также действенности и распространенности разных средств влияния общественности на принятие решений власти. Анализируется степень готовности граждан к активному участию в процессе принятия решений по конкретным проблемам на местном уровне.

1. Проблема демократизации социальных отношений

Проблема трансформации социальных отношений на современном этапе развития нашего общества имеет огром-

ную актуальность, что требует осмысления возможности перехода к демократической организации общества. Об этом свидетельствует, в частности, интерес отечественных социологов к проблематике демократизации социальной системы и становления гражданского общества в Украине.

Следует отметить, что теоретические вопросы демократической организации общественных отношений рассматривались в работах как классической, так и современной социологии. Сущностное представление о демократии сложилось еще во времена Ж.-Ж.Руссо, представляя ее как стремление к реализации “общественного договора”, предусматривающего наиболее полный учет интересов и воли всех частных лиц государства [1]. Однако эффективность демократии как “поиска общего блага” оспаривалась такими теоретиками демократии, как Дж.С.Милль, А. де Токвиль, полагавшими, что такой консенсус ведет к утверждению посредственности. При этом считалось, что жизненно важным для демократии является “состязание идей, – спор, а не обсуждение” [2, с. 9], что, безусловно, является неотъемлемым, неперенным атрибутом современных демократических отношений. Данное понимание более реалистично и предполагает, что совершенных принципов принятия решений не существует и невозможно в рамках одного решения учесть мнения и интересы каждого. Таким образом, можно признать, что демократия как система призвана, в первую очередь, структурировать властные отношения, предполагая необходимость расширения количества полноценных субъектов, регулирующих и контролирующих социальный процесс. Именно демократическое устройство общества, по мнению теоретиков демократии, является наиболее эффективным способом социальной организации, поскольку дает возможность всем гражданам проявлять свою волю и влиять на развитие демократических институтов и общество в целом. На наш взгляд, данная особенность процесса демократизации, безусловно,

связана с проблемой реализации социального контроля в современном обществе.

Проблема трансформации социального контроля в рамках демократизации общества связана с такими взаимозависимыми аспектами, как пересмотр роли и функциональных границ государства в демократическом обществе, становление гражданского общества как демократической формы его функционирования, нарастание значимости личностного фактора в процессе демократического обустройства общества и рассмотрение личности как активного субъекта демократических социальных отношений.

Рассматривая проблемы демократии в классической работе “Демократия в Америке” (1835), А. де Токвиль, опережая свое время, предлагает адекватное понимание возникновения, создания и перспектив развития демократии, понимаемых как определенные принципы социальной организации общества. Анализируя опыт французской революции (1789–1794), Токвиль отмечает, что уничтожение абсолютизма не приводит к автоматическому уничтожению его наследия – государственной власти, нередко приобретающей формы “демократического деспотизма”, при котором каждый человек оказывается зависимым от анонимной власти целого, а народ, хотя и признается “единственным законным источником власти”, на деле лишается “всякой возможности руководить и даже контролировать свое правительство” [3]. А. де Токвиль, а вслед за ним и многочисленные его последователи единственный выход на пути к реальной демократии и действенное средство ослабления диктата государства в обществе видят в создании, укреплении и расширении сферы деятельности общинных учреждений и органов местного самоуправления, в развитии всевозможных добровольных организаций и ассоциаций, в введении в повседневную практику политической жизни общества различных методов контроля населения за деятельностью чиновников. Говоря современным языком, речь идет о развитии институтов и элементов гражданского общества, расширении круга субъектов реализации социального контроля общества.

Таким образом, гражданское общество представляется как механизм внедрения и функционирования демократических принципов реализации социальных отношений. Проблема функционирования гражданского общества как демократической формы существования социетального сообщества занимает важное место в процессе демократизации социальных отношений, делая возможной “модернизацию” современного общества. В контексте данного понимания гражданского общества становится понятной актуализация этого фактора развития современного украинского общества.

В постсоветском обществе это связано в первую очередь с тем, что понятие “гражданское общество” – прежде всего “очень точно и емко выражало то, чего в этом обществе не доставало и что хотелось иметь в качестве неперемennого условия жизни. Иначе говоря, стремление к такому идеалу родилось из социальных условий восточноевропейского и советского мира” [4, с. 63] и понималось как “антитеза тоталитарно-бюрократическому режиму” [5, с. 11]. Данная логика справедлива и в рамках рассмотрения проблемы формирования новых социальных отношений и становления новой модели реализации социального контроля в нашем обществе. Мы обращаемся к рассмотрению понятия гражданского общества в рамках рассмотрения проблематики социального контроля, полагая, что именно становление полноценного гражданского общества будет способствовать изменению характера и особенностей социальных отношений в украинском обществе, расширению контрольных возможностей для большего количества агентов социального процесса, а следовательно, и реализации современной демократической модели социального контроля.

Реально актуальность гражданского общества на современном этапе связана, в первую очередь, с тем, что гражданское общество наилучшим образом защищает свободу человека от насилия, предоставляя возможности группам и индивидам свободно определять и выражать в пределах закона их разнообразные социальные идентичности и т.д. При этом как ключевую можно выделить идею о необходимости возрождения

демократического видения ситуации, что является залогом реализации всех остальных преобразований.

Становление новых демократических социальных отношений в обществе предполагает и гомогенизацию условий социальной жизни. Именно гражданское общество “повсюду, где оно реально существует, постепенно создает более однородное социальное пространство демократических прав и обязанностей, свободы любых форм деятельности и обмена, свободы личной инициативы и самодеятельности (если она не во вред интересам других граждан и всему обществу), свободы циркуляции любой политической и культурной информации (если она не противоречит общечеловеческим нормам и ценностям)” [5, с. 40]. Еще Г.Гегель в качестве основополагающих принципов, на базе которых функционирует гражданское общество, называл, наряду с принципами частной собственности и личной свободы, “публичность” и “всеобщую осведомленность”, свободу формирования общественного мнения, а также справедливые и строго соблюдаемые законы [подр. см.: 6]. Таким образом, реализация важнейшей функции гражданского общества предполагает создание более однородного правового и морального, информационного и культурного, рыночного и деятельностного поля, которое является многообразным по своим проявлениям, но единым по своим общедемократическим и общесоциальным ценностям.

Представление о гражданском обществе как базовом элементе современного механизма реализации социальных отношений, в том числе контрольных, требует рассмотрения его структуры и основных функциональных принципов в рамках данного исследования. Такое понимание послужит отправной точкой для дальнейшего анализа возможностей реального функционирования гражданского общества в Украине. Современное гражданское общество сегодня можно представить как “всеохватывающую систему гражданских институтов, проникающих во все “поры” общественной жизни” [7, с.42], что предполагает: становление и утверждение нового индивидуализма, носящего массовый характер и сочетающего высокое

чувство личного достоинства с расширением интересов индивида и активизацией его социальных связей; формирование и развитие ассоциаций, в которых нуждается экономика эпохи глобализации; рост современных средств массовой информации с их подтверждаемой жизнью претензией на роль “четвертой власти” как следствием информационного прорыва и отражением тенденции продвижения к информационному обществу; более полное раскрытие двойственной природы и специфических возможностей гражданских политических ассоциаций, а также системы публичного управления в условиях развернутой демократии; рост многообразных по назначению и формам социальных и социокультурных ассоциаций как отражение высокой степени структурированности, характерной для развитого демократического общества; развитие международных гражданских организаций и движений.

Относя понятие гражданского общества к представлениям о структурированном и организованном социуме, современная социология выделяет следующие основные признаки гражданского общества: во-первых, расчлененность социального целого на части, отношения, виды деятельности, обладающие автономной логикой; во-вторых, наличие индивида, стремящегося стать личностью, как особой единицы социума и одного из его субъектов, первичной или базовой ячейки социума. Такие признаки определяются как основные для того, чтобы считать данный социум обустроенным по нормам гражданского общества [подр. см.: 7]. Также необходимо подчеркнуть, что в социологическом контексте понятие “гражданское общество” наполняется содержанием в связи с понятием “государство”, предполагая, во-первых, что эти понятия не должны рассматриваться как взаимоисключающие и, во-вторых, что они приобретают реальный смысл только в связи и в отношении с третьим и основным агентом и субъектом современного демократического социального процесса – суверенным индивидом, личностью как высшей ценностью. Конечно, принцип первоценности человека не является уникальным в истории формирования социально-общественной организации. Он неоднократ-

но брался на вооружение. Однако мы полагаем, что именно функционирование полноценного гражданского общества, исходя из вышерассмотренных положений, может способствовать наиболее полной реализации этого принципа.

Таким образом, можно констатировать, что гражданское общество возникает в процессе эволюции социума как своеобразный регулятивный механизм. Гражданское общество уже по своей природе и сущности имеет целью и задачей расширение контрольных рамок в современном обществе, открывая новые возможности реализации социально-контрольного механизма и формируя новые его субъекты.

2. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Социальный контроль можно назвать социально детерминированным механизмом поддержания социального равновесия и в то же время механизмом, способствующим развитию социальных изменений в обществе. Провозглашенный в Украине курс на демократические преобразования и формирование гражданского общества требует качественно иной концепции социального контроля, отвечающей принципам и требованиям социально-правового государства. Социальный контроль призван регламентировать и консолидировать деятельность всех социальных субъектов общества (и власти, и граждан), обеспечивая его устойчивое, равновесное, стабильное функционирование, позитивное социальное развитие и прогресс. Данные особенности реализации социального контроля получают свое оптимальное развитие в условиях функционирования полноценного гражданского общества и социально-правового государства. Несмотря на то, что понятие социального контроля в теории гражданского общества занимает важное место, характеризуя уровень развития демократии в социуме, степень зрелости институтов и структур гражданского общества, сегодня имеются лишь единичные публикации по данной проблематике.

На актуальность проблематики становления гражданского общества и необходимость расширения контрольных полномочий на современном этапе указывают сегодня многие социальные исследователи. Так, В. Степаненко отмечает, что "... «Дело Лазаренко», развернутое только в год президентских выборов, выявило системный кризис безконтрольности и неподотчетности власти, которая и по сей день по инерции функционирует в традиционном режиме «закрытой политики». В то же время уже достаточно широкая общественность и реформаторски настроенные представители власти осознают, что сегодня вопросы формирования системы внешнего гражданского

контроля, прозрачности политических решений, необходимости независимых гражданских экспертиз и подотчетности власти общественности являются наиболее актуальным вопросам в Украине” [8, с. 8].

Контроль со стороны граждан выделяют как ключевое условие развития гражданского общества и демократического государства. Становление и совершенствование гражданского общества необходимо как условие реализации интересов всех членов общества, как противовес оппонентов в борьбе друг с другом, предполагающий наибольший учет интересов простых членов общества.

Вместе с тем, в разработках большинства постсоветских авторов фигурирует представление о гражданском, общественном контроле как формальном, изначально заданном механизме, или как конституционально и формально закрепленных в обществе правовых основаниях контроля гражданами социальных процессов.

Исследуя проблему контроля со стороны общества и личности (граждан) за деятельностью государства (властных структур), большинство авторов, – а это, преимущественно, правоведы, историки, философы, – при рассматривая вопросов наличия в обществе законодательной и правовой базы для реализации контрольных функций указывают на необходимость общественного контроля и лишь декларируют проблематичность его выполнения, не раскрывая причин такой ситуации.

Вместе с тем необходимость раскрытия причин не всегда успешной реализации демократических контрольных механизмов настоятельно требует более глубокого взгляда на проблему социального контроля. Исследование становления новых социальных отношений не может быть ограничено рассмотрением исключительно установления и реализации правового регулирования. Гражданское общество, как отмечалось выше, – это, в первую очередь, сообщество активных, самостоятельных и независимых личностей, наделенных характерными чертами, ценностями, установками. Позитивное преобразование общества на пути демократизации социальных

отношений невозможно без учета именно “личностного фактора” такого развития.

Таким образом, наша трактовка контроля в рамках демократизации социальных отношений и функционирования гражданского общества предполагает значительно более широкое понимание, когда речь идет не просто о внешне заданном инструменте контроля со стороны граждан, реализуемом в терминах “гражданский контроль” или “общественный контроль”. Оно должно предполагать изменение логики контрольных отношений на всех уровнях реализации, в том числе на уровне сознания каждого конкретного человека. Сама природа социального контроля (как было показано в первой главе), а следовательно, и механизм его реализации значительно сложнее, многогранней и многофункциональней, нежели механический процесс контролирования гражданами деятельности власти, общества, государства. Таким образом, мы полагаем, что именно реализация социального контроля в современном демократическом обществе, расширение его рамок и возможностей, увеличение количества полноценных субъектов данного процесса предполагает не только наличие объективных, внешних оснований и условий, но и учет внутренних резервов и особенностей данных субъектов, – всего того, что способствует (либо препятствует) его успешной реализации. Тем самым актуализируется рассмотрение личностного, социально-психологического аспекта данного механизма.

Косвенное подтверждение сказанного можно найти в работе Квентина Викторовича, определяющего гражданское общество в терминах именно социального, а не гражданского контроля [9]. К сожалению, при этом, он не раскрывает данную позицию глубоко, а лишь очерчивает ее целесообразность. А вместе с тем, использование понятия социального контроля позволяет обозначить и раскрыть сложный механизм действенности контроля на процессы реализации социальных взаимодействий и отношений в современном обществе.

Демократизация социальных отношений, становление гражданского общества повышает значимость социального контроля общества, его социальных институтов, а следовательно,

каждой личности над деятельностью государства. Ответственность государства в лице власти и чиновников перед своими гражданами возможна только при широком контроле со стороны общества, тогда как ослабление социального контроля способствует нарастанию безответственности, вседозволенности и безнаказанности власти. Причем понимание необходимости и возможности обоюдосторонних контрольных полномочий, в том числе и контроля над государственными властными структурами, как условия существования демократического правового государства должно стать прерогативой общественного сознания. Становление гражданского общества призвано способствовать расширению полномочий и возможностей контроля личности и общества над государственными структурами. Реализация данных принципов будет стимулировать власть и чиновников, предотвращая возможности безнаказанного и безконтрольного существования, предполагая их отчетность и зависимость не только от вышестоящего чиновника, но и от общества как активного субъекта социальных отношений. Как отмечает М.Мищенко, общество является гражданским, если общественность может влиять на экономические и политические процессы [10].

На наш взгляд, новая концепция социального контроля должна основываться, в первую очередь, на демократических принципах реализации социальных отношений социальных субъектов, исходить из нового понимания соотношения личности и государства, их роли и положения в обществе. Это предполагает пересмотр социальных позиций и приоритетов в отношениях личности и государства (гражданина и власти). Понимание личности как высшей ценности социума, ее свободы, независимости и развития как высшей социальной цели, а государства как механизма, призванного их обеспечивать, – это та идеальная модель, к которой необходимо стремиться. И тогда контроль будет выступать, прежде всего, тем социальным механизмом, который должен обеспечивать соблюдение прав и свобод личности, ее политическую и экономическую независимость; гарантировать соблюдение правовых нормативов государства и гражданского общества, верховенство закона,

независимость СМИ, развитие действенных структур гражданского общества, становление социально активных субъектов общества и т. д.

Дж.Кин, пересматривая теорию демократии, утверждает, что сегодня все больше внимания сосредотачивается на естественных правах человека. “Свобода, достаток и счастье граждан, право оказывать сопротивление несправедливым законам, распределение власти, свобода прессы, верховенство закона, ограничение времени нахождения должностных лиц и законодателей на своих должностях – эти и другие принципы сформировались в противовес олигархическим и государственноцентристским политическим теориям”, – пишет ученый, и далее: “...использование власти наилучшим образом публично контролируется и проверяется в условиях демократического строя, в котором существует институциональное разделение между гражданским обществом и государственными институтами” [11, с. 18–19].

Главная задача гражданского общества – сделать процессы в государстве контролируемыми со стороны общественности. Именно идея активного гражданского действия является его основой. Суть гражданского общества состоит в том, что общественность получает реальную возможность осуществлять действительное влияние на процессы, происходящие в обществе. Основным смыслом становления гражданского общества, на наш взгляд, заключается именно в противодействии контрольной монополии власти и создании условий и механизмов контроля над властью и воздействия на власть с целью артикуляции и защиты интересов граждан. Именно гражданское общество призвано разрушить государственную монополию на власть, вводя в сферу контрольных элементов в обществе частных гражданских лиц и общественные негосударственные организации, наделяя их соответствующими полномочиями. Такие преобразования должны способствовать преодолению неравномерного распределения контрольных полномочий.

Социальное взаимодействие в процессе реализации новых социальных взаимоотношений предполагает становление гражданского общества как самостоятельной социальной под-

системы, призванной и способной обеспечивать эффективную “обратную связь” между различными социальными субъектами и государством, преобразуя однонаправленное воздействие властных структур на общество во взаимодействие между ними.

Как один из основных видов социального взаимодействия в современном демократическом обществе рассматриваются различные формы социального контроля. Это и механизмы функционирования общественного мнения в системе социального контроля, и контрольные функции политических партий, СМИ, общественных организаций. Рассматриваются также различные формы социального давления, в процессе которого социальные агенты осуществляют давление на те или иные субъекты социального процесса. Причем, следует различать как “горизонтальные” (между субъектами одного уровня), так и “вертикальные” (связанные с взаимодействием субъектов различного уровня: личность-группа, личность – общество, личность – государство) формы давления. Оказание эффективного давления на властные структуры с целью корректировки или блокировки тех или иных видов их деятельности является одной из важнейших функций институтов гражданского общества. Таким образом, можно полагать, что реализация социального контроля посредством функционирования институтов гражданского общества является значимым фактором оптимизации социального процесса в рамках демократизации социальных отношений. При этом институты гражданского общества понимаются как “устойчивые формы самостоятельности социальных субъектов, организации их отношений и взаимодействий, существующие вне рамок государства и развивающиеся без его прямого вмешательства” [12, с. 46]. По традиции, идущей от А. де Токвиля, главными качественными отличиями институтов гражданского общества от институтов государства являются их организация на основе добровольного выбора (а не принуждения) и опора на авторитет морали (а не власти), что предполагает наличие и формирование в обществе определенной базы и условий для их развития. Иначе вполне логичным в рамках курса на демократизацию

станет появление квазигражданских институтов как социальных структур, формально имеющих атрибутику гражданского общества, а по сути являющихся дополнительными средствами контроля и подавления личности со стороны государства. Таким образом, можно предполагать, что развитие гражданского общества в нездоровых, недемократических социальных условиях, в условиях неготовности субъектов к новым формам социального взаимодействия может обернуться усилением контроля государства над личностью и обществом.

Полноценное же функционирование социальной системы предполагает реализацию диалектики контроля, так называемого принципа обратной связи. Такая диалектика предполагает реализацию контроля как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении, обуславливая, наряду с взаимосвязанностью всех уровней реализации социального контроля, контролируемую взаимосвязанность социальных субъектов и возможность реализации возвратного контроля с их стороны.

Данные процессы связаны с реализацией общего позитивного, демократического развития общества, что предполагает “упорядоченные отношения автономии и зависимости между акторами или общностями в контексте социального взаимодействия” [13, с. 16]. Современная социальная система, таким образом, требует наличия “некоторых условий, благодаря которым те, кто является подчиненными, могут контролировать и регулировать действия своих начальников” [13, с. 16]. Именно эта способность современной демократической социальной системы и обуславливает диалектику контроля, предполагающую возможность возвратного контроля.

Современное демократическое общество должно быть организовано таким образом, чтобы минимизировать прямые односторонние контрольные акты, предполагающие наличие активного субъекта социального контроля и пассивного объекта. Это обуславливает необходимость выработки системы “противоядия”, в том числе в виде механизма возвратного контроля. В этом состоит главная задача перестройки социальных отношений субъектов в рамках реализации курса на демократизацию и становление гражданского общества. Конечно,

нужно отчетливо понимать, что социальную природу не обманешь (стремление к аккомодации власти и контроля в своих руках со стороны социальных субъектов вполне объяснимо), но следует использовать ее же ресурсы, позволяющие координировать и уравнивать социальную ситуацию. Эти ресурсы связаны с диалектикой контроля, иерархией контроля и осуществлением обратной связи в обществе, – того, что не противоречит социальной природе контроля, а способствует полноценной реализации и прогрессивному развитию социальной системы. Конечно, данные механизмы для успешной их реализации в рамках демократизации общества предполагают легитимизацию и институционализацию средств контроля и закрепление их на всех уровнях реализации – от социально-институционального до сознания каждого конкретного представителя данного общества, формирование новой демократической культуры социального взаимодействия. Успешная реализация этой задачи самым непосредственным образом связана с задачей становления полноценного гражданского общества.

Гражданское общество призвано стать своеобразным буфером между государством, властными структурами и гражданами, выступая арбитром, согласующим интересы всех субъектов социального взаимодействия. В гражданском обществе функционирует множество общественных организаций и ассоциаций, в том числе международных, репрезентирующих различные интересы (общество защиты прав человека, прав потребителей, союзы предпринимателей и т. п.). Контрольные функции в гражданском обществе осуществляются и со стороны партий, общественных движений и организаций, независимых СМИ и СМК, а также через волеизъявление на референдумах и выборах, позволяющих оперативно фиксировать общественное мнение и реализовывать чаянья и надежды граждан.

Таким образом, мы видим роль социального контроля в гражданском обществе как своего рода “катализатора” и “провокатора” реализации прогрессивных социальных изменений в обществе; как социального образования, имеющего в своем

арсенале механизмы, способные изменить логику и характер социальных отношений социальных субъектов в нашем обществе. Контроль со стороны населения (общественный, гражданский контроль) является неотъемлемой чертой гражданского общества и позволяет оперативно оценивать ситуацию, предполагая наличие действенной обратной связи со стороны общественности, внесение корректив в решения органов законодательной и исполнительной власти. Реализация социального контроля в рамках современного демократического государства и функционирования гражданского общества предполагает усвоение демократических норм и ценностей всеми субъектами социального взаимодействия, наличие высокого уровня социальной активности, связанного с формированием социальных институтов, от развития и взаимодействия которых зависят условия проявления гражданской активности. Это – выборы, общественное мнение, независимые СМИ и СМК, местное самоуправление, объединения граждан и т. д. Такие взаимоотношения невозможны без социальной активности членов общества, независимости социальных субъектов, и, в свою очередь, консолидируют общество и обеспечивают непосредственное участие граждан в совершенствовании государственного управления посредством гражданского контроля над государством. При этом государственный и гражданский контроль не являются взаимоисключающими элементами, а дополняют друг друга, выступая неотъемлемым условием организации социального пространства и полноценной реализации интересов всех социальных субъектов в обществе. История показывает, что чем сильнее гражданское общество, в котором индивиды чувствуют себя вполне свободными и не испытывают неуверенности и страха за свое благополучие, тем незаметнее контролирующая роль государства, ибо в таком случае оно функционирует строго в своих рамках и не вмешивается в повседневную жизнь своих граждан.

Рассмотренные способы и принципы организации гражданского общества дают основание представить современную демократическую модель реализации социального контроля.

3. СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Демократизация социальных отношений, коренные изменения, затрагивающие все сферы украинского общества, требуют пересмотра существующей модели социальных отношений и представления новой. Заметим, что речь идет о разработке модели именно в контексте современного украинского общества, что собственно является основной целью данной работы. Это предусматривает переосмысление парадигмы общественного развития, связанного с качественным изменением отношений личности и государства в нашем обществе. Проблема трансформации логики этих взаимоотношений в современном украинском обществе связана с демократизацией социальных отношений в целом, с изменением роли и функциональных нагрузок социальных субъектов в современном мире и расширением возможностей всех агентов социального взаимодействия в условиях процесса демократизации, что предполагает переход от принципа “общество, личность для государства, имеющего неограниченную власть над личностью”, к принципу “государство для общества, каждого конкретного индивида, гражданина данного государства”.

Рассматривая вопрос соотношения позиций личности, общества и государства в рамках социального взаимодействия, необходимо отметить, что он не является сугубо постсоветской проблемой. Так, А. Турен отмечает, что “в досоциологических образах господствовала дуалистическая концепция: носитель смысла находился над обществом. Это всегда принуждало отдавать главную и в сущности необъяснимую роль центральному действующему лицу, способному преодолеть противоречие, выступающему носителем смысла и сражающемуся против бессмыслицы, представляющему универсальное. Таким действующим лицом почти всегда являлось государство” [14, с. 67–68].

А. Бандура указывает на то, что лишь в последнее время мы стали свидетелями перераспределения власти, создающего более широкие возможности для взаимного влияния. Данная тенденция позволила людям реально выступать против социального неравенства, добиваться изменения существующей практики социальных отношений, обуславливающей нарушения их прав и свобод, и противодействовать этому. Это дало возможность обратиться к тем вопросам общественной жизни, которые до сих пор находились лишь под односторонним контролем государства. Однако тот факт, что все большее количество людей обладает реальной властью, сам по себе не гарантирует построения гуманного общества. Ведь “как бы ни была распределена власть в обществе, важно и то, каким целям она служит” [15, с. 286].

Отметим, что несмотря на общую фиксируемую сегодня тенденцию масштабных изменений социального процесса в современном обществе, поставленная в работе задача изучения именно украинского общества заставляет, рассматривая современную модель реализации социального контроля, апеллировать к ситуации трансформации социальных отношений именно в постсоветском пространстве. Очерчивая специфику социальных взаимодействий в нашем обществе в предперестроечный период, необходимо отметить, что общество, отчуждаясь от тоталитарного государства, в то же время всецело оставалось в его рамках. Идеология государственности прева-лировала в обществе, выступая главным интегрирующим фактором общественного сознания. Это обуславливало прева-лирование представлений о том, что государство, а не личность, не общество являются высшей ценностью. Личность, гражданин, семья, каждый слой населения являлись лишь неразрывными частями государственной общности, жестко регламентирующей все социальные институты. При этом само государство всегда отождествлялось, с одной стороны, с обществом, а с другой стороны, в форме абстракции – с чиновничеством, которое поглощало понятие “государство”, что было связано с абсолютным господством государственной собственности. Это предполагало, что такой социум сам по себе представляет не

самостоятельную целостность, а нечто заданное как бы извне, через некое верховное начало, институционализированное в виде Партии / Государства [16]. Именно по отношению к этому началу определяется индивид как *homo soveticus*, принадлежность которого ко всем иным общностям и идентичностям (социальным, профессиональным, национальным) вторична или производна от данной основной артикулированной связи. Естественно, что такое общество, его культура плохо развиваются “снизу”, путем естественной эволюции, а любой социальный институт тесно привязан к государству и зависим от него. Таким образом, можно выделить два основных агента социальных взаимоотношений в данном обществе – государство и индивида, вернее, личность как социальный продукт общества (т. е. индивида, в большей или меньшей мере усвоившего социокультурные стереотипы сознания и поведения, характерные для данной социальной среды). Такое понимание советской социетальной организации позволяет нам использовать это обоснование при рассмотрении вопроса реализации социального контроля. Речь идет об обществе, в котором государство всегда регулирует социальные отношения, определяя их характер, очерчивая основополагающие ценности и нормы, приемлемые в данном обществе, а также задавая роли и функции основных участников социального взаимодействия. В таком обществе прерогатива государства – дать возможность функционировать тем или иным социальным агентам в качестве субъекта или объекта в рамках социальных отношений. Это отразилось и в особенностях реализации социального контроля. Т. Парсонс в своей теории предполагал наличие таких агентов социального контроля, как “чиновник” и “гражданин”. Как институт, генерирующий социально-контрольный продукт, выделяется “государственный аппарат” [17, с. 167]. Такое представление отвечает традиционному пониманию субъекта социально-контрольной функции. Функционирование советского общества предполагало, что роль активного субъекта социального процесса принадлежит государству и его организационным структурам. В первую очередь, можно выделить КПСС как главное звено, основную и направляющую силу

советского общества. Иным участникам социального процесса предоставлялась роль объекта, призванного активно следовать выработанным партией и государством целям, выполняя поставленные перед ними задачи в обозначенных им рамках. Контрольные же функции государство оставляло исключительно за собой, пресекая любые отклонения, идущие вразрез с основной линией партии и государства.

Социальный контроль представлялся в первую очередь как механизм, связанный с воздействием на поведение личности. Причем, отмечая его специфику, особенно в работах советского периода, авторы указывали на то, что “в целях подчинения человека потребностям господствующего способа производства и соответствующего ему социального порядка каждое общество вырабатывает только ему присущую систему социального контроля, благодаря которой поведение индивидов и групп осуществляется с соблюдением господствующих социальных норм и ценностей” [18, с. 5]. Таким образом, социальные отношения в данном обществе в рамках реализации социального контроля представлялись в социологической теории как отношения субъекта, активно формирующего поведение, нормы, стандарты взаимоотношений, и пассивного объекта, воспринимающего предложенную или навязанную ему сверху линию отношений. Причем роль активного субъекта брало на себя преимущественно государство, а роль пассивного объекта отводилась рядовому члену общества. Такое понимание предусматривает модель реализации социального контроля, предполагающую субъект-объектную (*S/O*) логику социальных отношений и наличие двух основных агентов социально-контрольного процесса – “личности” и “государства”

Необходимо отметить, что в партийном и государственном аппарате создавались “противовесы” в виде рабочего контроля, партийных чисток, системы ЦКК–РКИ, партгосконтроля, наконец, народного контроля. Однако специфической особенностью проявления данных контрольных функций в советском обществе можно назвать то, что такая “борьба” велась преимущественно на уровне села, колхоза, трудового коллектива, предприятия, института или организации. Далее конт-

рольные действия советского общества, т. е. контроль со стороны личности и гражданина, не распространялись. Реализуемый контроль был направлен опять же на преодоление чуждых выработанным партией и государством установок, норм и ценностей. При этом, как отмечает Н.Спирин, такие “контрольные структуры либо ограничивались сокращающимися рамками своей компетенции, либо их представители приручались властвующими и превращались в их марионеток” [19, с. 145]. “Ахиллесовой пятой” КПСС и советского государства в целом стало именно то, что они утратили механизмы контроля за своими руководящими, властными органами.

Социальные взаимоотношения в таком государстве определяются тем, что власть и ее носители приказывают и контролируют, а подданные, граждане государства, подчиняются. На стороне первых – властное право государства, на стороне последних – безусловная обязанность подчинения. Таким образом, общество априори предполагает верховенство государства, которое закрепляет и увековечивает сложившиеся социальные связи, диктует и контролирует приверженность к определенным ценностям и нормам. В таком обществе социальная регуляция, взаимоотношения государства и общества строится по принципу сильных связей “сверху вниз” и очень слабых “снизу вверх”. Государство выступает в качестве абсолютного суверена. Поддержание социальных отношений в таком обществе нуждается в постоянном принуждении и контроле со стороны государства, что предполагает высокую личностную зависимость от него. Такое общество жестко структурировано и предельно закрыто для личности, активно задает социальные рамки ее активности и мобильности. Все это формирует определенный стереотип социальных отношений, который в результате закрепляется на личностном уровне, на уровне самосознания конкретного члена данного общества.

Итак, можно констатировать, что данная модель реализации социального контроля отражает наличие субъект-объектных отношений и выделяет государство и личность (индивидов) как основные агенты социальных отношений. Такое общество можно обозначить как “государственное общество”, прерогати-

вой которого является отстаивание интересов государства как основной ценности данного социума. Правильнее было бы говорить о поглощении общества государством.

Иначе обстоит дело в правовом демократическом государстве, когда сама сущность его развития предполагает активизацию всех социальных агентов. Это обуславливает и качественно иную модель реализации социального контроля в современном демократическом обществе.

Можно говорить о том, что новая социальная реальность конца XX – начала XXI столетия характеризуется принципиальным изменением характера взаимоотношений в обществе. Сегодня “на место обществ с государственным моноцентризмом приходят сообщества людей, основанные на социальном полицентризме” [20, с. 18]. Характерными чертами этого процесса являются поливариантность, альтернативность, предполагающие, что человек с его склонностью к демократии, самоуправлению, самоорганизации, самоконтролю и самостоятельности выдвигается на первый план в общественных отношениях. На смену государственному диктату, структурам властного контроля постепенно приходит гражданское общество с его самоконтрольными рычагами, усилением роли личностного самосознания.

Рассматривая украинский контекст данного процесса, отметим, что развитие любого цивилизованного общества с необходимостью предполагает постепенное движение вперед, иначе общество лишено какой-либо позитивной логики существования. Трансформация нашего государства сегодня имеет целью формирование демократического общественного уклада, становление гражданского общества. Согласно закону Украины “О приоритетных направлениях развития украинского общества” в качестве таковых выдвигаются задачи развития человеческого потенциала и формирования гражданского общества.

Такие социальные реалии требуют трансформации социальных отношений в современном обществе, переосмысления характера таких отношений. Сегодня настоятельно необходима новая модель социальных отношений, учитывающая как

современные тенденции общемирового масштаба, так и социально-исторические особенности конкретного общества. Ее сущность могла бы, а вернее, должна определяться идеологией, предусматривающей постепенное самоограничение государства и олицетворяющего его чиновничества, т. е. демократизацию как самого государства, так и всего общества.

Современные реалии обуславливают появление новой, более прогрессивной и демократической модели реализации социально-контрольных отношений, предполагающей переосмысление роли и функций государства и преодоление его контрольной монополии, расширение структур гражданского общества и возможностей самореализации современной личности в обществе, увеличение таким образом количества полноценных субъектов современного социального процесса.

Современные тенденции развития социального контроля в рамках демократизации и становления гражданского общества предполагают формирование новой модели отношений, главным отличием которой от старой является принципиальная качественная разница соотношений государства с его “социумом”. Новая идеальная модель предполагает рассмотрение государства и социума, в том числе в виде гражданского общества, как полноценных субъектов, претендующих на разделение власти. В основе данного феномена “лежат отношения между государством и социумом по поводу власти (господство и управление), выступающей не только как политический, но как социальный феномен” [16, с. 32]. Контролируя власть – ее источники, ресурсы, средства легитимизации, гражданское общество пытается избавиться не от государства вообще, но скорее от собственных – огосударствленных – форм и стать из общества “в себе” обществом “для себя”. Именно в этом, на наш взгляд, заключается позитивная сущность современного демократического процесса, коренным образом отличающая его от предыдущей ситуации, что обуславливает качественное отличие новой модели реализации социального контроля.

Происходящее усложнение социальной организации общества предполагает расширение сферы социальных отношений, усложнение ее характера и расширение количества активных

полноценных субъектов контрольной сферы социального процесса в обществе. Так, А. Турен отмечает: "...то, что сначала представлялось "естественным" разнообразием, на деле является расширением воздействия общества на самого себя. Если смотреть глубже, то сложное общество больше "производится" и стало быть, меньше воспроизводится, чем менее сложное общество" [14, с. 67].

Проблема становления новых социальных отношений и реализации современной модели социального контроля неразрывно связана с проблемой расширения субъектности современного общества, формированием его полисубъектной структуры. Современное (постмодерное) мышление предполагает относительность оппозиции "субъект-объект" и обуславливает взаимозависимость и взаимозаменяемость этих позиций в процессе реализации современных социальных отношений.

Итак, реализация новых социальных отношений в обществе предполагает становление новых социальных субъектов, переход социальных агентов из состояния объекта в состояние субъекта. Решение данной задачи, как было показано выше, обуславливает необходимость активного привлечения гражданского общества как действенного фактора данных преобразований. Ведь именно реализация интегративной функции гражданского общества заключается в осуществлении процесса ресубъективизации агентов социального действия (слоев, групп, индивидов и т. п.), в превращении их из объектов социального воздействия и манипуляций в социальных субъектов. Причем институты и структуры гражданского общества выступают тем "охранительным" барьером, который защищает социальных субъектов от диктата государства, и одновременно выступают средствами, механизмами развития полисубъектности общественной системы, самих социальных субъектов.

Именно в полноценном гражданском обществе складываются все необходимые экономические, политические, культурные и духовные условия для полисубъектности, для развития и саморазвития многочисленных, неодинаковых количественно и качественно неоднородных, но равноправных субъектов.

“Традиционное общество по всему своему строению анти-субъектно или противосубъектно. Как отмечает Гегель, здесь свободен один или свободны немногие, в то время как в гражданском обществе (в идеале) свободны все” [5, с. 34]. В гражданском обществе впервые содержатся реальные социальные условия для субъективизации личности, а тем самым для субъективизации тех малых и больших социальных групп, с которыми ассоциируется относительно свободная и развитая личность.

Мы исходим из понимания гражданского общества как посредника между государством и индивидом, идущего еще от представлений А. де Токвиля, рассматривающего гражданское общество как звено, опосредующее отношения государства и индивида в процессе реализации социальных отношений в демократическом обществе [3]. Мы понимаем гражданское общество как механизм формирования коллективных полномочий, увеличивающих возможности граждан в защите своих интересов и прав от произвола или “капризов” государственной власти, связывая развитие гражданского общества с расширением возможностей демократического участия и контрольных полномочий, которые представляются как средство ограничения деспотизма и авторитарного правления.

Можно констатировать, что формирование новых полноценных социальных отношений и реализация современных социально-контрольных механизмов сегодня невозможны без становления полноценного гражданского общества со всеми присущими ему атрибутами, структурами, институтами, ценностями и нормами. Гражданское общество сегодня реально выступает фундаментальным фактором совершенствования демократической государственности. Однако такое плодотворное взаимодействие в современных условиях парадоксально влечет за собой изменение соотношения их социальных функций в пользу гражданского общества. Это означает, что “мысль о возможном в относительно обозримой перспективе превращении государства в наемного управляющего гражданского общества, не преследующего репрессивных целей и лишённого необходимых для этого механизмов, перестает казаться утопической” [21, с. 43–44].

Таким образом, современная социальная ситуация актуализирует необходимость появления на общественном горизонте таких новых полноценных социальных субъектов реализации социального контроля, как личность с ее правами и новыми возможностями влияния и воздействия и гражданское общество с его структурами, принципами и механизмами объединения граждан для реализации и защиты их интересов. Субъект-объектные отношения, предполагающие активное государство и пассивную личность, заменяются отношениями субъект-субъектными (*S/S*), предполагающими социальную активность и наличие возможностей контроля у всех агентов социальных взаимодействий, основанных на реалиях новых возможностей современного мира, демократических принципах реализации социальных отношений и полноценных структурах и институтах гражданского общества. Последние занимают как бы промежуточное положение и выступают посредником в отношениях между государственными структурами, институтами, с одной стороны, и индивидами – с другой, и представляют так называемый “интерсубъектный дискурс” в терминологии Э.Гидденса.

Мы рассматриваем социальный контроль в современном демократическом обществе как целенаправленное и действенное влияние социальных субъектов на поведение агентов социального взаимодействия в целях оптимизации функционирования всей социальной системы в рамках реализации субъект-субъектных отношений, закрепленных в ценностно-нормативной системе, реализуемой на всех уровнях функционирования общества, начиная от законодательного закрепления и заканчивая уровнем самосознания конкретной личности, члена данного общества. В таком понимании социальный контроль предполагает безусловное преобладание “гибких”, “непрямых” методов реализации; наличие реальной возможности контроля со стороны населения за деятельностью властных структур (т. е. “обратную связь”); примат самоконтроля над “внешней” социальной регуляцией; реализацию принципа ответственности всех субъектов социального взаимодействия и их высокую гражданскую активность, что требует

полноценного функционирования институтов гражданского общества. Таким образом, можно отметить, что социальный контроль в рамках современного демократического общества необходимо трактовать как контроль всех субъектов современного социального процесса. Это контроль со стороны как правового государства, так и гражданского общества, как со стороны власти и государства над его гражданами, так и со стороны граждан и гражданского общества над деятельностью власти и государства, с преобладанием самоконтрольных механизмов над внешними санкциональными действиями.

Все это позволяет нам представить идеальную модель реализации социального контроля, отражающую субъект-субъектный тип отношений в современном демократическом обществе и предполагающую расширение контрольных возможностей агентов социального процесса (см. рис. 1).

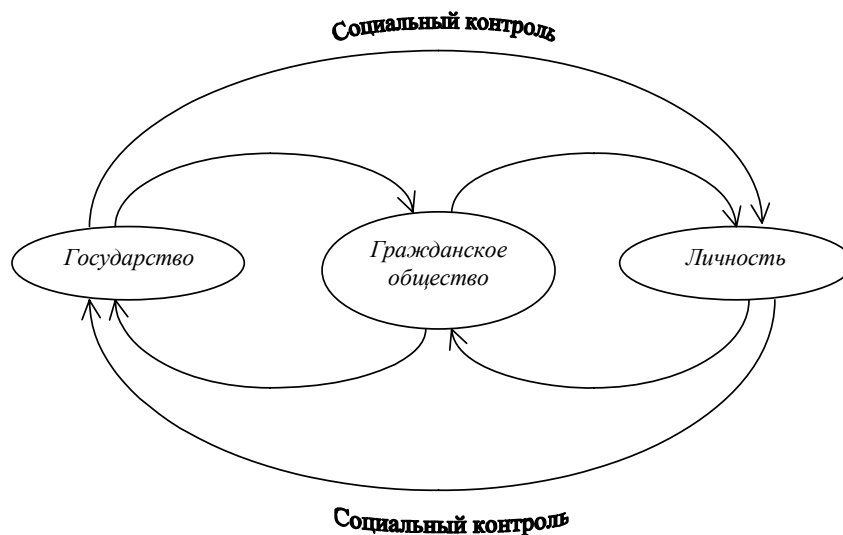

Рис. 1. Модель реализации социального контроля

Такая модель фиксирует возможности осуществления контрольных функций всеми агентами современного демократического социального процесса: и государством, и личностью, и

гражданским обществом, являющимися полноценными субъектами данного процесса, обладающими всеми правами и обязанностями, которыми наделяется активный субъект социального взаимодействия.

Личность получает возможность воздействовать на деятельность государства, его властные структуры как прямо, так и посредством развития структур гражданского общества, способных контролировать власть: через неправительственные организации, в том числе международные, через политические партии, в частности оппозиционные, через профсоюзные организации, общественные движения и т. п. Такова идеальная современная модель реализации социальных отношений в демократическом правовом обществе, предусматривающая равноправие и возможности реализации контрольных функций для всех субъектов социальных отношений. Эта модель представляет демократическую социальную систему, предполагающую, что “правители” и “граждане” в такой системе – это в значительной степени взаимозаменяемые элементы.

Однако, описывая современную демократическую модель реализации социального контроля, необходимо отметить, что в постсоветском мире, в государствах, взявших курс на демократизацию, люди только начинают постигать искусство самоуправления, изменения логики и характера социальных отношений в демократизирующемся обществе. Становление новых социальных реалий способствует и изменению особенностей реализации контрольных механизмов в нашем обществе. Это предполагает необходимость рассмотрения особенностей реализации данной модели в современном украинском обществе, в частности проблемы ее реалистичности сегодня, то есть описание реальной модели реализации социального контроля, отражающей ситуацию, сложившуюся в нашем обществе.

Конечно, данная модель не может быть идентична модели социального контроля, реализовывавшейся в нашей стране прежде. Социальная ситуация в Украине, несмотря на все политические, экономические и т. п. издержки, значительно изменилась по сравнению с реалиями 10–20-летней давности. Общемировые тенденции изменения социального простран-

ства, бурное развитие и распространение современных технических и технологических достижений, демократические преобразования, несмотря на их незавершенность, затронули и современное украинское общество. Произошло и формальное раскрепощение личности, которая получила возможность выбора личностных социальных и политических приоритетов. Возникают новые социальные структуры, идет процесс становления многопартийной системы, осуществляются выборы президента и парламента. Конституция Украины 1996 года законодательно закрепила основные принципы гражданского общества. Человек был признан наивысшей социальной ценностью украинского общества, что предполагает как наличие обязанностей каждого человека перед обществом, так и ответственность государства перед человеком, утверждение и обеспечение прав и свобод человека, свободного и всестороннего развития личности. Для содействия ускорению процессов становления и развития в Украине институтов гражданского общества, поддержки инициативы широких кругов общественности, в соответствии с п. 28 статьи 106 Конституции Украины, при Президенте Украины создана Комиссия по содействию развитию гражданского общества (Указ Президента Украины № 245/2001 от 11.04.01). С целью укрепления демократических основ общественно-политического развития Украины создана Всеукраинская гражданская рада (Указ Президента Украины № 244/2001 от 11.04.01), основными задачами которой являются: изучение проектов законов, указов Президента Украины, решений Кабинета Министров Украины, центральных органов исполнительной власти на предмет их соответствия общепризнанным нормам международного права и стандартам демократического общества, подготовка соответствующих предложений; содействие обеспечению реализации принципов открытости и гласности в деятельности органов государственной власти. При этом предложения Всеукраинской гражданской рады являются обязательными для рассмотрения государственными органами. С 1990 по 2007 год принят целый ряд постановлений, законов и указов по проблемам местного самоуправления, открывающих все более широкие возможности

участия в управлении местными и государственными делами для граждан Украины. Развитие и укрепление основ местного самоуправления является важным условием становления демократического, жизнеспособного гражданского общества, расширения его контрольных возможностей. Так, в 2001 году были приняты Законы “О службе в органах местного самоуправления” и “Об органах самоорганизации населения”, а также Указ Президента “О государственной поддержке развития местного самоуправления в Украине”. Как отмечалось в “Урядовом курьере”, “возобновление местного самоуправления, имеющего глубокие исторические корни и давние традиции, – важная составляющая политического трансформирования нашего общества. С конституциональным закреплением его гарантий заложено одно из важнейших оснований развития и углубления демократии в Украине” [22, с. 2]. Для дальнейшего развития местного самоуправления, выработки эффективных путей решения проблем жизнеобеспечения территориальных общин сел, поселков и городов, начиная с 2003 года проводится Всеукраинский конкурс проектов и программ развития местного самоуправления.

С целью осуществления эффективной политики в сфере государственного строительства, местного самоуправления и регионального развития, усовершенствования механизмов ее внедрения, обеспечения привлечения широкого круга общественности к разработке политических решений, правовых основ их реализации в соответствии с п. 28 ч. 1, ст. 106 Конституции Украины Президент издает Указ “О Национальном совете по вопросам государственного управления и местного самоуправления” (03.05.2005). В качестве одной из основных задач Национального совета в указе определяется разработка и внесение предложений относительно: развития гражданского общества и форм непосредственной демократии; усовершенствования системы взаимодействия между органами государственной власти, органами местного самоуправления, их ассоциациями и другими объединениями, общественными организациями, предпринимательскими структурами; обеспечения прозрачности деятельности власти; привлечения граждан,

их объединений к подготовке решений общегосударственного и местного значения; оценки эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

На сегодняшний день в Украине приняты также законы, направленные на защиту прав и свобод граждан, на защиту общественных организаций, свободы прессы и других средств массовой информации. Ратифицирована “Конвенция о защите прав человека и основных свобод” (от 17.07.97), принято Постановление Верховной Рады Украины “Об основах государственной политики Украины в сфере прав человека” (от 17.06.99) и т. д.

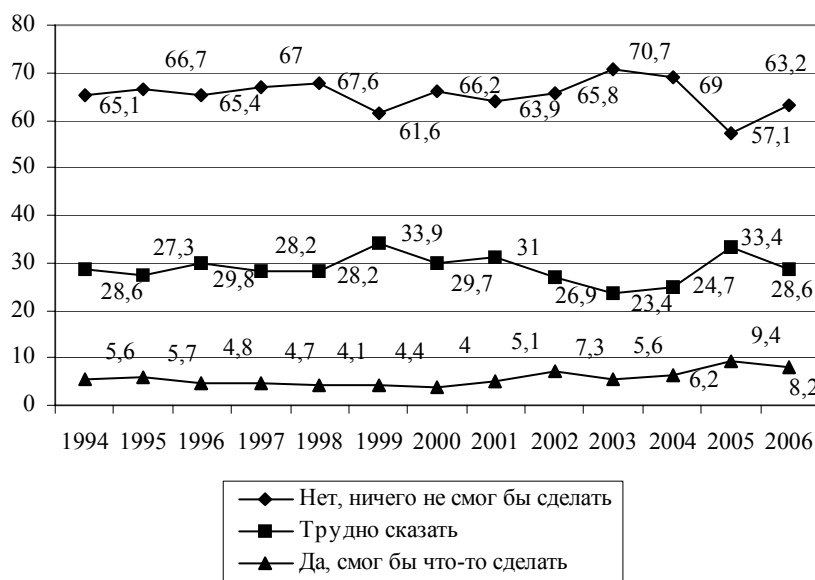
Можно констатировать и формальные признаки появления структур гражданского общества в нашей стране. Об этом свидетельствует наличие в Украине таких неотъемлемых атрибутов гражданского общества, как многопартийность, наличие многочисленных негосударственных общественных организаций, профессиональных союзов и объединений, негосударственных каналов теле- и радиовещания, появление и развитие новых технологий, в том числе Интернет-ресурсов и т. д.

Таким образом, происходящие сегодня в обществе изменения свидетельствуют о демократизации общества и увеличении количества социальных субъектов, способных осуществлять контрольные функции в современном украинском обществе, о расширении диапазона контрольных полномочий как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении. Все эти объективные условия дают основания говорить о формальном присутствии в современном украинском обществе всех агентов, включенных в современную модель реализации социального контроля.

Однако особенности взаимоотношений данных агентов, безусловно, имеют свою специфику, отражающую реальную социальную ситуацию в Украине. И в первую очередь это касается оценки гражданами своей возможности влияния на власть и действенности контрольных полномочий общества в отношении власти на современном этапе развития нашего общества.

Проанализируем оценку нашими соотечественниками реальных возможностей влияния на власть.

Результаты мониторинга ситуации в течение последнего десятилетия дают возможность проследить тенденции по годам. До 2005 года более 70% респондентов отмечали свою несостоятельность относительно возможности влияния на решения власти. В 2005 году был зафиксирован наименьший за весь период наблюдений процент жителей Украины, которые считали, что в случае принятия правительством Украины решения, которое ущемляет законные права и интересы граждан, они “ничего не смогли бы сделать”. Впервые в стране сложилась ситуация, когда так считали немногим более половины опрошенных украинцев (см. рис. 2).

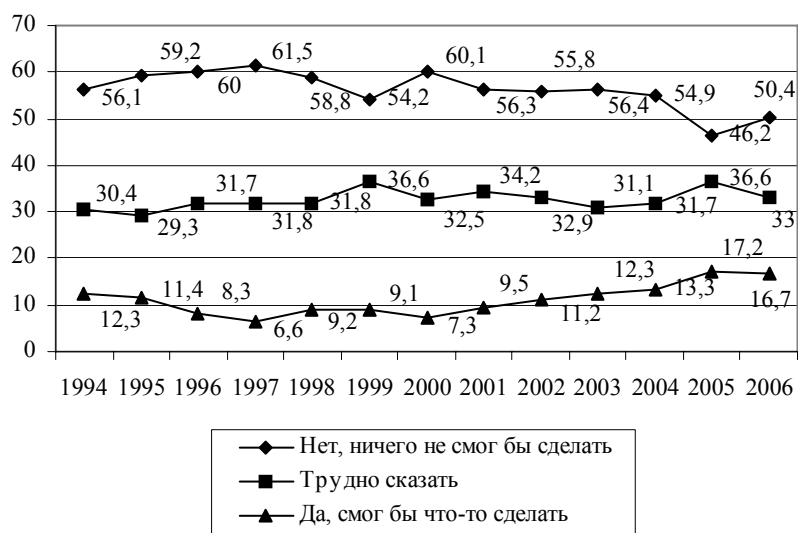

Рис. 2. Динамика распределения ответов на вопрос: “Если бы правительство Украины приняло решение, ущемляющее Ваши законные права и интересы, могли бы Вы что-нибудь сделать против такого решения?” (%)

Можно отметить, что почти половина украинских граждан в начале 2005 года отказались от категорических утверждений о том, что они не имеют никакой возможности влиять на правительство страны. Процент тех, кто считал, что “ничего не

смог бы сделать” в случае принятия правительством Украины решения, которое ущемляет его законные права и интересы, в 2005 году составил 57,1%, тогда как в 1995 году таких было 66,7%. В 2005 году был зафиксирован наибольший на протяжении более чем десятилетнего периода исследований процент тех, кто уверенно ответил, что “смог бы что-то сделать, если бы правительство Украины приняло решение, ущемляющее его законные права и интересы”.

Еще более ощутимые изменения наблюдались в 2005 году в оценках своих возможностей влияния на решения, которые приняла местная власть. Так в 2005 году менее половины респондентов (46,2%) указали на то, что “ничего не смогли бы сделать” в случае принятия местной властью решения, ущемляющего их права и интересы. Десять лет назад, таких было 59,2%. Неуклонно рос в течение исследуемого периода и процент тех, кто считает, что “смог бы что-то сделать”, чтобы противодействовать определенным решениям местной власти (см. рис. 3).

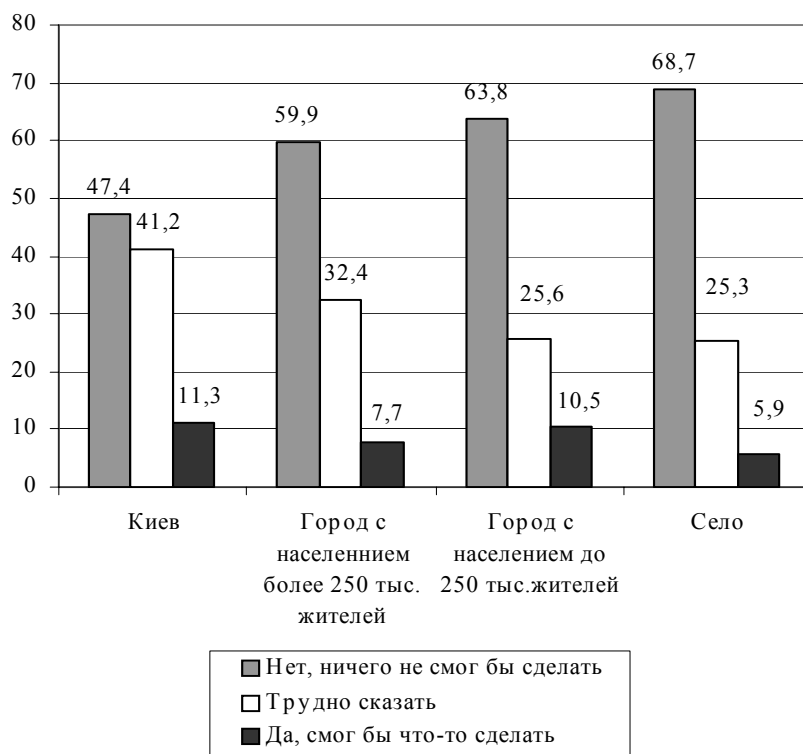
Рис. 3. Динамика распределения ответов на вопрос: “Если бы решение, ущемляющее Ваши законные права и интересы, приняла местная власть, смогли ли бы Вы что-то сделать против такого решения?” (%)

В 2006 году показатели способности влиять на властные решения, в представлениях граждан, несколько снизились по сравнению с полученными в 2005 году. Так, в 2006 году количество тех, кто считал, что в случае принятия правительством Украины решения, которое ущемляет его законные права и интересы, он “ничего не смог бы сделать”, увеличилось по сравнению с 2005 годом более чем на 6%. Количество же тех, кто уверенно ответил, что “смог бы что-то сделать, если бы правительство Украины приняло решение, ущемляющее его законные права и интересы”, практически не изменилось (2006 – 8,2%, 2005 – 9,4%). Такие же тенденции наблюдались в 2006 году и на местном уровне. Однако в целом показатели последних лет демонстрируют позитивную тенденцию осознания украинцами своих возможностей влияния на решения власти.

Оценка возможностей влияния на решения правительства Украины и местной власти обнаружила определенные особенности в зависимости от местожительства респондентов. Так, результаты исследования засвидетельствовали, что жители больших поселений указывали на свою способность влиять на решения власти чаще, чем жители маленьких городов и сельской местности (см. рис. 4).

Причем эта тенденция прослеживалась в течение всех лет исследования. Хотя следует отметить, что определенный сдвиг в оценках возможности влияния на решения правительства во всех типах поселений фиксируется в течение нескольких последних лет. Так, среди киевлян процент тех, кто считает, что “смог бы что-то сделать” в случае принятия правительством Украины решения, которое ущемляет их законные права и интересы, в 2006 году составил 11,3%, тогда как в 2001-м году таких было 8,8%, а количество тех киевлян, которые считают, что “ничего не смогли бы сделать” уменьшилось на 10,4% по сравнению с 2001 годом (57,8%). Среди жителей больших городов количество тех, кто считал, “что ничего не смог бы сделать”, уменьшилось в 2006 году на 6,5% по сравнению с 2001 годом (59,9% против 66,4%). А количество тех респондентов, которые считают, что “смогли бы что-то сделать” в случае принятия правительством Украины решения,

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: “Если бы правительство Украины приняло решение, ущемляющее Ваши законные права и интересы, могли бы Вы что-нибудь сделать против такого решения?”, в зависимости от типа поселения (2006, %)

ущемляющего их права, в 2001 году составляло 5,8%, а в 2006 году – 7,7%. Среди жителей небольших городов наблюдаются те же тенденции – количество респондентов, которые считали, что “смогли бы что-то сделать”, составляло в 2001 году 4,7%, тогда как в 2005 – 9,0%, а в 2006 – 10,5%. Среди сельских жителей таких в 2001 году было 4,1%, а в 2006 – 5,9%.

Такие же тенденции прослеживаются и на уровне местной власти. Во всех типах поселений растет количество респондентов, которые считают, что “смогли бы что-то сделать” в случае

принятия местными органами власти решения, которое ущемляет их законные права и интересы. Так, свои возможности влияния на решения местных властей позитивно оценили в 2006 году 17,5% киевлян (2001 – 13,3%), 14,2% жителей больших городов (2001 – 9,5%), 21,1% жителей небольших городов (2001 – 7,7%), 15% жителей сел (2001 – 10,5%). Причем количество людей, считающих, что смогли бы повлиять на решения, принятые органами местной власти, более чем вдвое превышает количество тех граждан Украины, которые позитивно оценивают свои возможности влияния на решения правительства страны во всех типах поселений. Следует отметить, что эта тенденция прослеживалась и ранее.

В целом анализ полученных результатов свидетельствует о том, что граждане более уверены в возможности влияния на решения органов местной власти, чем на ситуацию в стране, то есть на решения правительства. Причем более ощутимы эти тенденции в небольших городах и сельской местности. Хотя следует отметить, что позитивные сдвиги в оценках своих возможностей влияния на принятие решений органами власти происходят и на местном уровне, и на уровне страны в целом.

Позитивные тенденции по данным показателям наблюдаются во всех регионах страны. Однако темпы такого роста несколько отличаются в зависимости от региона проживания респондента, а также уровня возможного влияния на властные решения.

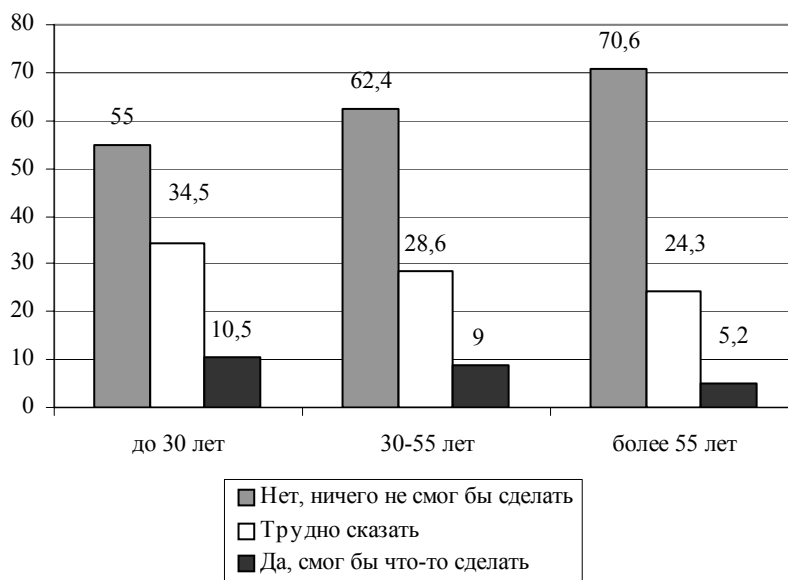
Так, анализ ситуации на уровне принятия решений Правительством Украины фиксирует постепенное увеличение количества тех, кто считает, что “смог бы что-то сделать” во всех регионах, в первую очередь – в центральном (2006 – 10,2% против 4,4% в 2001 году) и западных регионах (2006 – 6,6% против 4,0% в 2001 году) соответственно. В южном регионе данный показатель и в 2006, и в 2001 году составлял 6,4%, в восточном в 2006 – 8,8% и 5,5% в 2001 году.

Кроме того, во всех регионах фиксируется уменьшение количества респондентов, которые считают, что “ничего не смогли бы сделать” в случае принятия правительством Украины решения, которое ущемляет их законные права и интересы. Результаты исследования указывают на то, что происходит постепенное “пробуждение” всех регионов.

Еще более заметны во всех регионах тенденции роста осознания возможности влияния на принятие властных решений на уровне местной власти, в первую очередь – в южном и восточном. Так, на местном уровне процент тех, кто указал, что “смог бы что-то сделать”, в 2006 году увеличился по сравнению с 2001 годом: в восточном регионе – на 8,4%, в южном – на 8,1%, в центральном – на 7%, в западном – на 5,1%.

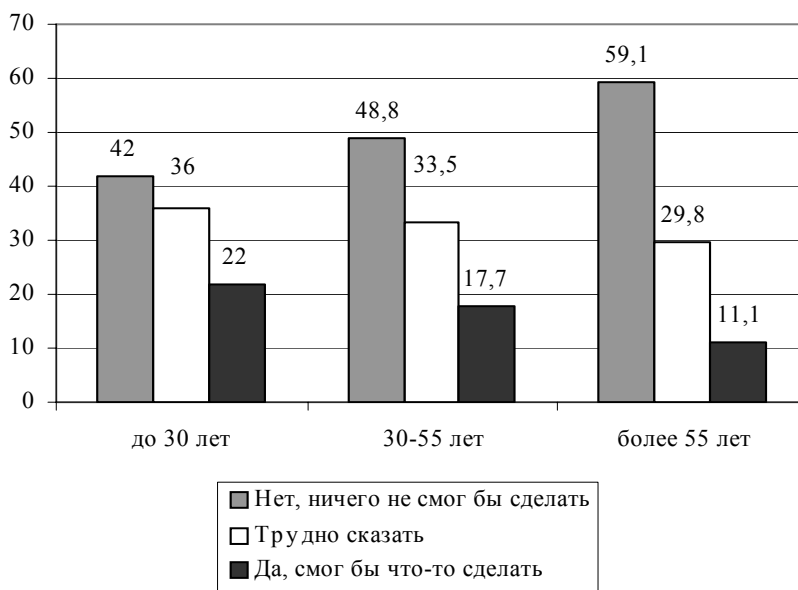
В целом, по результатам исследования, можно говорить об активизации сознания относительно своих возможностей влияния на властные решения со стороны представителей всех регионов Украины.

Наблюдаются и существенные особенности оценок своего влияния на решения правительства Украины и местной власти в зависимости от возраста респондентов. Так, результаты исследования свидетельствуют о том, что молодежь более уверена в своей способности влиять на решения власти, чем граждане старших возрастных групп (см. рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: “Если бы правительство Украины приняло решение, ущемляющее Ваши законные права и интересы, могли бы Вы что-нибудь сделать против такого решения?”, в зависимости от возраста респондентов (2006, %)

Среди молодежи в возрасте до 30 лет вдвое больше тех, кто считает что смог бы что-то сделать в случае принятия правительством Украины решения, ущемляющего его законные права и интересы, чем среди жителей страны в возрасте старше 55 лет. Немногим более половины молодых граждан Украины сегодня считают, что они ничего не смогли бы предпринять против принятия правительством решения, ущемляющего их права. Среди граждан старше 55 лет, так считают около 3/4 опрошенных. Такие же тенденции прослеживаются и на уровне принятия решений местной властью. Хотя следует отметить, что в целом количество граждан, которые позитивно оценивают свою возможность влиять на решения местной власти выше во всех возрастных группах, по сравнению с оценкой возможности влияния на решения правительства страны (см. рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: “Если бы решение, ущемляющее Ваши законные права и интересы, приняла местная власть, смогли ли бы Вы что-то сделать против такого решения?”, в зависимости от возраста респондентов (2006, %)

В целом анализ полученных результатов свидетельствует о том, что представители всех регионов, возрастных групп и типов поселений выше оценивают свою способность влиять на решения органов местной власти, чем на ситуацию в стране, то есть на принятие решений правительством. Хотя следует отметить, что позитивные сдвиги относительно оценки своей возможности влияния на принятие решений органами власти происходят и на уровне страны в целом. Результаты опроса указывают на то, что на национальном уровне происходит постепенное уменьшение количества людей, которые отмечают, что “ничего не смогли бы сделать” в случае принятия правительством решений, ущемляющих их законные права и интересы. Вместе с тем увеличивается количество респондентов, которые колеблются с ответом на этот вопрос.

Результаты анализа ситуации свидетельствуют о том, что в сознании большинства жителей Украины в течение последних лет происходят определенные сдвиги, связанные с постепенным осознанием своих возможностей влияния на власть, на ее решения на разных уровнях, и в первую очередь – на местном уровне. Результаты исследования демонстрируют постепенное пробуждение гражданского сознания жителей страны. Такая ситуация изменения гражданского сознания бесспорно влияет и на поведенческую составляющую политической культуры граждан страны.

Формирование новых социальных отношений в рамках процесса демократизации нашего общества предполагает повышение уровня привлечения граждан к принятию управленческих решений, а также расширение средств влияния общественности на власть, что предопределяет необходимость становления самостоятельных социальных субъектов, способных реализовывать новые принципы социальных отношений. Особенности взаимоотношений социальных агентов в украинском обществе отражают реальную социальную ситуацию в стране, что демонстрируют и оценки гражданами действенности контрольных полномочий общества в отношении власти на современном этапе развития украинского общества.

Результаты нашего исследования, проведенного в 2001 и 2006 годах, отражают следующее представление респондентов

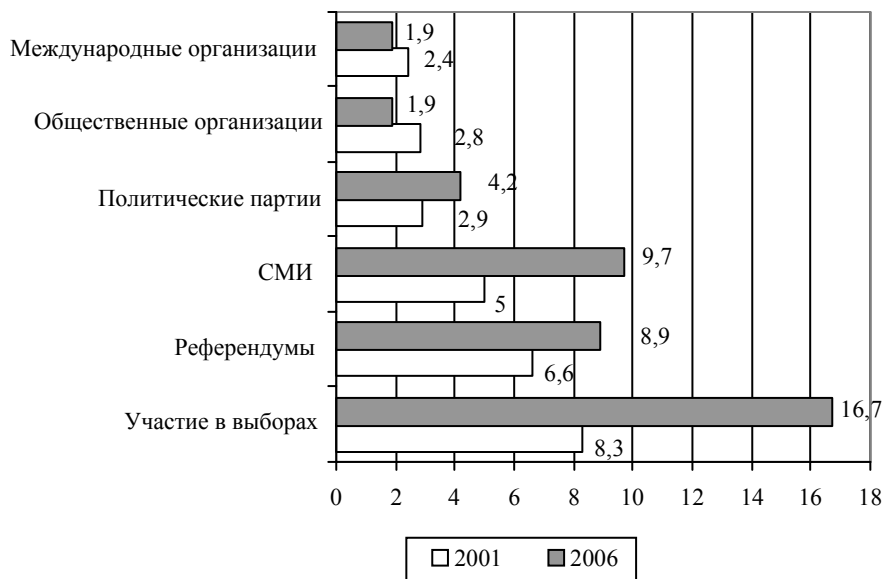

Рис. 7. Оценка контрольных ресурсов общества (%)

о действенности своих контрольных возможностей в обществе. Так, отвечая на вопрос: “Как Вы считаете, есть ли у Вас возможность контролировать деятельность властных структур?”, более 81% опрошенных в 2001 году указали, что у них нет никакой возможности контролировать властные органы. В 2006 году так ответили 70,5% опрошенных. Оценка же ресурсов общества как возможности контроля деятельности власти по всем предложенным позициям в 2001 году не превышала 10-процентного рубежа, что отражает определенную специфику включенности посредников реализации контрольных возможностей общества за деятельностью властных структур (см. рис. 7).

Нетрудно заметить, что в первую очередь были выделены индивидуальные каналы контроля за деятельностью властных структур. Привлечение структур гражданского общества как средства реализации своих контрольных функций респондентами практически не акцентировалось.

В 2006 году ситуация несколько изменилась. Необходимо отметить, что увеличилось общее количество граждан Украины, полагающих, что у них есть возможность контролировать деятельность властных структур через такие каналы воздействия на власть, как «участие в выборах» – в 2006 году данный показатель увеличился более чем в 2 раза по сравнению с 2001 годом. Также практически вдвое увеличилось количество респондентов, полагающих, что у них есть возможность контроля за властью через СМИ. Политические партии и референдумы тоже рассматриваются сегодня гражданами Украины как возможные каналы воздействия на власть. Необходимо отметить, что, несмотря на определенную позитивную тенденцию, общая оценка возможности контроля за властью с помощью этих каналов остается довольно низкой. А оценка возможностей таких средств контроля за властью, как «общественные организации» и «международные организации», является в 2006 году практически минимальной. И это несмотря на то, что, например, формально, по данным Госкомстата Украины, количество общественных организаций в стране неуклонно растет, и на 1 января 2006 года число легализированных Минюстом Украины объединений граждан (политических партий и общественных организаций) достигало 2384 единицы, тогда как в 2001 году было зарегистрировано 1376 таких объединений [23, с. 7].

Таким образом, можно констатировать, что при общих отрицательных установках граждан относительно реализации своих контрольных возможностей в обществе, характерной особенностью является то, что граждане не видят для себя возможностей реализации контрольных полномочий посредством привлечения структур гражданского общества. Гражданское общество, которое в зачаточном виде существует сейчас в Украине, практически не рассматривается сегодня индивидом как реальный, действенный субъект социальных отношений, призванный и способный отстаивать и защищать интересы граждан, контролировать деятельность властных органов, выступая посредником между государством и личностью, способствующим оптимизации функционирования всей социальной системы.

Подтверждением данной ситуации являются и представления населения Украины о тех структурах и организациях, которые сегодня могут реально защищать его права в нашей стране (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос:
“Как Вы считаете, в случае нарушения Ваших прав, какие организации могут реально защитить Ваши интересы?” (%)

Субъекты влияния		2001	2006
Государственные организации*	Правоохранительные органы и суд	17,3	31,6
	Депутат местного совета		7,7
	Депутат Верховной Рады		4,9
Негосударственные организации (общество защиты прав потребителей, правозащитные организации и т.п.)		10,1	6,5
Международные организации		6,2	8,1
Теневые структуры		3,9	3,9
Политические партии		1,6	3,8
Таких организаций я не знаю		55,6	35,5
Другое		1,5	1,1
Трудно сказать		5,5	21,6

* В 2006 году вариант “государственные организации” был представлен тремя позициями: “правоохранительные органы и суд”, “депутат местного совета”, “депутат Верховной Рады”.

Население довольно негативно оценивает возможности защиты своих интересов какими-либо организациями и структурами, существующими в нашем обществе, в том числе негосударственными организациями, международными организациями, политическими партиями. В 2001 году 55,6% опрошенных заявляли о том, что они на сегодняшний день не знают таких организаций, которые могли бы реально защищать их права. В 2006 году ситуация несколько изменилась – на отсутствие таких организаций в стране указали 35,5% опрошенных респондентов. Однако оценка возможности защиты прав граждан с помощью негосударственных организаций, международных организаций, а также политических партий остается довольно низкой. Такому положению дел способст-

вует как реально фиксируемая ситуация зависимости жизни человека от властной элиты и внешней ситуации в целом [24], так и низкая правовая культура граждан Украины, отсутствие реальной осведомленности населения о существовании подобных организаций, негосударственных структур, и сомнения относительно наличия у данных структур реальных возможностей защиты прав и интересов граждан. По сохраняющейся в обществе логике отношений и многочисленным ее подтверждениям, имеющих место в нашей действительности, как наиболее реального защитника своих интересов граждане выделяют государственные организации. Так считали 17,3% наших сограждан в 2001 году. В 2006 году больше всего, а именно 31,6% опрошенных полагали, что защитить их права могут такие государственные структуры, как “правоохранительные органы и суд”. Депутатский же корпус, также как и общественные организации и структуры, практически не рассматриваются в качестве реальных защитников интересов граждан в случае нарушения их прав. Данная тенденция может свидетельствовать как о неосведомленности населения, так и о слабости влияния и малой эффективности реализации правового механизма воздействия негосударственных структур на социальную ситуацию в рамках реализации своих защитных и контрольных функций. Это может быть связано с позицией власти, которая не всегда “хочет делиться” реальными контрольными полномочиями со структурами гражданского общества. Например, в документе, который был принят в августе 2006 года на IV Всемирном форуме украинцев, отмечалось, что “к сожалению, пока властные структуры воспринимают негосударственные организации как конкурента (в лучшем случае!) или как нежелательного просителя, но не как равноправного партнера” [25, с. 11]. Кроме того, причина может состоять и в “качестве” самих украинских общественных организаций, которые, например, “не всегда эффективно используют наявные материальные средства: в частности, одинаковое количество средств идет, что на оплату труда, что на благотворительную деятельность” [26, с. 100].

Какая бы причина ни была решающей, однако можно констатировать, что зарождающемуся гражданскому обществу пока еще не удалось стать равноправным агентом социальных отношений. Человек не видит сегодня в нем реальной силы, способной защищать и отстаивать его интересы, контролировать властные структуры и воздействовать на них в интересах конкретной личности, – силы, опосредующей и защищающей интересы человека в отношениях с государством. С другой стороны, люди еще не готовы к реализации тех возможностей, которые предоставляются им сегодня в рамках изменений, происходящих в социальной системе, формирования демократических структур, в тех объективных условиях, которые появились сегодня и характеризуют современные мировые тенденции развития общества.

Пассивность в реализации своих возможностей проявляется, в частности, в выборе приемлемых каналов, через которые граждане могут влиять на деятельность государственных органов. В 2006 году, как и в 2001, средний украинец все еще не видел возможности реализации себя как активного, полноценного субъекта социальных отношений, агента социального процесса, способного влиять на деятельность государственных структур. При общей довольно низкой оценке реализации таких возможностей респонденты, отвечая на вопрос: “Как Вы считаете, через какие каналы Вы как гражданин можете влиять на деятельность государственных органов?” (в 2006 году вопрос формулировался следующим образом: “Какие формы влияния общественности на принятие решений органами власти Вы считаете самыми эффективными?”), в первую очередь выбирают те каналы и возможности “вступления в диалог” с властью, которые не требуют и не предполагают личностной идентификации, и не предполагают возможности применения “негативных санкций” в ответ. Прежде всего они выделяют референдумы (2001 – 15,3%, 2006 – 29,7%) и участие в выборах (2001 – 16,4%, 2006 – 20,1%). То есть выбираются как формы влияния те каналы, которые выступают формально-институциональными формами контроля и, по сути, инициируются самой властью, предполагая принципиальное одобрение

власти (действуя в рамках реализации политики власти). Кроме того, сегодня выделяются такие каналы влияния на власть, как изучение общественного мнения (23,9%), горячие телефонные линии органов власти (21,8%), законные митинги и демонстрации (18,8%). Такие же каналы, как участие в деятельности политических партий и общественных организаций (6,6%) или подготовка коллективных писем и петиций (7,4%), предполагающие довольно высокую индивидуальную активность и гражданскую инициативность субъекта, не воспринимаются сегодня в качестве приоритетных каналов влияния на деятельность государственных органов.

Итак, при общем негативном отношении к власти, фиксируемом сегодня в социологических опросах, низком уровне доверия к различным органам и структурам государства [см.: 27] возникает задача поиска возможных путей повышения гражданской активности и привлечения граждан к принятию управленческих решений.

Достаточно низкие показатели по всем рассмотренным выше позициям свидетельствуют о том, что человек сегодня осознает себя пребывающим как бы в определенном социальном вакууме, не выделяя четко никого из социальных агентов. Такую ситуацию можно назвать “предстартовой”, развитие которой должно быть связано с актуализацией личностного потенциала социальных преобразований. К кому повернется личность завтра, какие приоритеты изберет – вот те вопросы, которые необходимо ставить и решать сегодня.

Новая социальная реальность предполагает формирование определенных социальных отношений в обществе, основывающихся на активности и независимости всех социальных субъектов общественного процесса, в том числе таких агентов социального взаимодействия как государство, носители властных полномочий, с одной стороны, и рядовые граждане, члены этого общества – с другого. Это позволит им действовать в качестве полноценных, полноправных субъектов данного процесса, самостоятельных агентов социального взаимодействия, повысит действенность социальных субъектов, уровень готовности граждан к принятию управленческих решений, расширит возможности влияния общественности на решения власти.

Проблема отношений власти и общества связана с тем, что большинство населения Украины не осознает возможностей своего реального влияния на властные решения, не считает себя активным субъектом социального процесса, способным действительно влиять на процесс принятия правительственных решений. Большинство украинских граждан выбирают сегодня традиционные средства влияния на власть, не учитывая новых возможностей влияния, которые предлагаются уже сегодня.

Решение этих вопросов требует определенных шагов, таких как:

- повышение уровня осведомленности граждан относительно своих прав и возможностей влияния во взаимодействии с властью;
- повышение уровня гражданской компетентности украинских граждан относительно законных средств вовлечения их в принятие управленческих решений, их влияния на решения власти;
- развитие гражданской культуры взаимодействия с властью, использование законных и неагрессивных средств взаимодействия с властью;
- расширение таких средств влияния на принятие властных решений, которые выступают неотъемлемыми атрибутами функционирования полноценного гражданского общества;
- внедрение новых форм общения “власть–гражданин”, адаптация новейших технологий и практик гражданского участия.

Решение этих вопросов предусматривает: правовое просвещение – распространение популярной литературы, информационных буклетов о деятельности власти, внедрение круглосуточных “горячих линий” информационно-консультативной связи с властями, Интернет-коммуникация и консультирование, гражданские слушания, опросы общественного мнения по конкретным вопросам в конкретных местностях и т. п.

Становление новых социальных отношений, расширение контрольных полномочий граждан в современном украинском обществе не может быть ограничено исключительно на основе формального законодательного регулирования. Демократическое гражданское общество – это, в первую очередь, со-

---

общество активных и суверенных граждан, способных полноценно реализовывать свои права в рамках диалога “власть–гражданин”. Проанализируем, как сегодня украинские граждане оценивают свои реальные возможности влияния на власть. Учитывая тот факт, что, по результатам мониторинга, респонденты указывают на большие возможности влияния на принятие решений на местном уровне, более подробно на примере результатов конкретного исследования рассмотрим особенности участия граждан в процессе принятия решений на этом уровне.

4. УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ

Становление новых социальных отношений в рамках процесса демократизации нашего общества предполагает повышение уровня привлечения граждан к принятию решений, расширение средств влияния общественности на решения власти.

Как мы отмечали выше, сегодня можно констатировать формальные признаки появления структур гражданского общества в нашей стране. Об этом свидетельствует присутствие в Украине таких неотъемлемых атрибутов гражданского общества, как многопартийность, наличие многочисленных негосударственных общественных организаций, профессиональных союзов и объединений, негосударственных каналов теле- и радиовещания, появление и развитие новых технологий, в том числе Интернет-ресурсов и т. п.

Все эти объективные признаки дают основания говорить об увеличении количества социальных субъектов, способных активно функционировать в современном украинском обществе, о формальном присутствии в современном украинском обществе условий для привлечения во все большей мере граждан к принятию решений на местном уровне, расширении возможностей влияния общественности на решения власти. Но готовы ли граждане Украины к этим новым отношениям. Какова сегодня специфика привлечения их к решению социальных задач на локальном уровне. Насколько действенными и распространенными в украинском обществе являются разные средства влияния общественности на решения властей. Проанализируем результаты всеукраинского социологического опроса, проведенного центром “Соціальний моніторинг”. Выборка составила – 3063 человека. Выборочная совокупность репрезентирует население Украины в возрасте от 18 лет и старше по возрасту, полу, областям проживания, регионам, типам поселения и т. д. (раздел исследования “Участь громадян у прийнятті рішень. Особливості формування громадянського суспільства в Україні” в рамках исследования: “Децентралізація та людський розвиток: оцінка населенням якості управління та надання соціальних послуг” был выполнен автором. – Н.Б.) (см. базовый док-т: [28]).

Анализ осознания респондентами спектра возможностей действенного влияния общественности на процессы принятия решений в Украине фиксирует общий низкий уровень таких возможностей, а также ограниченный выбор гражданами средств воздействия на решения местных властей. Анализируя ответы респондентов на вопрос о том, как, по их мнению, лучше всего влиять на процесс принятия решений на местном уровне, можно заметить, что зафиксированные по ответам тенденции совпадают с теми, которые мы получили, анализируя представления респондентов о возможностях влияния и контроля власти (что было рассмотрено выше). Оценивая возможности влияния общественности на процесс принятия решений на локальном уровне, как наиболее распространенные способы такого влияния опрошенные выделяют, в первую очередь, выборы, референдумы, другие санкционированные средства влияния (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: “По Вашему мнению, как лучше всего влиять на процесс принятия решений на местном уровне (области, Вашего населенного пункта)?” (%)

<i>Средства влияния</i>	<i>%</i>
Участие в местных выборах	54
Участие в национальных выборах	39
Участие в референдумах по конкретным вопросам	30
Участие в санкционированных митингах и демонстрациях	7
Участие в санкционированных забастовках	5
Бойкот решений органов власти	4
Участие в несанкционированных митингах	1
Участие в незаконных забастовках	1
Голодание в знак протеста	1
Участие в блокировании движения на дорогах	3
Петиции в местные органы власти	5
Петиции в центральные органы власти	5
Обращение к Уполномоченному по правам человека	9
Участие в деятельности политических партий	4
Активное участие в работе местных неправительственных организаций	4
Активное участие в работе национальных неправительственных организаций	2
Другое	2
Трудно сказать	16
Ничего	11

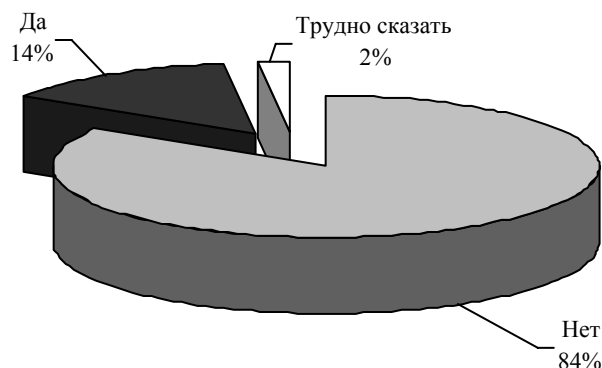
Однако следует отметить, что, по мнению респондентов местные выборы являются более действенным средством влияния на процессы принятия решений на местном уровне (54%) по сравнению с национальными выборами (39%) и референдумами по конкретным вопросам (30%).

Информативным при анализе средств влияния на принятие решений на местном уровне (области, населенного пункта), на наш взгляд, является преобладание выбора позиции “обратиться к Уполномоченному по правам человека” (9%) по сравнению с выбором позиций, предполагающих обращение к местным и центральным органам власти (по 5%). Это указывает на более низкий уровень доверия к местным органам власти и большее уважение к структурам, в том числе международным, которые прямо связаны с защитой прав человека.

Формирование и функционирование полноценного гражданского общества предполагает активность и инициативу снизу. Анализ результатов социологического опроса указывает на то, что такие средства влияния на принятие решений, как “активное участие в работе местных неправительственных организаций” и “активное участие в работе национальных неправительственных организаций”, выступающих неотъемлемыми атрибутами полноценного гражданского общества, сегодня практически не рассматриваются гражданами Украины как действенное средство влияния на процесс принятия решений на местном уровне (области, населенного пункта).

Следует отметить, что несмотря на полученные результаты социологического исследования, которые фиксируют, что на протяжении последнего года – 57% респондентов принимали участие в выборах на национальном уровне, 56% – в выборах на областном уровне и 58% – на уровне населенного пункта, однако 84% опрошенных отрицательно оценили свое участие в решении вопросов, которые касаются развития области или своего населенного пункта (см. рис. 8).

Такой результат указывает на то, что проблема влияния общественности на процессы принятия решений относительно развития своей области или населенного пункта в первую очередь связана с тем, что большинство населения Украины

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: “Принимали ли Вы когда-нибудь участие в решении вопросов, касающихся развития Вашей области или населенного пункта, или же вносили предложения относительно развития Вашей области или населенного пункта?” (%)

не осознает возможностей своего реального влияния на эти решения, не считают себя активными субъектами социального процесса, способными действительно влиять на ситуацию на каком-либо уровне, в том числе на местном.

На свое реальное участие в решении вопросов, которые касаются развития области и города, указали около 14% респондентов. Анализ ответов на открытый вопрос относительно своего участия в решении конкретных вопросов, которые касаются развития области или населенного пункта, фиксирует следующие тенденции. Выделяя, в первую очередь, выборы и референдумах по конкретным вопросам, респонденты также указывают на следующие возможности участия в решении проблем местного уровня:

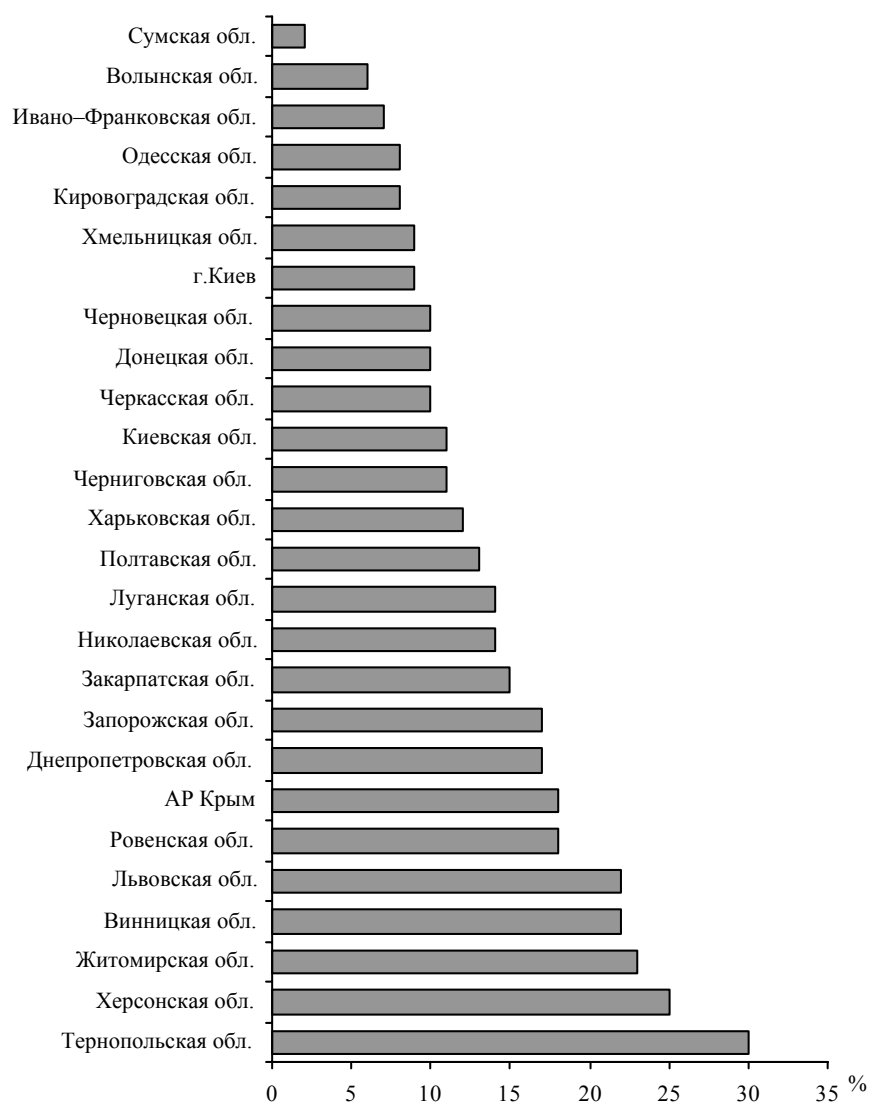
- обсуждение вопросов благоустройства села/города;
- экологические мероприятия;
- влияние на решение земельных вопросов;
- влияние на решение коммунальных вопросов;
- обсуждение вопросов благоустройства школы и повышения уровня образования;
- выступления на собраниях и т. п.

Учитывая поставленную задачу анализа проблемы действительного участия граждан в принятии решений на местном уровне, необходимо рассмотреть группу респондентов, которые указали на свое участие в решении вопросов, касающихся развития области или населенного пункта, вносили предложения относительно их развития. Это позволит более наглядно представить того реального субъекта украинского общества, который может выступить активным агентом демократической трансформации, развития гражданского общества. Анализ социально-демографических характеристик данной группы выявил следующие особенности.

Результаты исследования фиксируют значимость социального статуса. Так, более активными из тех респондентов, которые принимали участие в решении конкретных вопросов, внесении предложений относительно развития области, населенного пункта, оказались группы “руководителей предприятий, учреждений” (43%), “фермеров, арендаторов” (22%), “нетрудоспособных (инвалидов)” (22%), “рабочих сельского хозяйства” (20%), “специалистов-гуманитариев с высшим образованием” (19%), “предпринимателей” (17%). А менее активными оказались группы “учеников-студентов” (6%), “специалистов технических профессий с высшим образованием” (9%), “руководители подразделов предприятий” (10%).

Относительно образовательных показателей следует отметить, что более активное участие в решении вопросов развития области и населенного пункта принимают лица с высшим образованием, и с уменьшением образовательного уровня эта активность снижается.

Показатели материального положения респондентов, которые принимают участие в решении конкретных вопросов, свидетельствуют о том, что активность граждан в этой сфере уменьшается с приближением материального положения респондентов к “полюсам”. То есть наименее активными оказались группа респондентов, которые “ели сводят концы с концами” (12%) и группа респондентов, которые “могут себе позволить все” (7%). Таким образом, можно отметить, что развитие гражданского общества и повышение уровня социальной актив-

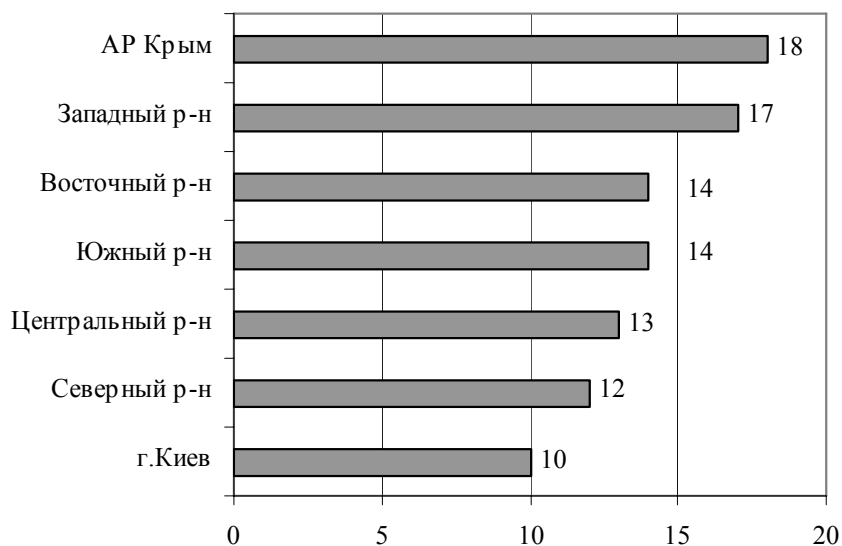
Рис. 9. Распределение респондентов, которые принимали участие в решении конкретных вопросов или выдвигали предложения, касающихся развития области или населенного пункта, по областям Украины (%)

ности и привлечения граждан к принятию решений опирается, преимущественно, на “средний класс”.

Анализ распределения позиций относительно участия граждан в решении конкретных вопросов области и населенного пункта по областям и регионам выявил такую картину. Распределение активности граждан по областям Украины выглядит следующим образом (см. рис. 9).

Таким образом, результаты социологического исследования фиксируют резкие колебания степени активности граждан в решении вопросов развития области и населенного пункта – от 30% – в Тернопольской до 2% – в Сумской области.

Рассмотрение региональных особенностей уровня активности граждан в решении местных вопросов, которые касаются развития области и населенного пункта, выглядит следующим образом (см. рис. 10).

Рис. 10. Распределение респондентов, которые принимали участие в решении конкретных вопросов или выдвигали предложения, которые касаются развития области или населенного пункта, по регионам Украины (%)

Анализ этого показателя фиксирует, что нарастание уровня вовлеченности граждан в процессы решения вопросов, которые касаются развития области или населенного пункта, происходит от Северо-Восточных регионов к Юго-Западным. По результатам социологического опроса, наиболее активными участниками таких процессов оказались жители АР Крым (18%) и Западного региона (17%).

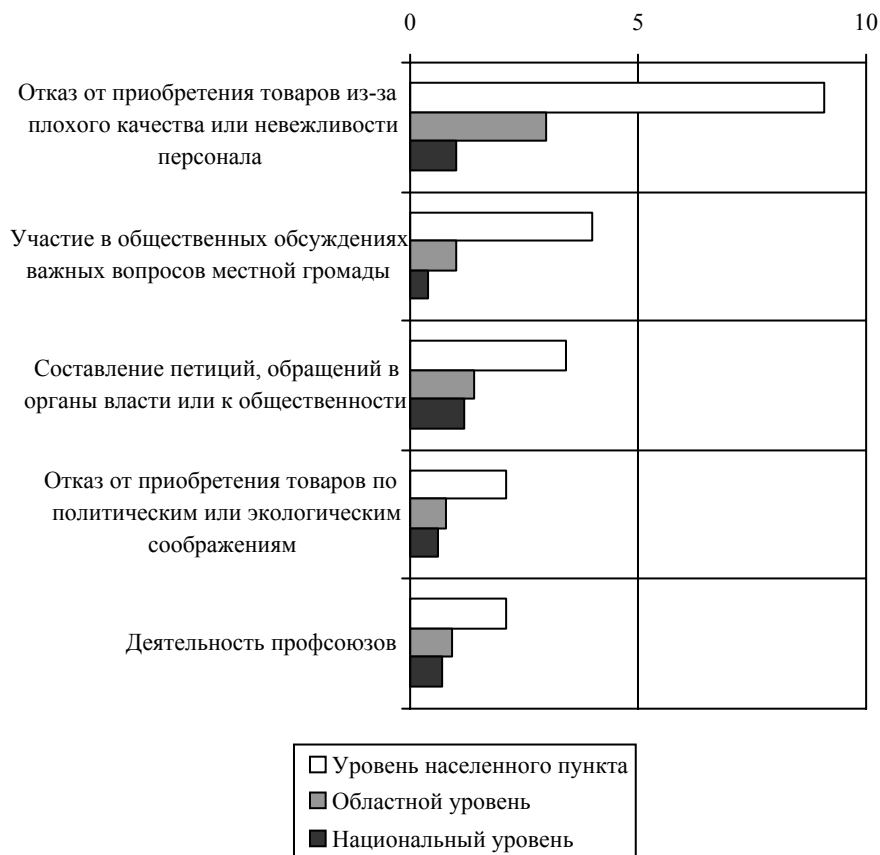
Что касается возрастных различий по этому показателю, то наименьшая степень участия граждан в решении конкретных вопросов области и населенного пункта зафиксирована в наиболее молодой возрастной группе (до 29 лет) и самой старшей (60 лет и старше) – 11% и 12% соответственно. А наиболее активной оказалась группа в возрасте от 50 до 59 лет (16%).

По типу поселения больших различий не обнаружено, хотя зафиксировано, что более активными в решении конкретных вопросов развития своей области и города оказались жители сел (16%).

Формирование гражданского общества в стране и расширение границ вовлечения общественности в принятие решений на местном уровне, расширение средств влияния общественности на решения властей предполагают нарастание инициативы и активности “снизу”, поэтому очень информативны данные, которые отражают именно эти тенденции.

Отвечая на вопрос относительно своего участия на протяжении последнего года в такой деятельности на уровне населенного пункта, около 37% опрошенных указывают на то, что не принимали участия в такой деятельности. На областном и национальном уровнях этот процент выше – 42% и 41% соответственно.

Учитывая общую довольно низкую социальную активность граждан Украины, фиксируемую по результатам социологического опроса, следует сказать, что наибольшая активность зафиксирована на уровне населенного пункта (города, села). Причем, существует общеукраинская тенденция к уменьшению уровня этой активности с переходом от локального уровня к общенациональному (см. рис. 11).

Рис. 11. Участие граждан в определенной деятельности на протяжении последнего года на национальном, областном уровнях и на уровне населенного пункта (города, села) (%)

Анализ полученных данных позволяет говорить о том, что в качестве проявления гражданской инициативы (учитывая общий довольно низкий уровень таких проявлений) можно выделить позицию индивидуально-санкциональных действий, указывающих на сдвиг самосознания в направлении индивидуального отстаивания своих прав, активизации личностной реакции на социально значимые события.

Вместе с тем результаты социологического опроса отражают очень низкий уровень привлечения структур гражданского общества к решению вопросов на всех уровнях принятия решений, начиная с населенного пункта (села, города) и заканчивая национальным уровнем. Показатели таких форм деятельности, как “контроль деятельности государственной администрации (участие в соответствующих общественных комитетах и т. п.)”, “участие в деятельности неправительственных организаций”, “деятельность политических партий”, “обращение в СМИ с целью поделиться мыслями по важным вопросам”, “обращение в милицию с целью проинформировать о криминальной деятельности” и др., не превышали 1%. Результаты анализа указывают на то, что положительные возможности гражданского общества в решении проблем общества практически не используются украинскими гражданами для расширения своей вовлеченности в принятие решений на местном уровне и увеличения арсенала средств влияния общественности на решения власти.

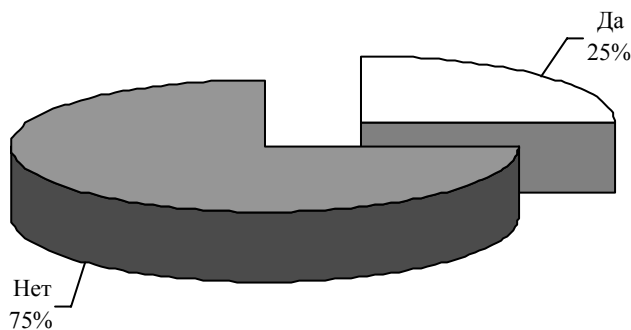
Исследование активности граждан в решении конкретных вопросов развития области и населенного пункта фиксирует значимость социального статуса, образовательных показателей, показателей материального положения, поселенческих и региональных отличий, а также возрастного фактора.

Проблема влияния общественности на решения местных властей, в первую очередь, связана с тем, что большинство населения Украины не осознает возможностей своего реального воздействия на решения вопросов развития своей области или населенного пункта, не считают себя активными субъектами социального процесса, способными действительно влиять на процесс принятия решений на каком-либо уровне, в том числе на местном уровне.

Учитывая сложность и неоднозначность проблематики формирования гражданского общества в Украине и вопросов участия общественности в принятии общественно-значимых решений, целесообразно рассмотрение этого вопроса на примере конкретной социальной сферы. Освещение проблематики влияния на принятие управленческих решений по разным аспектам повседневной жизни, с точки зрения оценки готовности к

активному участию в процессе принятия решений, касающихся процесса развития образования, весьма актуально в связи с тем, что этот процесс в той или другой мере затрагивает большинство населения Украины. Так, 39% респондентов указали на то, что их дети посещают учебно-воспитательного учреждения Украины (дошкольное заведение, школа, вуз и т. п.); причем лишь 26% всех опрошенных отметили, что их удовлетворяет в определенной мере качество образования. При этом результаты социологического опроса свидетельствуют о том, что значительная часть респондентов не обнаруживает желания принимать активное участие в процессе принятия решений, которые касаются образования, наряду с управленческими решениями относительно других аспектов повседневной жизни (см. рис. 12).

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос: “Хотели бы Вы влиять на принятие решений, касающихся развития образования?” (%)

Сопоставление ответов на вопрос относительно того, на какие именно решения граждане хотели бы влиять, обнаружил такую картину. Наиболее весомыми оказались проблемы, связанные с качеством обучения (улучшения программ обучения, качества преподавания, квалификации педагогов), а также вопросы материального характера (платы за обучение, использования фондов школы, обеспечения учебниками и методической литературой, повышения зарплаты учителям).

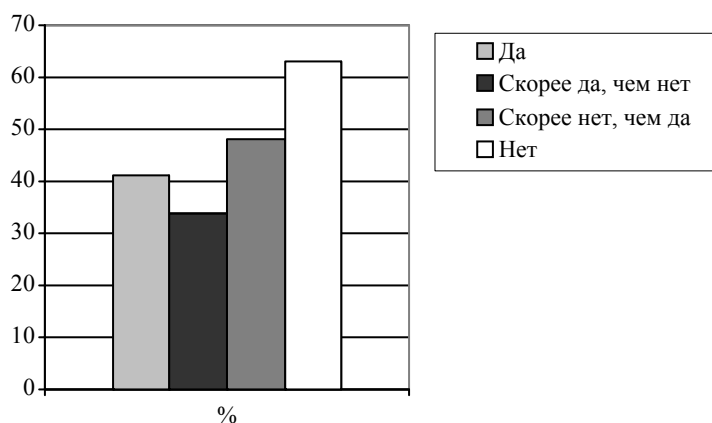
Оценивая перспективы участия в принятии решений на разных уровнях системы образования, в качестве наиболее приемлемого для себя уровня респонденты выбирают уровень конкретного учебно-воспитательного учреждения.

При этом следует отметить, что не существует значительных различий в выборе уровня, приемлемого, с точки зрения возможного участия в принятии решений, касающихся развития образования, в зависимости от того, какое учебно-воспитательное учреждение посещает ребенок респондента. Хотя, необходимо заметить, что среди тех, у кого дети учатся в гимназиях, лицеях, специализированных школах и дошкольных заведениях, наибольший процент лиц, желающих оказывать влияние на принятие решений, касающихся учебно-воспитательного процесса на уровне такого учебного (28%) или дошкольного учреждения (27%). Этот показатель наименьший среди тех, чьи дети получают среднее профессиональное образование (13%).

Наибольшее количество лиц, которые хотели бы иметь влияние на принятие решений, которые касаются развития образования, связано с такими учебными заведениями, как гимназия, лицей, специализированная школа (50%), а также колледж и техникум (49%). То есть это преимущественно те граждане, которые, ответственно относясь к учебному процессу, стремятся к созданию оптимальных условий получения образования для своего ребенка.

Существует и другая зависимость, которая обуславливает активизацию усилий относительно принятия решений в области образования. Это зависимость между уровнем удовлетворенности образованием, которое получают дети, и потребностью в воздействии на принятие решений, которые касаются развития образования (см. рис. 13).

Но механизмы реализации этой потребности, определяющие способность реально влиять на развитие образования, по результатам социологического опроса оказались довольно ограниченными. Как наиболее приемлемые для себя возможности и средства влияния на принятие решений в сфере образования

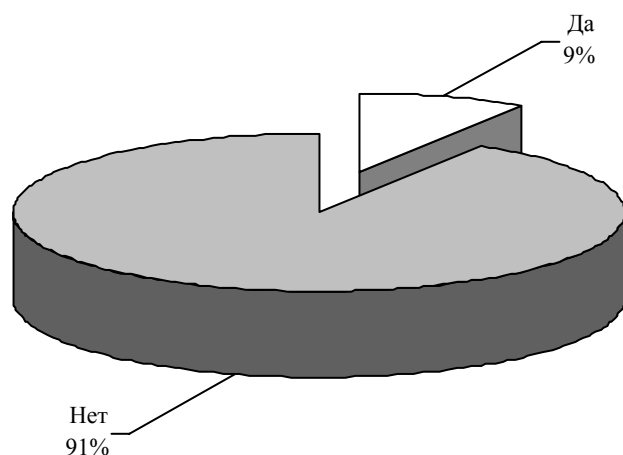

Рис. 13. Уровень удовлетворенности качеством образования, которое получают дети в учебных заведениях Украины, среди тех, кто хотел бы влиять на принятие решений, касающихся развития образования (%)

респонденты выбирают решение проблем на уровне конкретных учебных учреждений – участие в совещаниях, личный контакт с педагогами, дирекцией и т. п. Как средство улучшения ситуации в сфере образования на уровне района предлагается избрание школьных работников в районные советы. На уровне населенного пункта предлагается прямое обращение к министерствам, местной власти.

То есть результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство респондентов выбирают традиционные способы влияния на принятие властных решений, не учитывая новых предлагаемых сегодня обществом возможностей, расширяющих сферу влияния общественности на власть. В том числе практически игнорируется возможность привлечения к решению проблем в сфере образования структур и форм влияния, презентуемых гражданским обществом.

Более того, преобладающее большинство населения Украины сегодня вообще считает, что не имеет никакой возможности влиять на принятие решений в области образования (см. рис. 14).

Рис. 14. Распределение ответов на вопрос: “Может ли такой человек, как Вы, влиять на принятие решений в области образования?” (%)

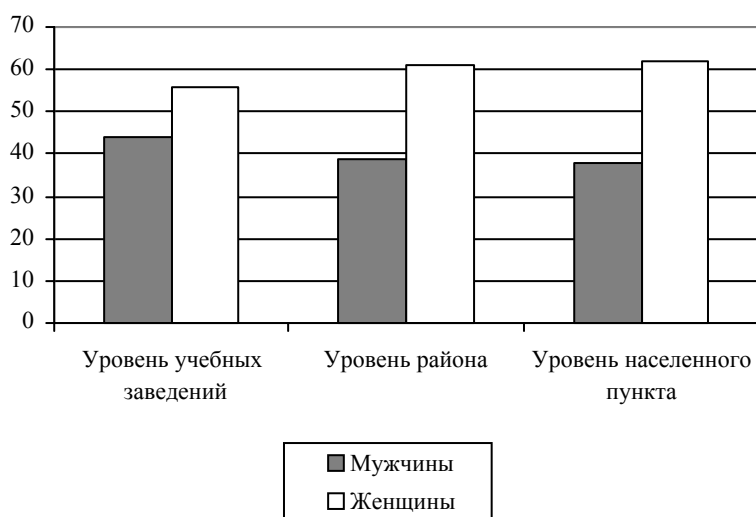
Аргументируя свое мнение относительно того, что влиять на принятие решений в сфере образования практически невозможно, респонденты преимущественно ссылаются на то, что, дескать, решение этих вопросов “меня не интересует”, “мне недоступно”, “это не моя компетенция”, “все равно ничего не изменится” или “меня все устраивает”. Таким образом, учитывая то, что большинство населения полагает, что они не имеют ни намерения, ни возможностей влиять на принятие решений в сфере образования, можно говорить о довольно низкой оценке готовности граждан Украины к активизации своего участия в процессе принятия решений относительно конкретных аспектов их повседневной жизни, в частности тех, что касаются образования.

Такая ситуация, на наш взгляд, обусловлена влиянием объективных и субъективных факторов. Действительно существует целый ряд объективных причин, среди которых в первую очередь следует выделить отсутствие соответствующих законов, недостаточное финансирование отрасли, отсутствие реаль-

ного механизма воздействия на принятие властных решений, а также указанные респондентами негативные явления, отражающие отношение государства к образованию, бюрократизацию, коррупцию, взяточничество. Но решение этих проблем требует действенного и активного участия всех агентов социального процесса. Поэтому, на наш взгляд, весомыми преградами, которые тормозят изменение к лучшему ситуации в сфере развития образования, выступают такие субъективные факторы, как пассивность, безынициативность наших сограждан, неверие в свои силы и в то, что можно что-либо изменить, а также правовая безграмотность населения.

Показатели готовности граждан к активному участию в процессе принятия решений на примере вопросов развития образования, демонстрируют следующую картину. Различия по типу поселения указывают на то, что в случае решений на уровне конкретного учреждения (дошкольного учреждения, школы, вуза) более активными являются жители областных центров (39%) и менее активны жители сел (25%). На уровне района наблюдается противоположная картина, более активное влияние на решение вопросов, которые касаются развития образования, регистрируется у жителей сел (41%) и областных центров (21%), а наименьшая активность наблюдается в г. Киеве (5%) и среди жителей АР Крым (6%). Согласно распределению по региональному признаку более активную позицию занимают жители Восточного региона (34%). Что касается возрастных различия, то наиболее активной оказалась группа от 29 до 49 лет, причем такая тенденция сохраняется применительно ко всем уровням принятия решений – от уровня населенного пункта до конкретного учебно-воспитательного учреждения. Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что именно эта группа более тесно связана с проблемами образования, поскольку эти люди в силу своего возраста чаще всего имели на момент исследования детей – учащихся или посещающих дошкольные заведения. Причем следует отметить, что если возрастная группа от 29 до 39 лет выбирает влияние на уровне конкретного учреждения, то группа от 40 до 49 лет выделяет уровень района. Анализ различий по полу указывает на то, что женщины

хотели бы более активно, чем мужчины, влиять на принятие решений, которые касаются образования, организации учебно-воспитательного процесса (58% против 42%). Причем фиксируется интересная поуровневая тенденция такой вовлеченности (см. рис. 15).

Рис. 15. Распределение ответов о желательном уровне влияния на принятие решений, касающихся развития образования, среди мужчин и женщин (%)

Таким образом, для женщин более характерно желание иметь влияние на принятие решений по вопросам образования и на более высоких уровнях, тогда как готовность мужчин к активности в решении этих вопросов снижается с повышением уровня влияния. Следует также отметить, что более активное участие в решении вопросов развития области и населенного пункта принимают лица с высшим образованием.

Показатели материального положения, социального статуса, а также такой показатель, как общее количество членов семьи (за исключением одиноких людей и семей без детей)

не влияют существенно на готовность к активному участию в процессе принятия решений в сфере образования.

Результаты социологического опроса свидетельствуют о том, что значительная часть наших сограждан, а именно более 70% опрошенных, не выказывают желания участвовать в процессе принятия решений, касающихся образования, равно как и влиять на принятие решений относительно других аспектов повседневной жизни.

Подводя итог, следует отметить, что формирование гражданского общества в Украине требует наличия как объективных, так и субъективных факторов таких трансформаций. При анализе результатов исследования возникает вполне закономерный вопрос, почему при наличии объективных условий и фундаментальных изменений во всех сферах жизни общества не произошло реального качественно-содержательного перехода к полноценной современной демократической модели реализации социальных отношений.

На наш взгляд, проблема в большей мере состоит в личностной неготовности субъектов к новому типу социальных взаимоотношений на уровне сознания каждого конкретного человека и на уровне социального самосознания; в низком уровне политической и социальной грамотности населения, незнании своих прав и возможностей влияния на принятие управленческих решений; наконец, в социальной пассивности и инертности граждан. Это не позволяет пока говорить о безусловно положительных результатах развития процессов демократизации украинского общества, а также о возможности скорейшего формирования полноценного гражданского общества в Украине.

ГЛАВА 3

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Сложность механизма реализации социального контроля, связанная с особенностями его ценностно-нормативной социализации и личностной локализации, с одной стороны, и особенности сложившейся сегодня ситуации в контексте расширения социально-контрольных возможностей в современном демократическом обществе, связанного и с объективным изменением положения личности в социуме – с другой, обуславливают необходимость анализа личностного потенциала, детерминирующего возможности рассмотренных социально-контрольных трансформаций в современном украинском обществе.

Становление новых социальных отношений в рамках процесса демократизации украинского общества предполагает наличие достаточно высокого уровня самостоятельности социальных субъектов, способных полноценно реализовывать новые социальные отношения. Эта проблема напрямую связана с личностными особенностями человека: с уровнем и спецификой его социального самосознания; социальными приоритетами, которые выделяются как пусковые критерии поведения; со степенью осознания своей независимости, полноценности и самостоятельности в обществе; с комфортностью самоощущения человека в данной социальной среде и т. д. – со всем тем, что задает “поведенческие параметры” реализации социального контроля, определяя “коридор возможностей” для функционирования основных участников социально-контрольного процесса.

Изучение этих вопросов предполагает рассмотрение как позитивных, так и негативных детерминант – феноменов общественного сознания, социально-психологических особенностей современного украинского гражданина, а также социально-психологических характеристик украинской властной элиты. Это и стало задачей данной главы.

1. РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Современное демократическое общество, раздвигая рамки и границы контрольных возможностей граждан, значительно расширяет круг полноценных субъектов данного процесса, что предполагает наличие не только надлежащих объективных, внешних оснований и условий, но и определенных внутренних резервов и личностных особенностей, способствующих (либо препятствующих) успешной реализации социального контроля, тем самым актуализируя рассмотрение внутриличностного, социально-психологического аспекта данного процесса.

Личность в обществе, характеризующаяся многообразием своих функций и ролей, зависит от социального пространства, в частности от типа государства, выступающего главным регулятором отношений в обществе. Однако, необходимо заметить, что изменение типа государственного устройства не приводит автоматически к изменению личности. Личность в социуме является не только продуктом общественных отношений, она не только вбирает в себя нормы и ценности социального окружения в процессе социализации, но и, испытывая социальное воздействие, раскрывает свои жизненные силы, убеждения, свой внутренний мир – в установках, в поведении, тем самым оказывая обратное воздействие на социальное пространство, преобразуя его в соответствии с выработанными ценностями и установками.

Эффективность демократических преобразований и становление гражданского общества, которые детерминируют трансформацию современного социально-контрольного процесса, в решающей степени зависят от личностной готовности его субъектов к данным трансформациям. Позитивное преобразование общества на пути демократизации социальных отношений невозможно без учета роли личностного фактора таких трансформаций. Не следует забывать, что, хотя гражданское

общество складывается из совокупности различных социальных сообществ, групп и организаций, исходной его единицей является личность с ее ценностными ориентациями, потребностями и интересами.

Существование индивида, личности как субъекта гражданского общества предполагает наличие у него определенных характеристик, свойств, позволяющих ему выступать в данном качестве. Рассматривая личность как продукт культуры того или иного общества, то есть как индивида, в большей или меньшей степени усвоившего социокультурные стереотипы сознания и поведения своей социальной, культурной и национальной среды, мы полагаем, что человек как член гражданского общества является собственно человеком, или как писал еще К.Маркс, это – *homo* (человек) в отличие от *citoyen* (гражданина), ибо он является человеком в своем чувственном, непосредственном, индивидуальном существовании, тогда как политический человек есть лишь абстрактный искусственный человек [1]. Гражданская личность должна формироваться как активный субъект социального процесса, полноценный агент социальных взаимодействий. И это, на наш взгляд – первоочередная задача на пути успешного становления новых, современных социальных отношений в обществе. Именно отмеченное выше качество позволяет личности стать полноценным субъектом гражданского общества, обуславливая возможности успешной реализации его функций и задач.

Для успешной социальной самореализации в современном обществе человеку необходимо ощутить себя полноценным субъектом. Только тогда, когда индивид превращается в экономического, политического субъекта, он естественно включается в более широкие экономические, политические, социальные ассоциации и общности. Это, в конечном итоге, должно послужить предпосылкой и его полноценной включенности в новую социально-контрольную модель, в разные структуры гражданского общества. Данный процесс не может не сопровождаться формированием нового типа личности, детерминируя всю систему социальных отношений и предполагая определенный путь личностной трансформации – от атомизации и

единичного самоопределения к последующей консолидации и объединению с учетом принятых ценностей и приоритетов социальных отношений, отражающих сформированные личностные установки.

Значимость личностного потенциала для реализации новой модели социального контроля в рамках демократизации украинского общества детерминирована особенностями данного процесса, связанными с рядом факторов. Во-первых, это качественные особенности, обусловленные внутренними закономерностями развития демократического, гражданского общества. Если государственные институты создаются и трансформируются согласно верховной воле, то гражданские ассоциации должны возникать спонтанно, по инициативе снизу. Если первые связаны, прежде всего, с иерархическими отношениями, предполагающими принуждение и подчинение как в рамках административной пирамиды, так и в пределах отдельных ее блоков, то вторые складываются и функционируют на основе доброй воли и добросовестного партнерства их членов. Речь здесь идет о преобладании горизонтальных связей над вертикальными. Такое функционирование возможно при наличии в обществе саморегуляционных процессов, самоорганизации как более высокой формы внутренней интеграции, «которая противоположна внешней (патримониальной) интеграции со стороны государства» [2, с. 32]. Социальная интеграция в гражданском обществе предполагает добровольность и инициативу, активность и равенство возможностей субъектов социального процесса, а также примат самоконтрольных механизмов его реализации. Безусловно, данная специфика функционирования предполагает зрелость индивида как личности, включенной в новые социальные отношения, предполагающие расширение его контрольных возможностей в рамках новой модели реализации социального контроля.

Важность рассмотрения личностного фактора трансформации социально-контрольного механизма в Украине обусловлена также реалиями социальной ситуации, связанной с тем, что наше общество не прошло полноценного эволюционного пути становления демократических отношений. Социально-

политические изменения были привнесены извне, сверху, что, безусловно, в значительной степени определяет современную специфику социально-контрольных отношений в современном украинском обществе. Это обостряет актуальность анализа личностного потенциала социально-контрольных трансформаций. Такой подход делает ставку на становление внутриличностных предпосылок позитивных социальных изменений в нашем обществе – вызревание и формирование внутренних условий и характеристик, способных в дальнейшем вдохнуть жизнь в структуры гражданского общества и демократические процессы, наполнив их субъективным смыслом.

Сложность социально-психологического механизма социального контроля, связанная с процессами ценностно-нормативной социализации и особенностями его локализации на уровне самосознания конкретной личности, также детерминирует необходимость рассмотрения личностного потенциала реализации социального контроля как важнейшего фактора становления новых контрольных отношений в рамках демократических преобразований в украинском обществе. Сделанный в книге акцент на внутренние резервы позитивных изменений в нашем обществе, на “очеловечивание” демократического потенциала социально-контрольных отношений направлен на выявление как позитивных, так и негативных тенденций и возможностей реализации этого потенциала в украинском обществе.

Заметим, что в современных научных работах при рассмотрении перспектив демократических преобразований, формирования новых общественных отношений отмечается настоятельная необходимость анализа не только типа политической системы, уровня структурированности общества, характера правовых отношений и т. д. Сегодня широко артикулируется необходимость анализа личностных факторов таких преобразований [см., напр.: 3], однако такой контекст анализа пока является довольно редким явлением при рассмотрении данной проблематики.

Рассмотрение личностного фактора как значимой предпосылки демократических преобразований имеет давнюю тради-

цию и связано с такими именами, как Т.Маршалл, Т.Парсонс, П.Сорокин, А. де Токвиль, А.Фергюсон, К.Шефтсбери и др. В рамках очерченного подхода человек рассматривается как творец своей истории, а основной его задачей признается духовное совершенствование и выполнение общественных обязанностей. При этом исходят из идеи личной независимости, внутренней свободы человека, обосновывая требование гармоничного сочетания институционального и личностного факторов демократических трансформаций.

Так, А. де Токвиль, представляя целостное описание модели гражданского общества, выделял такие социальные характеристики человека как гражданина общества: нравственность, дисциплина, честь и другие качества, выступающие необходимым условием развития гражданского общества [4]. Т.Маршалл, П.Сорокин указывали на то, что гражданство дает человеку не только равные с другими права, но и равные обязанности, не только власть, но и ответственность, что предполагает наличие личностной готовности к таким социальным отношениям. П.Сорокин подчеркивал, что “всякое должностное лицо, носитель власти – гражданин, и всякий гражданин – должностное лицо... Раз это так, то отсюда само собой следуют выводы: 1) В правовом государстве всякий гражданин является участником власти, поскольку он служит делу общественного блага; 2) В силу этого он несет на себе все права власти, но вместе с ними и все обязанности, вытекающие из принципа социального служения” [5, с. 25]. Важность нравственных принципов, “морального кодекса”, действующих как на макро-, так и на микроуровне, рассматривал и М.Вебер [6].

Личность является основным базовым элементом гражданского общества. А основными принципами функционирования гражданского общества выступают индивидуальная свобода, самоценность, право на самореализацию каждого индивида. Успешное развитие гражданского общества неразрывно связано с изменениями на личностном уровне, уровне социального самосознания каждого конкретного человека. Как характерная особенность демократического субъекта сегодня выделяется, например, высокое чувство собственного достоинства,

которое сочетается с расширением социальных интересов и активизацией социальных связей.

Демократическое общество сильно свободной, активной, независимой, самостоятельной личностью, способной осуществлять самостоятельный выбор (и не только экономический, хозяйственный, но и политический), реализующей ответственность перед обществом за свои слова и поступки, обладающей высокой нравственностью. Развитие гражданского общества идет параллельно с утверждением идеи социальной самооценки личности.

Анализируя в своей работе перспективы демократизации социального процесса в нашем обществе, связанные с особенностями и характеристиками социальных субъектов, степенью их готовности к реализации новой социально-контрольной модели, мы принимаем аргументацию Р.Инглхарта, который, исследуя процессы и социальные последствия демократизации мирового сообщества, обнаружил “поразительно сильные зависимости между макроуровневыми характеристиками – такими, как стабильная демократия, и микроуровневыми – такими, как наличие между индивидами доверия, терпимости, как значимость для них постматериальных ценностей и субъективное благополучие” [7, с. 16].

Отметим, что до недавнего времени анализировать зависимости между такого рода позициями на индивидуальном уровне и устойчивым существованием институтов на уровне социетальном не представлялось возможным. Это связано с тем, что исследования демократических изменений и особенностей производились лишь в демократических государствах, что обуславливало малочисленность наблюдаемых единиц, невозможность сравнения данных позиций в различных типах обществ (демократическом, социалистическом, тоталитарном, переходном).

Уникальность же исследований Р.Инглхарта заключается в том, что они охватили огромный диапазон переменных для анализа и включили данные по 43 обществам, репрезентирующим 70% населения земного шара и варьирующим от обществ с годовым доходом на душу населения всего лишь в 300 долла-

ров до обществ с душевым доходом в сто раз более высоким, от обществ с давно утвердившейся демократией до авторитарных и постсоциалистических государств. Полученные результаты свидетельствуют о том, что широкомасштабные демократические преобразования приводят к качественным изменениям в сознании и поведении людей, переформируя ценностные ориентации и нормативные предпочтения и предполагают изменение у людей ориентаций по отношению к власти, политике, гендерным ролям, сексуальным нормам и т. д.

Как замечает Инглхарт, “условия процветания и безопасности способствуют плюрализму вообще и демократии в частности”, приводя к “явственному уменьшению значения, придаваемого любым формам власти и авторитета” [8, с. 18]. Сдвиги, приводящие к снижению значимости любых видов власти и авторитета, фиксируемые в развитых демократических государствах, связаны, в первую очередь, с тем, что послушание, безграничное подчинение и полная зависимость от власти сопряжены с высокими личностными издержками, обусловленными необходимостью подчинения личностных целей, интересов более широкой субъектности. Правовые, экономические, социальные условия “безопасности”, характерные для развитого демократического общества, которые получают отражение, реализуются и закрепляются на личностном уровне, на уровне самосознания и особенностей социального поведения конкретного человека данного общества, приводят к нивелированию “авторитарного рефлекса”, трансформации внешнеконтрольной зависимости, тогда как условия социального, экономического, политического неблагополучия, фиксируемые в обществе на уровне самосознания рядовым членом данного общества, способствуют актуализации “авторитарного рефлекса”, наращиванию ощущения зависимости от внешних факторов, неподконтрольности жизни своим действиям. В конечном итоге это может привести к реализации феномена выученной беспомощности, связанного с формированием потребительского, безответственного отношения к жизни [8].

Таким образом, можно констатировать, что особенности отношения к власти представляются значимыми показателями

как изменений и преобразований в обществе на пути его демократизации, так и успешности формирования гражданского общества. Внешние условия реализации социальных отношений в конкретном обществе обуславливают и внутренние особенности конкретных социальных субъектов, опосредующие характер их социальных взаимоотношений. Это позволяет выделить такие существенные показатели, как отношение к власти и позиции внешнеконтрольной зависимости в качестве индикаторов изменений в обществе на пути развития и углубления демократических преобразований. В данном исследовании эти тенденции фиксируются при помощи вопросов, касающихся зависимости от внешних обстоятельств, от государства и властной элиты украинского общества.

Показателем возможностей демократических преобразований, демократизации социально-контрольного процесса выступает также становление новых демократических ценностей и норм социального взаимодействия, связанное с трансформацией самосознания личности, в частности изменением мотивации поведения личности, пересмотром ценностно-нормативных оснований социальных взаимоотношений в обществе. Данный контекст отражает тенденции и обратного, внутренне-внешнего, процесса, определяющего возможности становления новых социальных отношений и способствующего формированию новой социально-контрольной модели, когда изменения в мироотношениях людей, затрагивающие и индивидуальное, и массовое сознание, приводят к изменению в экономической, политической и социальной сферах жизни общества. При этом трансформация целей, норм и ценностей, в свою очередь, влияет на темпы экономического роста, стратегические установки и перспективы демократизации общества.

Данные аргументы выделяются как ключевые позиции в рамках социологического анализа ситуации в Украине в связи с рассмотрением вопроса о возможности становления новых социальных отношений, перспектив развития гражданского общества и функционирования новой модели реализации социального контроля в нашем обществе.

При оценке специфики ситуации современного украинского общества в аспекте формирования новой модели реализации

социального контроля выделяется также социально-ситуативный элемент, связанный с феноменом маргинализации, характерным для переходных социальных состояний. Данное понятие впервые довольно аргументированно было представлено еще в работах Р. Парка. Маргинальность как особое состояние человеческого сознания особенно ярко проявляется во времена социальных трансформаций, перехода общества из одного состояния в другое, обрекая человека на существование как бы в двух мирах одновременно, порой заставляя занимать относительно обеих позиций чужака. Необходимо отметить, что маргинализация это вполне объективный процесс, развивающийся вследствие утраты человеком ощущения целостности и стабильности социального пространства, а в силу этого – невозможности идентификации с определенной социальной общностью и т. п. Маргинальность как относительно устойчивое социальное явление возникает “в результате расшатывания нормативно-ценностных систем” [9, с. 148], “как определенное социальное и духовное состояние личности или социальной группы” [10, с. 6] и формирует социальную атмосферу, в которой “неопределенность и изменчивость поведения ведет к неустойчивости, постоянным шатаниям строения общества” [11, с. 26].

Состояние маргинальности со всеми сопутствующими ей тенденциями и особенностями социальных отношений несет в себе реальную угрозу реализации намеченных демократических реформ и преобразований, существенно препятствуя становлению гражданского общества, основанному на принятии и защите большинством населения демократических ценностей и свобод, на осознании гражданами общности групповых интересов, своей идентичности с другими индивидами, обладающими аналогичными социальными признаками, а также предполагающему наличие активных, равноправных, независимых, уважающих себя и способных отстаивать свои интересы реальных социальных субъектов.

Маргинализация сознания членов общества, безусловно, не способствует нарастанию позитивных демократических тенденций развития и становлению гражданского общества,

предполагающим необходимость “активно отстаивать групповые интересы, рассматривая их как выражение своих собственных, наполняя институты гражданского общества необходимой им жизненной силой” [12, с. 33]. По мнению В.Рукавишникова, маргиналы более склонны к поддержанию авторитарных личностей, предлагающих предельно простые рецепты сказочно быстрого выхода страны из кризиса, а значит и обретения достойного места в обществе [13].

В постсоветском мире, в государствах, взявших курс на демократизацию, люди только начинают постигать искусство самоуправления, изменения логики и характера социальных отношений. Уникальность социальной ситуации состоит в том, что данный исторический момент закладывает дальнейшие перспективы и особенности развития социальных отношений в украинском обществе. Он выступает отправной точкой, началом отсчета в развитии социальной ситуации в том или ином направлении. Это актуализирует исследование как позитивных, так и негативных феноменов массового сознания и характеристик современного украинца, выявление степени готовности граждан украинского государства к новым социальным отношениям, наличия личностных резервов для таких изменений в нашем обществе. Поэтому следующим этапом исследования станет рассмотрение и анализ эмпирического материала, отражающего данные ракурсы проблемы.

2. ПРОБЛЕМА ГОТОВНОСТИ ОБЩЕСТВА К РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-КОНТРОЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

При анализе социальной ситуации в современном украинском обществе, предпринятом в предыдущей главе, возникает вполне закономерный вопрос, почему при наличии объективных условий и фундаментальных изменений, происходящих во всех сферах жизни общества, не произошло реально-качественно-содержательного перехода к полноценной современной демократической модели реализации социального контроля.

На наш взгляд, одна из основных проблем заключается в личностной неготовности субъектов к новому типу социальных взаимоотношений на уровне каждого конкретного человека, на уровне социального самосознания. Причем это касается как представителей властной элиты, с одной стороны, так и простых граждан – с другой.

Остановимся на ряде, выделенных в процессе анализа социологического материала феноменов, характеризующих состояние нашего общества и, на наш взгляд, не позволяющих пока говорить о безусловно позитивных результатах попыток демократизации социальных отношений и возможностях скорейшего формирования полноценного гражданского общества, обеспечивающих реализацию современной модели социального контроля.

Как уже отмечалось, новая социальная реальность нуждается в формировании определенных отношений в обществе – активности и независимости всех социальных субъектов общественного процесса, в том числе таких агентов социального взаимодействия, как государство, носители властных полномочий, с одной стороны, и рядовые граждане, члены данного общества – с другой. Реализация новой модели социального контроля предполагает, в первую очередь, независимость и само-

стоятельность агентов социального взаимодействия, позволяющую им действовать в качестве полноценных, полноправных субъектов данного процесса. Именно специфика этих отношений позволяет судить о социальном здоровье общества и государства, демократичности его уклада и реальности становления гражданского общества.

Анализируя специфику социальных отношений в украинском обществе, можно отметить, что взаимоотношения “власть—гражданин” сегодня все еще в значительной мере детерминированы социально-историческим и социально-психологическим опытом, усвоенным всеми “актерами” этого процесса. Конечно, чтобы освободиться от максимального государственного контроля и перейти к гражданскому обществу, человеку нужно время. Тем более, что такие отношения, как было показано выше, реализуются не только и не столько на уровне институциональных структур. Сформировавшись в определенных социальных условиях, они начинают действовать на социально-психологическом, личностном уровне, подчиняясь уже его законам. Социальный опыт, накопленный в нашем обществе на протяжении многих лет, влияет на особенности реализации социальных отношений и сегодня, определяя возможности и особенности дальнейшего общественного развития, подкрепляясь негативной практикой сегодняшнего дня.

Груз прошлого опыта фиксируется, в первую очередь, в отношениях простого украинца с властью и государством. Данный аспект в нашем анализе актуализирует проблемы, связанные с тем, насколько человек сегодня ощущает свою личностную независимость, или, правильнее будет сказать, зависимость от внешних обстоятельств в целом и от властных структур, государства в частности, с тем, как эти отношения могут влиять на ситуацию в обществе .

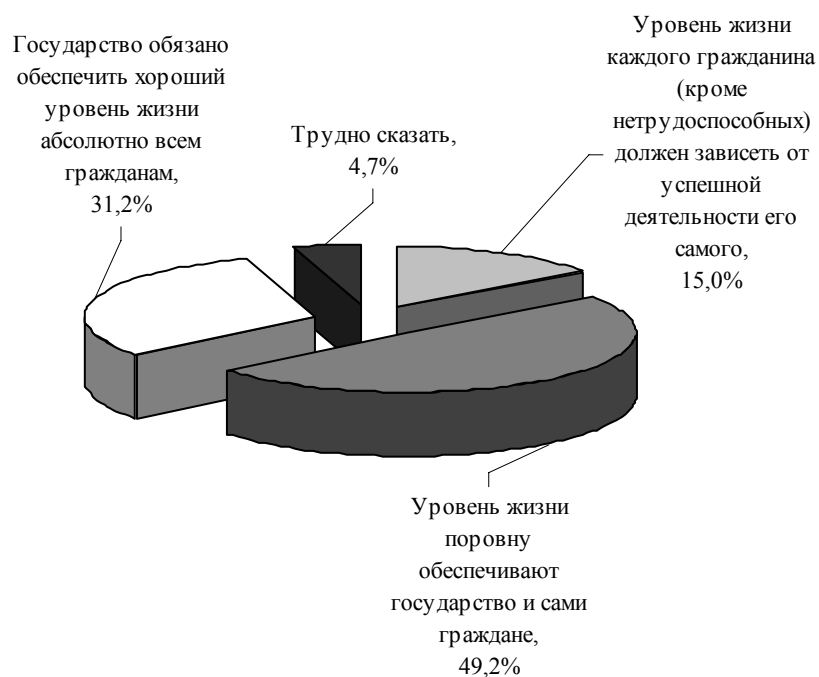
Характер отношений граждан с государством наглядно демонстрируют следующие результаты наших опросов. Так, на вопрос: “Как, по Вашему мнению, к Вам относится государство?” в 1999 году большинство респондентов – а именно 62,8% – отвечали, что “государство, по существу, отвернулось от них”. В 2001 году число таких респондентов практически

не изменилось и составляло 59,8%. Лишь около 9% опрошенных отмечали, что их “мало интересует то, как к ним относится государство”. И около четверти респондентов (в 1999 году – 21,1%, в 2001 – 28,6%) отмечали что, “государство только иногда вспоминает о них (выборы, референдумы)”. На то, что они “ощущают ежедневную заботу государства” практически никто не указывал в своих ответах. В 1999 год такой ответ дали 2,8%, в 2001 году – 1,5% респондентов.

В 2004 году три четверти опрошенных украинцев (74,5%) согласились с тем, что “защита от экономических трудностей (невзгод) должна быть задачей государства”, и только около 16,1% согласились с тем, что “люди сами должны себе создавать условия для жизни независимо от правительства”.

Граждане Украины считают, что именно государство может помочь им решить проблемы с трудоустройством, социальной защитой и помощью, защитой прав и свобод граждан. Так, на заданный в 2006 году вопрос, о том, кто может помочь решить проблемы социальной защиты и помощи, 55,5% опрошенных указали, что это государство и 24,2% затруднились с ответом; что касается защиты прав и свобод граждан, 54,5% сказали, что эти проблемы должно решать государство, и 30% затруднились с ответом; относительно трудоустройства 32,1% указали на государство, 16,4% – семью и родных, а 35,2% затруднились с выбором. То есть по всем выделенным позициям, по мнению наших граждан, именно государство, в первую очередь, (а не предприниматели, политические партии, гражданские организации, семья, родственники, как предполагали предложенные варианты ответов на данный вопрос) может помочь решить указанные выше проблемы.

Отвечая в 2007 году на вопрос, о том “Кто должен обеспечивать человеку надлежащий уровень жизни?” только 15% респондентов отметили, что “уровень жизни каждого гражданина (кроме нетрудоспособных) должен зависеть от успешной деятельности его самого”. Большинство наших сограждан уверены, что обеспечивать человеку надлежащий уровень жизни должно, в той или иной мере, государство (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: “Кто должен обеспечивать человеку надлежащий уровень жизни?” (2007, %)

Тенденции видения проблемы отношений “гражданин – государство” населением Украины по результатам мониторинга Института социологии НАНУ, демонстрируют ответы респондентов на вопрос о том, “насколько им хватает государственной защиты от снижения уровня жизни” (см. табл.1).

Мониторинг ситуации на протяжении более десяти лет свидетельствует о том, что ситуация практически не меняется. Большинство населения, несмотря на то, что появилась некоторая тенденция к снижению данного показателя, продолжает отмечать, что им совершенно не хватает “государственной защиты от снижения уровня жизни”.

В общественном сознании граждан продолжает существовать представление о том, что государство должно не только предусматривать обеспечение соблюдения прав и свобод чело-

Таблица 1

Динамика отношения респондентов к необходимости
государственной защиты от снижения уровня жизни (%)

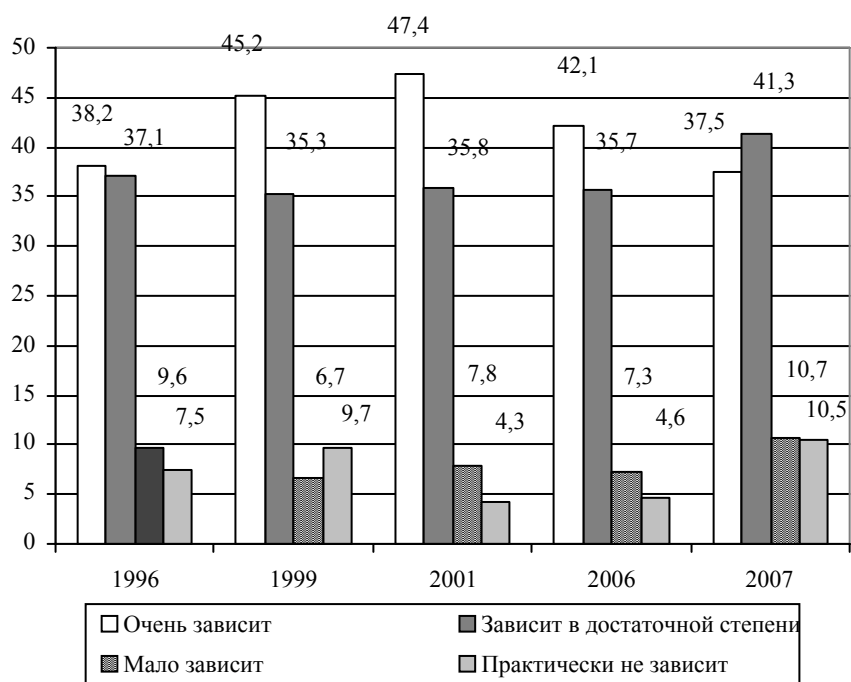
<i>Хватает ли Вам государственной защиты?</i>	1995	1997	1999	2000	2001	2005	2006
Не хватает	78,8	85,0	86,4	86,6	84,9	76,9	77,3
Трудно сказать, хватает или нет	13,8	11,0	9,0	9,0	10,9	14,9	15,1
Хватает	2,7	1,0	1,5	1,5	1,4	4,7	4,2
Не интересует	3,6	2,7	2,4	2,7	2,6	3,2	2,8
Не ответили	1,0	0,4	0,7	0,2	0,2	0,3	0,6

века, но и, в первую очередь, гарантировать социальные права человека – достойный уровень жизни, обеспечение работой, медицинскую помощь, получение образования и т. п. Существование подобной логики отношений в советские времена сформировало определенные ожидания, которые работают и сейчас. Граждане постсоветских стран “до сегодняшнего времени считают, что социальные права и гарантии должны рассматриваться как базовые социально-экономические права человека, которые обеспечивает и охраняет общество и государство” [14, с. 49]. И, как отмечает В.Рукавишников, на основе анализа данных репрезентативных общенациональных опросов, проведенных в России, в большинстве стран Европы, США и Канаде группой по изучению европейских (глобальных) ценностей, именно это отличает население стран бывшего Союза от граждан развитых западных стран.

Конечно, данный подход к пониманию отношений с государством был базовым постулатом в СССР, однако такой стереотип выступает тормозом развития социальных отношений в современной социальной ситуации, ситуации курса на демократизацию и построение полноценного гражданского общества. Ведь подавляющее большинство постсоветского населения продолжает видеть в государственной власти силу, способную целиком распоряжаться судьбой людей. Ее наделяют таким правом, надеясь, что взамен она решит все проблемы. И ожидают этого, даже несмотря на, казалось бы, объективное понимание возможностей и реалий сегодняшнего дня. К сожалению, данные

социологических опросов свидетельствуют о преобладании экстернального подхода к осознанию украинцем своего положения в современной социальной ситуации.

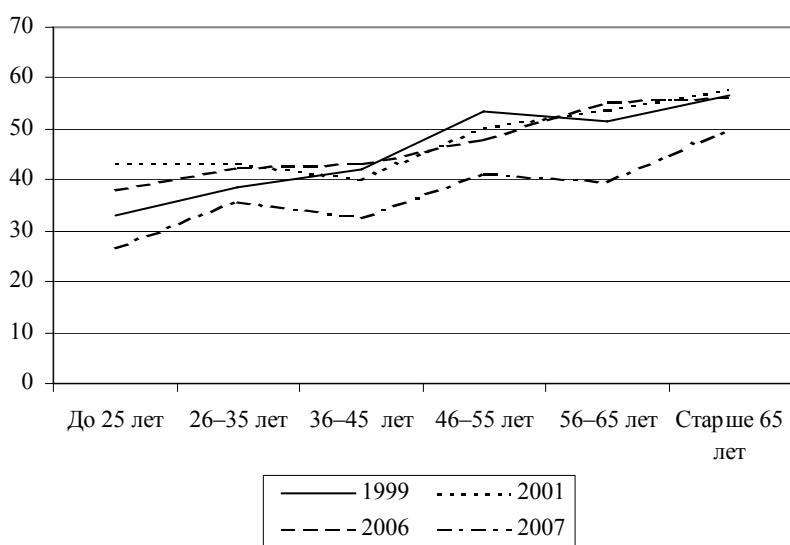
Сегодня в украинском обществе фиксируется сильная зависимость личности от властных структур государства. Большая часть респондентов указывают на зависимость своей жизни от властной элиты. Причем, согласно ответам на вопрос: “Как Вы считаете, насколько Ваша жизнь зависит от того, кто составляет нашу правящую элиту?”, как видно из графика, на протяжении ряда лет фиксировалось неуклонное нарастание ощущения зависимости от властных структур. Лишь в последние годы данная тенденция начала меняться, хотя показатели зависимости продолжают преобладать, по результатам опросов, и сегодня (см. рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: “Как Вы считаете, насколько Ваша жизнь зависит от того, кто составляет нашу правящую элиту?” (%). Вариант “трудно сказать” не представлен

Более 75%, то есть около трех четвертых населения Украины, считало и продолжает считать, что его жизнь сильно зависит от властной элиты. При этом, показатель сильной зависимости оказался самым низким в возрастной группе до 25 лет. В 1999 году он составлял в этой группе 33,2%, в 2007 – 26,6%, тогда как в группе старше 65 лет – 56,6% и 49,8% соответственно (см. рис. 3).

Рис. 3. Показатель “сильной зависимости” от властной элиты в различных возрастных группах (%)

На ситуацию зависимости от власти, тормозящую становление реальных полноценных субъектов гражданского общества, влияет много факторов. Это и нестабильность ситуации в стране, и специфика украинской властной элиты, и сформировавшиеся в прошлом особенности взаимоотношений в государстве.

Конечно, отношения государства и гражданина сегодня наполняются новым смыслом и содержанием. Но нельзя забывать, что такие отношения не складываются мгновенно. Усвоение социального опыта индивидом и его последующее подкрепление в социальной среде имеют большое значение для дальнейшего успешного существования в обществе.

Особенности интериоризации человеком социального опыта – усвоение “стойкой стратегии социального поведения”, – во многом предопределяют его место в обществе. Как мы уже отмечали в первой главе, исходя из того, как человек ведет себя в обществе, можно сделать вывод об особенностях сформировавшегося социального самоконтроля, то есть интериоризованного механизма социального взаимодействия.

Подтверждением таких вертикальных связей является и то, что показатель личностной зависимости от властных структур оказался связанным с таким социально-психологическим показателем, как фактор локуса контроля. Коэффициент корреляции Спирмена между отмеченными показателями зависимости от властных структур и показателями локус-контрольных ориентаций составил – 0.42, значимость на уровне 1%. При этом необходимо отметить, что показатель локуса контроля мы фиксируем как наличие определенных с помощью вопроса: “Как Вы считаете, от чего преимущественно зависит Ваша жизнь?”. Варианты ответов на этот вопрос предполагают обобщенную фиксацию определенных тенденций личностных локус-контрольных ориентаций, от внешнего полюса (максимальной экстернальной зависимости) до внутреннего (отвечающего минимальной интернальной зависимости согласно концепции Дж.Роттера) (см. табл. 2).

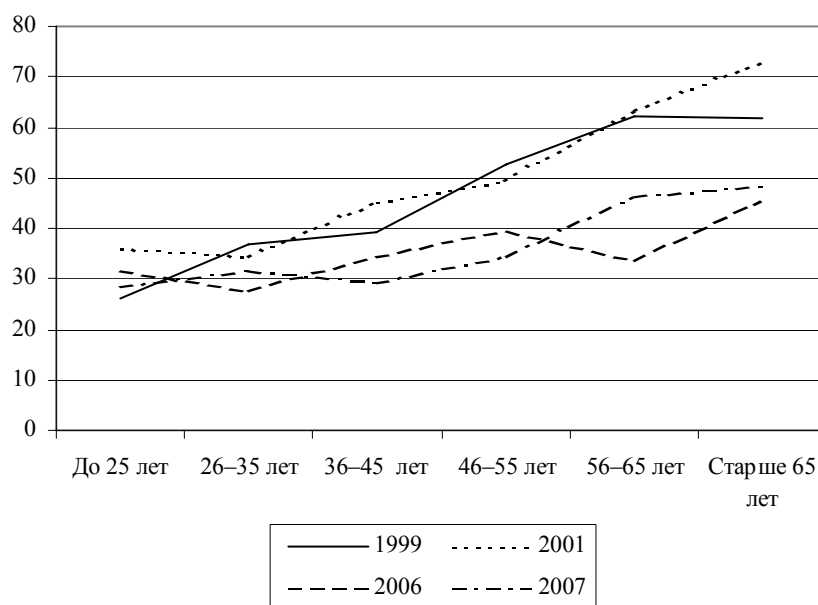
Таблица 2

Динамика показателя экстернальности / интернальности (%)

<i>Зависимость:</i>	<i>1996</i>	<i>1999</i>	<i>2001</i>	<i>2006</i>	<i>2007</i>
От внешних обстоятельств	19,3	21,9	19,7	10,7	11,1
Преимущественно от внешних обстоятельств, в некоторой степени от меня	25,3	23,4	28,9	24,6	24,9
В равной мере от меня и от внешних обстоятельств	29,6	27,3	31,3	35,9	28,8
Преимущественно от меня, в некоторой степени от внешних обстоятельств	17,3	14,7	15,6	19,1	22,7
От меня	8,5	10,2	4,5	9,7	12,5
Не ответили	-	2,5	-	-	-

Особенности проявления экстернальности / интернальности являются важной характеристикой, которая, обобщая результат процесса социализации и адаптации личности, выступает показателем осознания личностью реальных регулятивных механизмов, детерминирующих ее социальное поведение и ожидания. Как видно из результатов исследования показатель внешней зависимости довольно высок. Следует отметить, что в последние годы фиксируется определенная тенденция к снижению экстернальности.

Причем, по результатам исследования, показатель внешней зависимости оказался самым низким в возрастной группе до 25 лет, а в возрастной группе старше 65 лет – максимальный и составлял, например, в 2007 году – 28,4% и 48,3% соответственно (см. рис. 4).

Рис. 4. Показатель экстернальности в различных возрастных группах (%)

Анализ представленного социологического материала свидетельствует о том, что несмотря на постепенное снижение показателей зависимости от внешних обстоятельств, которая фиксируется в последние годы, большинство украинских граждан и сегодня продолжают ощущать значительную зависимость своей жизни от внешних сил, в частности от властной элиты. Показательно то, что ощущение зависимости от властных структур связано с преобладанием определенного локуса контроля, что указывает, как мы отмечали выше, на социально-психологическую природу подобной зависимости. Это фиксируют и приведенные результаты анализа, согласно которым степень зависимости от властной элиты уменьшается при преобладании интернального (внутреннего) локуса контроля и нарастает с преобладанием экстернального (внешнего) локуса контроля (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение факторов личностной зависимости (2007, %)

<i>Локус контроля</i>	<i>Зависимость от правящей элиты</i>			
	<i>Очень зависит</i>	<i>В достаточной степени зависит</i>	<i>Мало зависит</i>	<i>Практически не зависит</i>
От внешних обстоятельств	50,6	32,7	19,8	20,7
В равной мере от меня и от внешних обстоятельств	24,6	36,7	31,1	20,7
От меня	24,9	30,6	49,2	58,6

Обнаруженные в исследовании тенденции восприятия социальной ситуации, специфические социально-психологические особенности усвоения регулятивной системы, детерминирующие поведение людей в государстве, их ожидания, обуславливают и трудность перехода к новому типу социальных взаимоотношений в нашем обществе. Это связано с характером сложившейся ситуации, когда, согласно результатам

социологических опросов, человек верит и надеется в основном на себя [см., напр.: 15]. Но особенности взаимоотношений с государством, властными структурами, определяются и субъективными факторами и, функционируя на уровне личностных диспозиций, опосредуют социальное поведение, отношение к существующей в обществе ситуации, проблемам и возможностям их решения.

Возникает вопрос о том, насколько реально осуществление принятого в стране курса на демократизацию общественного развития и становление гражданского общества при подобной статистике. Проблема формирования демократического уклада в обществе является проблемой не только изменения формальных государственных структур, но и проблемой создания определенных условий для формирования новых социальных отношений в обществе.

Проблема преодоления сознания зависимости, перестройки социально-контрольных отношений в государстве, формирования внутреннего осознания ответственности за свою судьбу, действия и поступки приобретает сегодня особую актуальность. Показателем демократических преобразований является эмансипация личности от государства, сокращение пространства его прямого командного влияния, появление нового типа граждан (свободных, экономически независимых, самостоятельных, социально активных), способных консолидироваться в рамках данного общества.

Это многофакторная задача, предполагающая формирование кардинально нового типа взаимоотношений в государстве, изменения характера отношений между властью и гражданами, что с необходимостью предусматривает: установление между ними отношений полноправных и независимых партнеров социального взаимодействия; формирование активных субъектов социального процесса с предоставлением равных прав всем агентам социального взаимодействия; выполнение всеми членами общества законов, нарушение которых должно приводить к одинаковым санкциям для всех нарушителей без исключения; установление “прозрачных” горизонтальных отношений в обществе, развитие эффективной системы “обратной

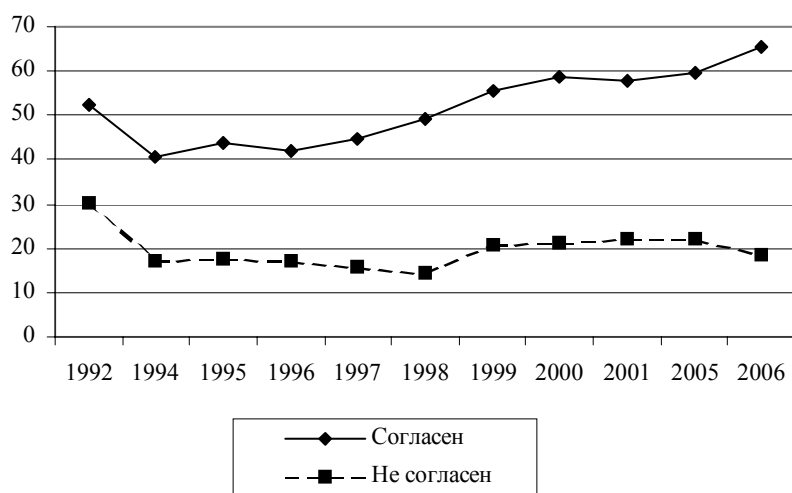
связи”, формирование двустороннего контроля за деятельностью агентов социального взаимодействия, с предоставлением реальных санкционных возможностей; формирование доверия и взаимоуважения между агентами социального взаимодействия; воспитание уважения граждан к себе как к наиболее ценной ценности в обществе, что предполагает, прежде всего, изменение усвоенных ранее социально-психологических установок, касающихся взаимоотношений в государстве.

Поскольку конечным агентом и потребителем всех социально-политических трансформаций в обществе выступает человек, член данного государства, то от личностных характеристик всех субъектов социального процесса, их духовности, определяющих эффективность самоконтрольных рычагов социальной регуляции, в немалой степени зависит действенность законов, характер реализации политических, правовых установок и т. п. Только социально активный, сознательный, уважающий себя гражданин способен через действенный современный социально-контрольный механизм побуждать власть к активным действиям, к совершенствованию, позитивному развитию общества.

Следующим шагом нашего рассмотрения является анализ ряда выделенных в рамках нашего исследования социально-ситуативных феноменов, связанных с переходным состоянием нашего общества. Их влияние опосредует возможности полноценной реализации и функционирования новых социально-контрольных отношений, формирования полноценного гражданского общества, реализации активности социальных субъектов – граждан данного общества, возможности их консолидации и интеграции на пути реализации позитивных демократических преобразований в обществе. Заметим, что утрата человеком ощущения целостности и стабильности своего социального пространства, своей идентификации с определенными социальными общностями и сопутствующие этому особенности социальных отношений, на наш взгляд, не способствуют успешной реализации намеченных демократических реформ и преобразований. Такая ситуация существенно препятствует становлению гражданского общества, основанному на принятии и защите большинством населения демократических цен-

ностей и свобод; осознании гражданами общности групповых интересов, своей идентичности с другими индивидами, обладающими аналогичными социальными признаками; наличии активных, равноправных, независимых, уважающих себя и способных отстаивать свои интересы реальных социальных субъектов, а не безропотно поддерживать авторитарных лидеров, предлагающих сказочные рецепты мгновенного и безболезненного выхода из кризиса.

К сожалению, социологические исследования указывают на явное преобладание определенных тенденций в украинском обществе (см. рис. 5).

Рис. 5. Динамика отношения респондентов к утверждению, что несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии (%)

Причем, по результатам мониторинга Института социологии НАНУ, фиксируется нарастание таких тенденций. Так, в 2006 году 65,7% опрошенных соглашались с утверждением о том, что “несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии”, тогда как в 1998 году согласных с данным утверждением было 49,3%, а в 1994 – 40,5%.

Примером феноменов, препятствующих интеграции и консолидации современного украинского общества, может выступать фиксируемое в исследованиях противопоставление самопрезентируемых характеристик, то есть самооценок с оценками и характеристиками, которые человек приписывает другим. Мы обозначили такой феномен как позицию “негативизма”, которая определенным образом отражает социальные взаимоотношения в нашем обществе. Можно говорить о присутствии противопоставляемого императива “Я – Они”, которое фиксируется при социологическом анализе. Причем универсальность данного феномена дает основания для вывода о том, что границы и характеристики противопоставляемых “себе” групп не являются четко заданными изначально. Это может быть и правящая элита, и другие социальные группы, в зависимости от контекста сопоставления. Попробуем наглядно продемонстрировать эти особенности, проанализировав ответы на следующие вопросы: “Считаете ли Вы себя патриотом Украины?” и “Считаете ли Вы, что люди, входящие в нашу правящую элиту, являются патриотами Украины?”, которые задавались респондентам в 1999 году и в 2001 году. Так, в 1999 году считали себя патриотами Украины 63,9% опрошенных, а элитную группу – 13,7% (в 2001 году – 68,8% и 16,1% соответственно), не патриотами себя называли 27,2% опрошенных, а представителей властной элиты – 75,1% (в 2001 году – 23% и 73,7% соответственно). Данные результаты демонстрируют полярность в оценках своей позиции и позиции “элитной группы”. Рассматривая же представление граждан Украины о возможных регуляторах поведения в обществе, мы сравнивали ответы на два вопроса: В какой степени поведение (1) самого респондента и (2) других людей в обществе регулируют такие факторы, как политические убеждения, законы, материальный интерес, моральные нормы, мнение окружающих, совесть. Была зафиксирована подобная общая тенденция: чем выше оценивалась значимость самодетерминанты, тем более низкое ее значение приписывалось “другим”. Особенно информативным в рамках рассмотрения проблемы трансформации отношений в обществе в контексте расширения социально-контрольных возможностей, процессов демократи-

зации и становления гражданского общества являются позиции “совесть”, “моральные нормы”, “законы” как отображающие условия, опосредующие успешную консолидацию, объединение интересов людей, предполагающие самоорганизацию, доверие, добрую волю и добросовестность партнеров [8].

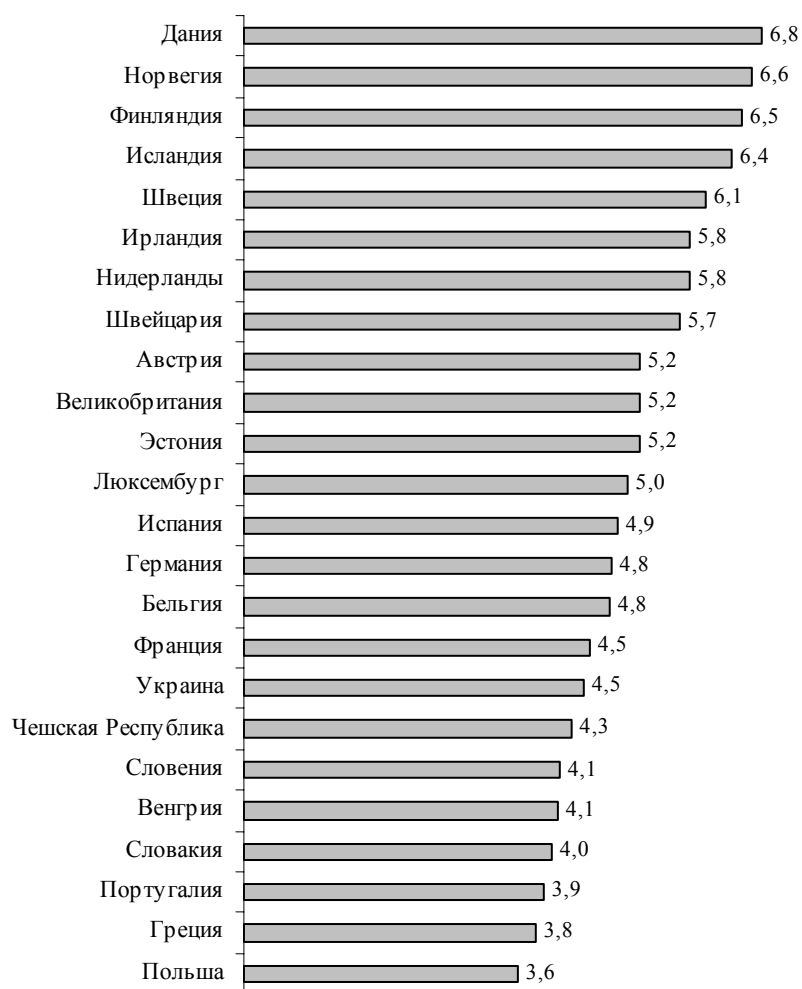
Рассматривая в рамках изучения предпосылок становления реального гражданского общества особенности взаимоотношений в обществе на уровне межличностного общения и взаимодействия, следует также отметить личностную неготовность к таким отношениям сегодня, что наглядно демонстрирует и негативная динамика ответом на вопрос относительно возможностей гражданской, общественной активности украинских граждан. К сожалению, украинцы сегодня проявляют неготовность к состраданию, поддержке других членов общества, нуждающихся в таком отношении. Это отражают, например, ответы на вопрос, о том, согласны ли они принять участие в помощи больным, инвалидам и при каких условиях? Мониторинг ситуации показывает, что растет число тех, кто отвечает, что не согласен бы на это “ни при каких условиях”: в 2004 году такой ответ дали 11,5% респондентов, в 2005 – 14,5%, а в 2006 – 17,7%.

Данные тенденции прослеживаются и тогда, например, когда речь идет о доверии людям. Так, большая часть жителей Украины сегодня не соглашается с мнением о том, что “большинству людей можно доверять”. Причем наблюдается негативная динамика по данной позиции – количество согласных с таким суждением уменьшается на протяжении исследуемого периода (см. табл. 4).

Таблица 4
Динамика отношения респондентов к мнению о том,
что большинству людей можно доверять (%)

Большинству людей можно доверять	1992	1999	2000	2001	2004	2005	2006
Согласен	42,8	32,4	34,3	28,4	39,6	34,6	30,3
Не согласен	43,0	50,8	46,0	50,7	45,2	48,2	50,6
Не знаю	13,5	16,1	19,2	20,1	14,6	17,3	19,1
Не ответили	0,6	0,7	0,5	0,8	0,7	0,0	0,0

Если в 1992 году 42,8% опрошенных соглашались с тем, что большинству людей можно доверять, то в 2006 году количество таких ответов уменьшилось более чем на 10%.

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: “Как Вы думаете, в целом большинству людей можно доверять или стоит быть осторожным, имея дело с людьми?” (2005, %). Приводится средний бал (0 – нужно быть осторожным, 10 – большинству людей можно доверять)

Следует отметить, что исследование проблемы доверия людям в рамках международного сравнительного социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Украины в рамках общеевропейского мониторингового проекта “Европейское социальное исследование” (ESS), в котором принимали участие 24 государства ЕС и Украина, отражает определенные особенности данной ситуации (см. рис. 6).

Как свидетельствуют результаты исследования, уровень доверия к людям в современном украинском обществе ниже, чем в европейских странах с устоявшимся демократическим укладом. Меньший показатель доверия, чем в Украине, регистрировался лишь в ряде стран, недавно присоединившихся к ЕС.

Исходя из таких особенностей взаимоотношений, характерных для нашего общества, можно сделать предположение об определенных трудностях интеграции, о некоторой проблематичности консолидации общества на современном этапе. Как отмечает В.Тихонович, “нестабильность кризисного общества – это ничто иное как разрыв внутригрупповых, межгрупповых, общесоциетальных (общество – личность) взаимодействий людей” [16, с. 26]. В связи с трансформацией мышления, ценностей, убеждений, при переходе из одного состояния общества в другое разрушаются прежние социальные связи, социально-культурная среда, социально-политический порядок, люди становятся “атомарными” единицами, лишаясь прежних идентичностей и почвы для возможной консолидации. Как результат – закрепление императива “Я” и “Они”, наблюдаемая сегодня ситуативность солидаристских потребностей большинства населения Украины, присутствующая в разработках современных украинских социологов – Е.Головахи, Н.Паниной, С.Макеева, И.Мартынюка, С.Оксамитной, А.Ручки, В.Тихоновича, Н.Шульги, Е.Якубы и др.

Переход из одного состояния нашего общества в иное осуществлялся слишком радикально. Все эти особенности, естественно, не облегчают задачу становления новых социальных отношений, формирования независимых социальных субъектов и развития гражданского общества в нашей стране сегодня, предупреде-

ляющих возможность полноценного функционирования современной модели реализации социального контроля.

Однако, как отмечает Э.Геллнер, атомизация человеческого общества “всегда служила источником опасений, по временам будила надежду, а порой вызывала и надежду и опасение одновременно” [17, с. 136–137]. Таким образом, можно предположить и возможность позитивных последствий нынешней атомизации общества в дальнейшем. При наличии объективных и субъективных условий, способствующих процессам демократизации общества, индивидуализация личности, противопоставление себя всем вокруг при условии формирования и усвоения определенных ценностных приоритетов, ощущение себя самостоятельным, действенным субъектом социальных отношений могут получить позитивное развитие, реализуясь по принципу единства анализа и синтеза (в процессе восхождения от простого к сложному, предполагающем дальнейшее объединение элементов на новом организационном витке).

3. ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Несмотря на существующие сегодня проблемы, страна движется в новом направлении. Наличие демократических преобразований неоспоримо. На их фоне уже сегодня можно отметить изменения в социальном самосознании конкретной личности. Они связаны с изменениями в ценностных приоритетах, осознанием и постепенным принятием личностью новой роли гражданина независимого украинского государства, что предполагает пересмотр своих позиций и возможностей в рамках реализации современного, демократического по его сути социально-контрольного процесса.

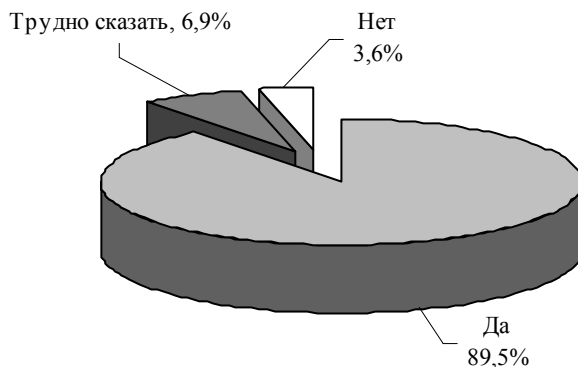
Результаты исследований отражают ряд позитивных изменений, происходящих в нашем обществе сегодня, которые могут свидетельствовать о перспективе реализации новых социальных отношений.

Например, фиксируется позитивная динамика в осознании гражданами Украины общества, в котором мы живем, как “моего общества”: такой ответ в 1999 году давали 29,8% респондентов, а в 2001 году – 34,8%. Еще в 1999 году 43,0% опрошенных отмечали, что воспринимают новые праздники украинского государства, “как свои”. И лишь 8,7% указывали, что эти праздники “для меня чужие”.

На вопрос о том, считает ли человек себя патриотом Украины, большинство респондентов (около 70%) дают позитивные ответы. Так, 41,3% в 2001 году дали безусловно позитивный ответ, а 27,5% выбрали утверждение “скорее да”. Причем фиксируется положительная динамика данных показателей во времени, поскольку в 1999 году безусловно позитивную позицию выбирало 35,9% опрошенных. Таким образом, данные социологических опросов свидетельствуют о постепенном становлении “нового патриотизма”. Позитивность данных тенденций, на наш взгляд, связана и с накопленным ранее огромным потенциалом гражданственности в нашем обществе (ведь по-

зиции институтов гражданственности и патриотизма в СССР были очень значительными). Фиксируется позитивное отношение населения к новой государственной символике независимой Украины, о чем свидетельствуют ответы на следующий вопрос: “В Украине уже несколько лет используется новая государственная символика. Как Вы относитесь к этим символам?”. Этот вопрос задавался в 1999 и 2001 годах, и большинство граждан Украины отмечали, что они безусловно принимают: флаг Украины (60,3% – 1999, 68,1% – 2001); гимн Украины (57,7% – 1999, 62,6% – 2001); герб Украины (тризуб) (57% – 1999, 62,3% – 2001). При этом происходит постепенное увеличение количества людей, признающих такие атрибуты независимого государства, как новый флаг, гимн и герб. Эти “симптомы”, безусловно, свидетельствуют о процессе постепенного вхождения жителей Украины в новые социальные, политические реалии страны и осознания новой для себя роли гражданина молодого независимого государства.

Большинство граждан Украины дают позитивный ответ и на вопрос о том, “Воспринимаете ли Вы Украину как свою Родину?” (см. рис. 7).

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: “Воспринимаете ли Вы Украину как свою Родину?” (2006, %)

Причем по сравнению с 2003 годом в 2006 количество украинских граждан, которые отметили, что воспринимают Украину как свою Родину, увеличилось на 12,8%, а число давших отрицательный ответ, уменьшилось почти вдвое. Почти в три раза уменьшилось и количество тех респондентов, которые затруднились с ответом на данный вопрос. Большинство жителей Украины связывают с ней свое будущее. Так, в 2006 году 56,8% респондентов, отвечая на вопрос о том, насколько их интересы и интересы их близких связаны с будущим украинского общества, дают позитивный ответ, а негативный – 18,6%.

При ответе на вопрос о том, кем они считают себя в первую очередь, большинство опрошенных определяют себя как “граждан Украины”, отдавая предпочтение данной своей идентичности по сравнению с другими предложенными на выбор позициями: “представитель определенного этноса”, “человек определенного региона”, “советский человек”, “европеец”, “гражданин мира” и т. д. (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: “Кем Вы себя в первую очередь считаете?” (%)

<i>Варианты ответов:</i>	1992	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Жителем села, района или города, в котором Вы живете	24,0	31,3	30,2	31,6	32,3	30,5	24,6	27,7
Жителем региона (области или нескольких областей), где Вы живете	6,8	6,9	8,6	5,9	4,8	6,7	6,4	6,6
Гражданином Украины	45,6	41,0	34,6	41,0	41,1	44,2	54,6	51,6
Представителем своего этноса, нации	–	–	–	3,0	2,5	3,1	2,1	1,8
Гражданином бывшего Советского Союза	12,7	12,2	17,8	12,7	13,1	10,7	8,1	7,3
Гражданином Европы	3,8	2,8	2,8	0,7	0,5	0,7	0,8	1,3
Гражданином мира	6,4	5,6	5,7	2,7	3,6	2,4	2,5	2,9
Другое	-	-	-	1,6	2,0	1,4	1,0	0,7
Не ответили	0,6	0,2	0,3	0,8	0,2	0,2	0,1	0,1

Таким образом, по результатам социологических исследований можно констатировать определенные позитивные тенденции в изменении восприятия гражданами новых социальных и политических условий, характеризующих современную ситуацию в Украине, в направлении формирования определенных ценностных приоритетов самосознания, становления социального сознания граждан нового независимого государства.

Рассмотрение проблематики развития демократических процессов, возможностей формирования полноценного гражданского общества в нашей стране и функционирования соответствующей модели социального контроля связано с выявлением наличия ценностей и социальных приоритетов, характеризующих возможности развития данных процессов.

Для анализа мы использовали теоретическое обоснование демократических ценностных приоритетов, предложенное Р.Инглхартом, которое в связи с поставленной в работе задачей было выделено нами как наиболее соответствующее ее целям.

Напомним, что в результате проведенного масштабного и многомерного исследования, охватившего множество стран, Р.Инглхарт выделил так называемые “материалистические” ценности, когда упор делается, прежде всего, на экономическую и физическую безопасность, и “постматериалистические” ценности, когда на первый план выдвигаются приоритеты качества жизни, проблемы индивидуального самовыражения. То есть, с одной стороны, ценности выживания и, с другой – ценности благополучия. Ключевой идеей является понимание того, что прогрессивные демократические изменения в обществе предполагают, что “нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотверженность и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения” [7, с. 10]. Сдвиг от материалистических ценностей к ценностям постматериальным – наиболее полно документированный аспект данной перемены.

Прогрессивные изменения в обществе, предполагающие демократизацию социальных отношений, формирование равноправных и независимых социальных агентов, предполагают

с необходимостью появления и утверждения новых норм и ценностей социального поведения. Поэтому мы посчитали целесообразным в рамках решения нашей задачи проанализировать наличие (или отсутствие) в нашем обществе ценностных установок и приоритетов, характерных для демократически благополучных государств, что даст возможность отразить ситуацию в Украине и определить возможные перспективы ее развития в контексте реализации демократической модели социального контроля.

Напомним наш тезис о том, что, с одной стороны, в условиях развития демократического общества происходит сдвиг в ценностных приоритетах людей. А с другой – изменения в мироотношении людей, затрагивающие и индивидуальное, и массовое сознание, приводят к изменению в экономической, политической и социальной сферах жизни. Следовательно, трансформация целей, норм и ценностей, в свою очередь, влияет на стратегические устремления и перспективы демократизации общества.

Становление постматериалистических ценностей, обусловленное изменением самосознания личности, может послужить изменению мотивации поведения в обществе, пересмотру ценностно-нормативных оснований социальных взаимодействий в современном государстве.

Исходя из этого, можно констатировать, что наличие или отсутствие, степень развитости и специфику проявления этих ценностных приоритетов в нашем обществе следует выделить как факторы, характеризующие социальную ситуацию в стране, как индикатор демократических преобразований, предвестник реализации новых социально-контрольных отношений в стране.

Необходимо отметить, что термин “постматериалист” указывает на определенную группу целей и приоритетов. Постматериалист не является нематериалистом, и тем более – антиматериалистом. Появление постматериализма свидетельствует о смене приоритетов сознания и поведения.

Для рассмотрения картины демократических преобразований в нашей стране мы использовали тестовый вопрос Р.Инглхарта, позволяющий выявить наличие материалистических

и постматериалистических ценностных тенденций в обществе. Заметим, что масштабное исследование Инглхарта, позволяющее обнаружить “материалистов” и “постматериалистов”, содержит ряд стандартных вопросов, собранных в три батареи суждений; выбор ответов по каждому из них фиксирует определенный ценностный выбор [18]. Суммирование их результатов дает основания говорить о приоритетном выборе респондента. В нашем исследовании 2001 года опросник включал лишь одну батарею суждений. И хотя последующие исследования 2003 и 2006 годов уже включали все три батареи суждений, мы решили в данном исследовании представить данные по первой батарее суждений, что, согласно теории Р.Инглхарта, также позволяет констатировать наличие определенных тенденций в изменении ценностных приоритетов.

Наша изначальная гипотеза состояла в том, что, по результатам исследования в Украине, преобладание материалистических тенденций будет максимальным, постматериалистические же выборы могут отсутствовать вовсе. Результаты исследования, в котором регистрировались ответы по следующим тестовым позициям: а) “Если бы Вам пришлось выбирать, что из перечисленного ниже Вы сочли бы наиболее важным?” и б) “А что было бы вторым по значимости?”, выявили следующую картину (см. табл. 6).

Таблица 6

Ценностные выборы украинцев (2006, %)

Социальные ценности (первая батарея суждений):	а) первый выбор			б) второй выбор		
	2001	2003	2006	2001	2003	2006
1 – сохранение порядка в стране	52,6	56,6	50,4	29,9	25,7	31,4
2 – предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства	22,0	13,9	12,7	22,8	27,7	24,2
3 – борьба с повышением цен	23,7	27,9	34,5	40,6	38,9	36,4
4 – защита свободы слова	1,8	1,7	2,4	6,7	7,7	7,9

По теории Р.Инглхарта, преобладание ответов, связанных с ценностями экономической и физической безопасности (в данном случае это позиции 1 и 3), свидетельствует о материалистическом выборе. С постматериалистическим выбором связаны ценности, выдвигающие на первый план приоритеты качества жизни (позиции 2 и 4).

Наличие не только материалистических позиций в первом выборе, выявленное по результатам опроса населения Украины, дало нам основание для более глубокого анализа результатов и выделения четырех групп в соответствии с ценностными приоритетами респондентов. Такая конкретизация является, на наш взгляд, более адекватной для общества переходного периода, характеризующегося отсутствием устоявшихся, четких критериев и рамок, поскольку она дает возможность выявить существующие и формирующиеся в обществе тенденции.

Таким образом, было выделено четыре группы с определенными ценностными выборами:

1-я группа включила лиц, сделавших материалистический выбор и в первом, и во втором случае (М–М);

2-я группа предполагает, что был сделан первый выбор материалистический, а второй – постматериалистический (М–П);

3-я группа, в первом случае выбравшая постматериалистическую альтернативу, во втором – материалистическую (П–М);

4-я группа предполагает, что оба выбора постматериалистические (П–П).

Результаты распределения ответов формируют следующую картину распределения респондентов по четырем выделенным группам (см. табл. 7).

Таблица 7

Группы ценностных выборов (%)

Годы	М–М	М–П	П–М	П–П
	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
2001	49,2	27,1	21,3	2,4
2003	50,5	33,8	14,1	1,7
2006	54,8	30,1	13,0	2,1

Наибольшей в 2006 году, как и в предыдущие годы исследования, оказалась 1-я группа (М–М), включающая 54,8% от общего числа опрошенных. Далее следует 2-я (М–П) и 3-я (П–М) группы – 30,1% и 13% соответственно. И наконец, определенную долю, хотя и очень незначительную, составляет сегодня в украинском обществе и экзотическая, “продвинутая” 4-я группа (П–П) на существование которой первоначально мы не рассчитывали вовсе. Таким образом, можно отметить, что больше половины украинских граждан являются ныне приверженцами материалистических ценностей. Причем полученные результаты не позволяют говорить о каких-либо существенных сдвигах в ценностных предпочтениях украинцев на протяжении исследуемого периода. И это объяснимо. Ведь изменения в ценностных приоритетах не происходят мгновенно. Для регистрации существенных изменений данного показателя временной фактор, на наш взгляд, является одним из ключевых. Таким образом, требуется дальнейшее исследование данных показателей. Вместе с тем, уже сегодня можно отметить, что около половины наших сограждан делают хотя бы один постматериалистический.

Поэтому в рамках данного исследования интересно было бы увидеть реального субъекта – носителя постматериалистических ценностных выборов, который может послужить опорой для украинского общества на пути расширения демократических преобразований и перспектив формирования и реализации контрольных механизмов гражданского общества.

Анализ социологического материала позволяет говорить об определенных локус-контрольных тенденциях, фиксируемых в группах с разными приоритетами ценностных выборов. Группу М–М характеризует ярко выраженная внешне контрольная направленность (экстернальный локус контроля). В группах, сделавших в своих ответах постматериалистический выбор, фиксируется тенденция к снижению экстернальности при увеличении количества постматериалистических выборов. Однако попытка выявить такие же тенденции в выделенных группах применительно к позиции “зависимость

от властной элиты” дала негативный результат. Можно полагать, что ценностные приоритеты тесно связаны с социально-психологическим уровнем, который, в свою очередь, является опосредующим элементом между усвоенными ценностями и показателями “властной зависимости”.

Анализ распределения ценностных выборов по региональному признаку выявил следующие тенденции. Материалистические ценности в 2006 году оказались наиболее выраженными в Центральном регионе, а наименее – в Западном.

Рассмотрение распределений по показателю “город / село” указывает на нарастание постматериалистических тенденций с увеличением количества жителей населенного пункта. Так, Киев дал наибольший процент лиц, отметивших хотя бы один постматериалистический выбор (64,6%). Среди населения больших городов данный показатель составил 47,1%, небольших городов – 46,5%, а среди жителей сел – 39%.

Сравнение показателей образования также свидетельствует о высоком образовательном уровне постматериалистов. Однако тенденция к постматериалистическим выборам, нарастающая, с повышением уровня образованности респондента, вместе с тем слабо связана с родом занятий и материальным уровнем.

Актуальным в связи с рассмотрением вопроса о возможностях реализации современной модели социального контроля в нашем обществе является рассмотрение по позициям, связанным с возможностями осуществления контрольных функций. В связи с этим необходимо отметить, что около 40% респондентов в качестве наиболее важного ценностного приоритета отмечают позицию “предоставление народу возможности больше влиять на важные решения правительства” (при первом или при втором выборе).

Анализ показывает, что украинские материалисты как приоритетные способы контроля за деятельностью центральных властных структур выделяют в первую очередь “участие в выборах Президента Украины и Верховной Рады”, реализацию контроля “через СМИ” и через “международные организации”. В группах, сделавших постматериалистические ценност-

ные выборы, в качестве наиболее действенных субъектов контроля называются “гражданские организации”, “политические партии”, “суд и правоохранительные органы”, что свидетельствует об определенной готовности данных граждан к реализации новых социальных отношений в обществе, предполагающих вовлечение структур гражданского общества в контрольный процесс.

Распределение по показателю материалистичности / пост-материалистичности ценностных ориентаций обнаруживает и ярко выраженные возрастные отличия. Первая группа (М–М) включает наибольшее число лиц в возрасте старше 55 лет (67,6%), во второй группе (М–П) преобладают люди среднего возраста (30 – 55 лет), в третьей и четвертой – лица в возрасте до 40 лет.

Таким образом, можно констатировать оптимистические перспективы и надежды на позитивные перемены в нашем обществе в связи с приходом на социально-политическую арену “нового поколения”, способного привнести в нашу действительность новые идеи и ценности, установки и приоритеты, касающиеся демократического переустройства украинского общества, позволяющего изменить характер социальных отношений в стране, пересмотреть роли и функции социальных агентов, внедряя новые ценности и нормы социального взаимодействия. Можно прогнозировать возможность появления и реализации в обществе новой модели социального контроля, которая расширяет контрольные возможности в обществе, подключая к их реализации новых социальных агентов в будущем. Оптимизм подкрепляется и тем, что показатели локуса контроля и показатели властной зависимости также связаны с возрастными показателями, и имеют тенденцию к уменьшению внешней контрольной зависимости с уменьшением возрастных показателей.

Полученные результаты позволяют констатировать наличие определенных оптимистических перспектив социально-демократических преобразований в нашем обществе. Это дает основания говорить о появлении определенных базисных условий

для изменения характера социальных отношений в украинском обществе, создания перспектив для реализации современной модели социального контроля. Результаты социологического опроса свидетельствуют о вызревании личностного демократического потенциала в рамках пересмотра ценностно-нормативных оснований социальных взаимоотношений в обществе, что должно способствовать преодолению социальной зависимости, предполагая качественные изменения самосознания личности, идентификацию себя как полноценного субъекта социальных взаимоотношений, способного активно реализовываться в социальном процессе, отстаивать и защищать свои права и свободы, без чего невозможна активизация гражданского общества Украины.

Однако готов ли к таким изменениям другой субъект социального процесса, а именно представители правящей элиты. Готова ли власть к партнерским отношениям с обществом, к восприятию гражданина как полноправного субъекта демократического процесса. Готова ли она делегировать гражданским структурам часть своих полномочий или же продолжает жить по старым меркам, позиционируя себя над всеми. Как отмечал Н.Шульга – в украинском обществе, которое находится в стадии трансформации, элита не получила статуса референтной группы, так как не выполняет своей главной социально-психологической функции – роли признанного в обществе примера, на который ориентируются массы [19]. У населения Украины понятие правящей элиты ассоциируется в первую очередь с верхушкой законодательной и исполнительной власти, а также с богатыми людьми. Следует отметить, что уровень доверия общества к различным структурам власти остается низким на протяжении всего периода мониторинга данной ситуации.

Результаты анализа динамики отношения граждан к правящей элите фиксируют определенное, хоть и незначительное увеличение интереса и уважения к ней со стороны населения (см. табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: “Что Вы испытываете по отношению к правящей элите?” (%)

<i>Варианты ответов:</i>	<i>1996</i>	<i>2006</i>
Уважение	2,3	6,5
Интерес	11,1	17,9
Безразличие	53,1	31,6
Обиду	21,1	30,4
Враждебность	12,7	13,5

Однако ведущей в отношении к элите со стороны граждан остается „обида”. Причем фиксируется рост количества граждан, которые отмечают, что испытывают в правящей элите такое чувство. Как позитив можно отметить тот факт, что уменьшается количество наших соотечественников, которые испытывают по отношению к правящей элите “безразличие”. Так что же представляет собой украинская правящая элита, каков ее социально-психологический портрет? Попробуем выяснить это, проанализировав результаты экспертного опроса представителей властных структур.

4. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ

Изучение вопросов становления новых социальных отношений в рамках процесса демократизации украинского общества предполагает не только рассмотрение феноменов массового сознания, социально-психологических особенностей современного украинского гражданина как одного из агентов данного процесса, но и рассмотрение социально-психологических характеристик украинской элиты как реального участника социально-контрольного процесса.

От личностных особенностей субъектов социального взаимодействия зависит характер и формы реализации современных социальных отношений.

Заметим, что период трансформаций связан с изменениями в системе социальных норм, ожиданий и ценностей разных слоев общества. В таких условиях особенности функционирования элитных групп общества больше, чем когда-либо, обуславливают направление общественного развития. Система ценностей, навязываемая обществу элитными группами, приобретает доминирующее значение. В этих условиях социальные и социально-психологические характеристики элиты представляют собой один из важнейших показателей актуального состояния общества и возможных перспектив его дальнейшего развития. Актуальность проблемы обуславливает увеличение количества исследований по вопросам элитных групп в контексте социальной структуры, деятельности, особенностей функционирования и т. п.

Понятие “элита” (франц. *elite* – лучшее, выборочное) определяется как группа лиц, имеющих специфические личностные и профессиональные качества, которые делают их элитой, то есть “избранными” [9].

В западной литературе существует множество работ, посвященных вопросам элит. Наибольший вклад в теоретическую разработку проблемы внесли В.Паретто, М.Вебер,

Х.Ортега-и-Гассет, К.Мангейм, Р.Михельс, Г.Моска, Ч.Р.Миллс. В классической теории властной элиты Ч.Р.Миллса, изложенной в книге “Властвующая элита” (1956), члены элиты определяются как люди, чьи позиции разрешают им подняться над окружением и принимать решения со значимыми последствиями. Г.Михельс сформулировал закон олигархии: ни одно общество не может функционировать без доминирующего класса. Г.Моска делал акцент на том факте, что всегда существует организованное меньшинство, которое управляет, и неорганизованное большинство, которым управляют. Оба эти подхода фокусируют внимание на элите.

Большое внимание сосредоточивается на вопросе, достаточно ли “элитна” элита для того, чтобы признать за ней такой статус. Какие свойства должны быть присущи элите? Эта проблематика была заложена еще в концепции В.Парето, который очертил понятие элиты в социологии. Он определял элиту как высшую прослойку членов общества, чьи исключительные качества приносят им власть и престиж. Х.Ортега-и-Гассет определяет элиту как людей, которые имеют интеллектуальное или моральное преимущество над массой, имеют высочайшее чувство ответственности. Таким образом, можно отметить, что определенные индивидуальные особенности понимаются как один из ведущих показателей элитной группы.

В дальнейшем теоретизирование разворачивалось в направлении уточнения понятия элиты на основе разграничения между потенциальной властью и властью действующей. Но до недавнего времени эти разработки проводились исключительно западными исследователями. Такие понятия, как “элита”, “власть”, редко использовались в отечественной литературе, в частности в научной. Существовало интуитивное (а может, не всегда только интуитивное) стремление “избегать” этих понятий, и обсуждения политики как сферы контроля, силы, влияния. Коммунистическая элита существовала как “невидимка”. Она не актуализировалась в теории. Социальные науки не концептуализировали это понятие ни как элемент социальной структуры, ни как фактор социальной динамики. Надо отметить, что в Украине, как и в других странах бывшего

соцлагеря, описание и анализ любых характеристик властных структур практически отсутствовали в социологических и социально-психологических исследованиях. А те малочисленные публикации, которые как-либо затрагивали эти вопросы, тем более не касались личностных черт, социально-психологических характеристик этой группы. Проблема власти никогда не уточнялась и не раскрывалась. Таким образом, понятие власти носило ореол недостижимости и имело неопределенные рамки.

Вместе с тем, понятно, что необходимой составной социальной структуры любого общества является высший слой (или слои), осуществляющий функции управления, развития.

В самом общем смысле власть интерпретируется как “форма социальных отношений, которая характеризуется возможностью влиять на характер и направление деятельности и поведения людей, социальных групп и классов с помощью экономических, идеологических и организационно-правовых механизмов, а также с помощью авторитета, традиций, насилия” [20, с. 85].

Вместе с тем, властную элиту составляют не абстрактные “квазиобщества”, а реальные живые люди. И именно особенности этих людей, их социальное самочувствие, социально-психологические качества характеризуют эту социальную группу, определяют ее “человечную” сущность, мотивацию и возможные последствия их действий.

Но с такой точки зрения до недавнего времени власть как фактор, условие, предпосылка и как следствие, результат развития общества, а также как практика определения человеком стратегий личностного выживания, физического сохранения и личностной самореализации и средство реализации этих стратегий – вся эта проблематика не становилась предметом исследования.

Раскрытие через самохарактеристики мотивационных оснований поведения исследуемой группы (то есть системы мотиваций, в рамках которой определяются цели, достижению которых служат определенные действия и поступки людей, детерминирующиеся их представлением о нормативной оп-

равданности таких действий, наряду с мотивами, стимулами и образцами поведения) и является предметом нашего исследования.

Описание группы. Индивидуальные качества выступают одним из ведущих показателей элитной группы, определяя ее преимущества над другими членами общества

Как подчеркивал В.Парето, “элита – это высшие члены общества, чьи исключительные качества обеспечивают им власть и славу”.

В этом исследовании мы делаем попытку очертить “образ Я” властной элиты, зафиксировать ее представления о себе и ее отношение к представителям своей группы (самопредставление). Раскрытие образа группы происходит с помощью самохарактеристик ее представителей.

Понятие элиты и лиц, которые должны входить в эту категорию, чрезвычайно сложное, его содержание меняется в разные времена и в разных социальных условиях. Раскрытие этого теоретического аспекта не является задачей данной работы. Поэтому, очертив главные отличительные особенности группы, обратимся непосредственно к нашему предмету.

Мы будем называть элитой представителей групп, которые по своим функциям выполняют соответствующую роль.

Под властной элитой мы понимаем тот слой общества, который имеет возможность принимать решения общегосударственного значения. При этом к властной элите относим лиц, которые занимают такие должности, которые предусматривают возможность принимать такие решения. Это люди, которые реально реализуют власть в данном обществе в данное время.

Приведем результаты экспертного опроса представителей властных структур (народные депутаты, руководители министерств и ведомств – всего 151 человек).

Были проанализированы ответы на два поставленных нами вопроса: “Какие черты, по Вашему мнению, должны быть присущи человеку, который принадлежит к правящей элите?” и “Какие черты, по Вашему мнению, наиболее характерны для нашей правящей элиты?”. Оценка качеств фиксировалась по шестибальной шкале от наименее необходимых / присущих

к наиболее необходимым / присущим элите качествам. Для оценки по обоим вопросам предлагался перечень из 14 качеств – образованность, компетентность, эрудированность, порядочность, принципиальность, идейность, патриотизм, терпимость, ответственность, целеустремленность, инициативность, решительность, гибкость, уверенность. Таким образом, нами были получены два обобщенных портрета группы – идеальный образ человека и реальный портрет властной группы (представителя властной элиты).

Заметим, что формирование новой элитной группы продолжается и сегодня, что отражено в целом ряде публикаций группы сотрудников Института социологии НАНУ под руководством Н.А.Шульги, положивших начало в конце 1990-х годов изучению вопросов формирования и развития властной элиты в Украине [подр. см.: 21]. Такой процесс сопровождается, как правило, привнесением новых идей, взглядов, форм и методов руководства.

Делая попытку построить образ человека, принадлежащего к властным структурам, раскрыть его внутреннее состояние при помощи самохарактеристики этой группы, мы полагаем, что такой образ, выступая как установка по отношению к самому себе, является предпосылкой и следствием социального взаимодействия. Самохарактеристика группы – это проявление ее приоритетов, склонностей, особенностей поведения, присущих ей ценностей. Представление идеального и реального образов позволяет очертить “образ Я” данной группы. Входя в структуру личности, он включает реальный образ, отображающий то, каким реально является субъект, и – идеальный, представляющий то, каким субъект должен быть. Именно адекватность этих компонентов – условие формирования полноценно функционирующей личности.

Раскрывая теоретическое определение понятия “идеал”, можно заметить, что идеал – это образ, который включает наиболее ценные и привлекательные черты. Как правило, идеал формируется под влиянием окружения, социальных приоритетов и настроений.

Идеал раскрывает систему ценностных ориентаций, личностных установок по отношению к существующим в обществе

ценностям, связанным с моральными нормами, эстетическими идеалами, правовыми принципами и т. д. Через ассимиляцию этих ценностей в сознании строится своя личностная система ценностей. Они являются эталонами для оценки явлений, поступков, и в совокупности функционируют как идеальная модель личностного поведения.

Идеал – это цель, к которой человек стремится приблизиться. Идеал, как правило, придает динамизм, активизирует силы для его достижения. Он обладает активизирующей силой, силой совершенствования и развития.

Человек отдает себе отчет в несовпадении реального и идеального образов. Но он старается преодолеть существующее расхождение, стать более совершенным. Так как в идеалах сосредоточена личностно-интериоризованная идея, то она должна получить в сознании индивида всестороннее обоснование, чтобы он принимал ее как истину.

Расхождение между идеальным и реальным *Я* выступает источником развития личности. Однако, характеризуя идеальный и реальный образы, надо обратить внимание на один феномен, который возникает при их взаимодействии.

Рассматривая “образ *Я*” как целостное представление о себе на основе требований непосредственного окружения и более широкой среды, реакцию на требования и ожидания, Ян Щепаньский раскрывает феномен “отображенного *Я*”, который вклинивается между образом *Я*, формирующимся под влиянием взаимодействия с другими, и собственно процессом этого взаимодействия. “Отображенное *Я*” состоит из представления о том, как видят нас другие, как они нас оценивают и реакции на эти оценки (удовлетворения, стыда, негодования) [22, с. 75].

Таким образом “отображенное *Я*” – это такой процесс в сознании человека, который представляет собой определенную генерализованную субъективную, когнитивно-эмоциональную трансформацию реакции социальной среды на его поведение.

Формирование “образа *Я*” не может не зависеть от “отображенного *Я*”, но роль последнего может быть различной.

Полная зависимость “образа Я” от компонентов, которые вмещает “отображенное Я”, означает невозможность истинного, адекватного “образа Я”, полную зависимость его от ожиданий социальной среды и ее реакций на поведение индивида.

При анализе полученных характеристик складывается впечатление, что образ “идеального Я”, который существует у представителей исследуемой группы, по своему содержанию отвечает этому феномену, судя по тому, настолько различаются идеальный и реальный образы (см. табл. 9).

Таблица 9

Ранговое соотношение качеств идеального
и реального образов представителя властной элиты

<i>Ранг в реальном образе</i>	<i>Качества</i>	<i>Ранг в идеальном образе</i>
1	Гибкость	13
2	Образованность	5
3	Целеустремленность	7
4	Решительность	6
5	Компетентность	2
6	Эрудированность	11
7	Уверенность	9
8	Терпимость	12
9	Инициативность	8
10	Принципиальность	10
11	Патриотизм	4
12	Порядочность	3
13	Ответственность	1
14	Идейность	14

Мы раскрываем образ группы через выявление наличия или отсутствия определенных личностных черт характера, исходя из того, что личность как субъект общественного развития оценивается по качеству тех черт, которые ей присущи. Конечно, социально-психологические качества личности детерминируются многими обстоятельствами. Выявление таких детерминант не является целью данного исследования, но их соотношение определяет направленность личности, ее стиль поведения в социальной среде.

Направленность личности определяет цель, жизненные планы человека, степень его жизненной активности. Определенная направленность человека накладывает отпечаток на все поведение. Она охватывает разные личностные качества, систему взаимодействующих потребностей и интересов, моральных и практических установок. При этом один из компонентов направленности доминирует, имеет ведущее значение. Это влияет на психическую деятельность человека и проявляется в стиле его поведения.

Характер или стиль поведения в социальной среде обнаруживается в таких особенностях поведения, как отношение к людям, к делу, к самому себе. Речь идет об интегральном единстве разнообразных психологических качеств человека, но определяющую роль играют нравственно-волевые качества, от которых зависят особенности социального поведения и деятельности человека.

В характере человека необходимо определять единство устойчивых и динамичных качеств. Характер – это сплав черт: то, что на первый взгляд кажется спонтанным, независимым от конкретных обстоятельств, может быть проявлением ранее сформированных представлений, жизненных впечатлений и опыта. Характер является отображением всей сложности жизненных влияний. Он формируется в процессе активного взаимодействия личности и среды и находит свое отражение не только в поступках и действиях, но и в речи, мимике и т. п.

Характер отражает жизнь человека и, в свою очередь, влияет на его жизнь. Человек с твердым и решительным характером может преодолеть любые трудности и достичь поставленных целей, используя все возможности и рационально упорядочив свою жизнь и работу.

В зависимости от характера человека те или иные его черты по-разному проявляются в поведении. Черты характера – это устойчивые формы, шаблоны поведения, которые проявляются в определенных ситуациях с достаточно большой предсказуемостью, что и дает возможность прогнозировать поведение. Это единство мотива и действия, содержания и формы,

связь между которыми не всегда однозначна. Эти сложные индивидуальные особенности, довольно показательные для человека, позволяют с определенной долей вероятности предвидеть его поведение в том или другом конкретном случае.

Существует деление черт характера на моральные, волевые, эмоциональные и интеллектуальные, которые, по мнению психологов, являются ведущими в характере человека [23, с. 409]. Они проявляются в разных жизненных ситуациях, однако их проявление обуславливается конкретным соотношением потребностей, определяющим реальные поступки.

Так, в ситуациях, которые ставят перед человеком требование действовать в соответствии с общественными нормами, правилами поведения, на первый план выходят моральные качества поведения. Моральные качества формируются под влиянием моральных норм и ценностей, поведения и поступков окружающих людей. В нашем исследовании это такие качества, как патриотизм, порядочность, ответственность. Они порождаются системой человеческих отношений и этическими нормами, регулирующими эти отношения, и являются определенным преломлением существующих в обществе моральных принципов и норм. Они имеют социальную природу, социальную значимость и многосторонние проявления. Они выступают внутренними побуждениями к действиям и другим проявлениям характера человека. Если человек выдвигает определенные моральные требования к себе, это указывает на наличие у него совести.

В условиях, которые побуждают личность главным образом к применению особых усилий, к реальному действию, наиболее ярко проявляются волевые черты характера, связанные с потребностью человека в активной содержательной деятельности.

Обстоятельства, которые требуют от личности прежде всего четкого и осознанного восприятия окружающей действительности, осмысленного, оригинального решения разных проблем, обнаруживают интеллектуальные черты характера.

Проявление эмоциональных черт предопределяется, главным образом, потребностью в общении.

Стиль поведения – это интегративное единство, определяющееся соотношением разнообразных психических качеств человека, системой взаимодействующих потребностей и интересов, моральных и практических установок. Но определяющую роль играют нравственно-волевые и интеллектуальные качества, от которых зависят особенности социального поведения и деятельности человека.

Мы довольно подробно останавливаемся на теоретическом обосновании психологических особенностей не случайно, а для того, чтобы можно было четче представить причины и следствия проявления тех или иных психологических черт и характеристик, их влияния на жизнь человека, возможности и особенности его реализации в обществе.

На наш взгляд, все приведенные в предложенных экспертам вопросах качества являются необходимыми для человека власти. Предлагаются качества, которые очерчивали бы доминирующие черты, определяющие положительный потенциал человека с учетом особенностей функционирования (деятельности) исследуемой группы. Приведенные черты можно условно разделить на три группы, которые репрезентируют:

Когнитивный (или гносеологический) потенциал группы (*1 группа качеств*), включающий психологические качества, с которыми связаны познавательная, информационная, образовательная возможности человека.

Моральный (или аксиологический) потенциал (*2 группа качеств*), который определяется качествами, имеющими ценностную, моральную направленность, обеспечивающие соблюдение моральных принципов. Они характеризуют человека в контексте направленности и форм его поведения.

Деятельностный (практический) потенциал (*3 группа качеств*) обуславливает функциональные возможности решения проблем. Сила, энергия, с которыми человек добивается целей, умение преодолевать трудности, последовательность действий в отстаивании своих взглядов и выполнении принятых решений.

По результатам факторного анализа было выделено три группы факторов на основании насыщенности каждого из них (*см. табл. 10*). Анализ этих групп факторов свидетельствует

Таблица 10

Группы социально-психологических качеств

<i>1 группа</i>	<i>2 группа</i>	<i>3 группа</i>
<i>Когнитивные</i>	<i>Моральные</i>	<i>Деятельностные</i>
образованность (0,53)	порядочность (0,85)	целеустремленность (0,62)
компетентность (0,40)	патриотизм (0,83)	решительность (0,72)
эрудированность (0,33)	ответственность (0,77)	уверенность (0,80)
гибкость (-0,67), терпимость (-0,34)	принципиальность (0,82)	инициативность (0,79)

об адекватности их вышеобозначенным группам качеств, выделенным нами – когнитивная (1 группа), моральная (2 группа) и практическая (3 группа).

Анализ выделенных групп качеств свидетельствует о приблизительно одинаковом наполнении ими идеального образа, что подтверждает важность, по мнению экспертов, присутствия черт, принадлежащих ко всем трем выделенным группам, для представителя властной элиты, с некоторым преобладанием группы моральных качеств. Реальный же образ отличается очевидное преобладание качеств, которые составляют 3 группу (46,5%), тогда как качества 2-й группы представлены в реальном образе в наименьшей степени (25,5%) (см. табл. 11).

Таблица 11

Процентное соотношение разных групп качеств
в реальном и идеальном образах представителя властной элиты

<i>Группы качеств</i>	<i>Идеальный образ</i>	<i>Реальный образ</i>
1. Когнитивные	32,6%	27,9%
2. Моральные	36,0%	25,5%
3. Деятельностные	31,4%	46,5%

Идеальный образ. На первом месте (в качестве черт наиболее необходимых для человека, принадлежащего к правящей элите) представители властной группы выделили такие качества, как ответственность (89,9%) и компетентность (89,2%) (см. табл. 12). Следует заметить, что ответственность выступает

Таблица 12

**Распределение качеств в идеальном образе
представителя властной элиты, %**

<i>Ранг</i>	<i>Качества</i>	<i>Идеальный образ</i>
1	Ответственность	89,9
2	Компетентность	89,2
3	Порядочность	87,8
4	Патриотизм	83,1
5	Образованность	79,7
6	Решительность	78,2
7	Инициативность	75,5
8	Целеустремленность	74,8
9	Уверенность	74,3
10	Принципиальность	70,2
11	Эрудированность	67,6
12	Терпимость	55,8
13	Гибкость	52,7
14	Идейность	41,5

как средство внутреннего контроля (самоконтроля) и регуляции (саморегуляции) поведения вообще и тех видов деятельности человека, которые он выполняет сознательно и добровольно. В научном дискурсе различают два вида ответственности как личностного качества [24, с. 64]. Одни характеризует ее как склонность придерживаться в своем поведении общепринятых правил, социальных и правовых норм, определяя как социальную ответственность личности. Другой вид определяется как способность личности отвечать за свою жизнь. Такое понимание связано с понятием локуса контроля, отображающего общую склонность человека приписывать ответственность за события, которые имеют место в его жизни, самому себе (интерналы) или списывать все на свое окружение, высшие силы судьбу, внешне обстоятельства все то, что не подвластно его управлению (экстерналы).

Ответственность предполагает наличие прав и обязанностей при осуществлении какой-либо деятельности. Как справедливо отметил Уинстон Черчилль: «Ответственность – это та цена, которую мы платим за власть» [25, с. 169]. Именно

ответственность представители властных структур определяют как наиболее необходимую черту для человека власти, полагая, что расширение прав и власти предполагает и увеличение обязанностей, за выполнение которых человек несет ответственность.

Среди качеств, которые определяются как наиболее необходимые для представителей властной элиты, выделяются, прежде всего, моральные – ответственность, порядочность, патриотизм. А также такие качества, как образованность, компетентность, осведомленность, способность ориентироваться в информационном пространстве. Именно эти черты выделяются как наиболее необходимые для человека, который в соответствии со своим социальным положением должен принимать решения и делать шаги, влияющие не только на его личную судьбу (судьбу его семьи), но и на судьбы миллионов граждан общества.

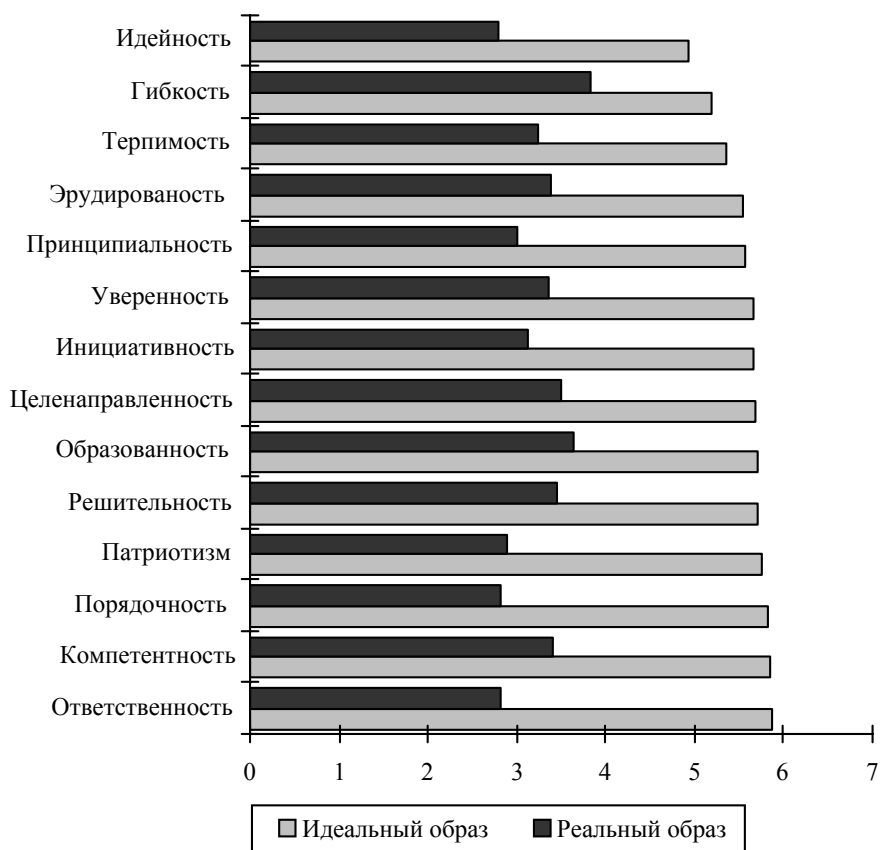
Конечно, в таких обстоятельствах ответственность и компетентность человека становятся главными необходимыми чертами. Вместе с тем, достижение любой цели требует наличия и волевых (деятельностных) качеств, которые бы помогали в преодолении трудностей и препятствий, возникающих на этом пути. Поэтому такие черты, как решительность, инициативность, целеустремленность, уверенность, также выступают необходимыми атрибутами идеального образа представителя властной элиты. Интересно отметить понимание экспертами идейности как наименее весомой в этом ряду черт. Это черта оказалась наименее неприемлемой для опрошенных экспертов. Наверное потому, что долгое время идейность ассоциировалась с определенными политическими взглядами, и это понятие обрело сегодня определенное, скорее негативное содержание.

Реальный образ. По результатам нашего исследования, реальный портрет человека, который является представителем властной элиты, несколько отличается от идеального (см. рис. 13). И это четко понимают сами представители властных структур.

Наиболее характерными для реального образа представителей современной украинской властной элиты, по мнению

Рисунок 13

Соотношение качеств в идеальном и реальном образах
представителя властной элиты (баллы)

экспертов, являются черты, которые очерчивают динамическую (энергетическую, деятельностную) направленность человека. В первую очередь, выделяются черты, которые могут выступать инструментом в достижении цели (инструментальные черты). Они демонстрируют предпринимательский дух, стремление реализоваться, характеризующие практический тип, который ориентируется на полезный эффект, а не на процесс деятельности. Это обуславливает активность в рамках взаимо-

отношений типа “руководитель – подчиненный”. Ориентация на практический тип, на реформирование условий жизни и деятельности проявляется и закрепляется в большей мере, если жизненные обстоятельства усложняются и требуют практических действий, что характерно для сегодняшней ситуации в Украине. Однако при этом возникает риск одностороннего развития личности, закрепления ценностных ориентаций, связанных только с физическим или материальным комфортом. Преобладание этой группы черт без сбалансированности их моральными качествами может порождать наряду с настойчивостью, независимостью, самостоятельностью, стремление к власти и игнорирование социальных норм и авторитетов. Такие люди действуют смело, энергично, активно, иной раз агрессивно отстаивая свои личные права и интересы.

Поэтому настораживает тот факт, что такие моральные качества, как ответственность, порядочность, патриотизм, принципиальность, занимают последние позиции в реальном образе властной элиты.

Такая тенденция может свидетельствовать о том, что, имея все возможности для достижения цели, саму эту цель они воспринимают довольно эгоистично. Возникает вопрос, на что же направляется вся энергия и решительность, которой они владеют, если людям мало присущи такие качества, как порядочность и принципиальность. Какие решения государственного уровня может принять такой человек, если патриотизм не является предпосылкой его деятельности.

Вообще в ответах на вопрос про наиболее характерные особенности правящей элиты прослеживается определенная общая тенденция. Это негативная оценка наличия положительных характеристик у представителей своей группы.

Мы нарочно не предоставляли отрицательных черт для оценки (этого требовала методика сравнения характеристик реального образа с идеальным). Оценка же реального образа по всем приведенным качествам оказалась минимально положительной. Таким образом, возникает вопрос, которым бы оказался портрет группы, если бы для оценки предлагались и отрицательные качества? Возможно, такие ответы являются следствием отношения самих представителей к своим поли-

тическим оппонентам, непринятия их позиций, а не проявлением отношения к конкретным лицам (представителям власти). Такое объяснение было бы более приемлемым для характеристики группы, так как оно указывает “лишь” на нетолерантное, бескомпромиссное отношение к политическим конкурентам. Но толерантность, терпимость к взглядам других является признаком развития демократической культуры. Формирование и распространение демократических принципов в обществе может изменить ситуацию к лучшему. Значительно более пессимистичным может быть другое объяснение обнаруженной негативной тенденции в оценках характеристик данной группы. Гораздо хуже, если полученные характеристики реального образа являются не следствием неспособности отличить объективную картину от субъективного (личностного) отношения, а действительно объективной характеристикой группы. Каковы возможные последствия таких отрицательных оценок? Мы постоянно наблюдаем их в реальности – пренебрежение к оппоненту, амбициозность и агрессивность, шантаж в качестве аргумента и т. п.

Хотелось бы закончить анализ все-таки на более оптимистичном моменте.

Понятно, что идеальный человек власти в сегодняшней социально-экономической ситуации просто невозможен. И не только потому, что доминирующими мотивами стремления к власти являются корыстолюбие, амбициозность, защита, в лучшем случае, корпоративных интересов.

Вместе с тем, результаты анализа свидетельствуют о том, что образ лидера – это образ человека, в котором сочетаются не только решительность и уверенность в себе, но и порядочность, принципиальность и ответственность. Представление о необходимости наличия у лидера моральных качеств пока еще не нивелировалось в сознании представителей властных структур.

Оптимистически характеризуя с психологической точки зрения результат сравнения двух образов представителя властной элиты – “реального-Я” и “идеального-Я” можно указать на то, что речь идет о самооценке группы, и эта самооценка не является завышенной, что может дать толчок к дальнейшему развитию человека, конечно, при наличии такого желания.

Формирование определенных черт отнюдь не обусловлено сугубо генетически, а является также результатом определенных жизненных влияний.

Очевидно, что гармония социальных черт характера в определенной мере связана с гармоничной организацией общества. Система потребностей, ценностей, тип личности в целом формируются под воздействием жизненных обстоятельств, в которых тот или иной тип имеет свои преимущества; он может закрепляться или изменяться в зависимости от ситуации. Но если к развитию качеств подходить с точки зрения гармонического развития личности, то оптимальным вариантом будет пропорциональная взвешенность всех составных.

Равномерное соотношение и развитие всех групп качеств должно способствовать гармоничному развитию человека, всестороннему раскрытию и проявлению его внутренних качеств.

Сегодня Украине, как отмечают сами представители власти, крайне необходимы энергичные, приспособленные к рыночным условиям управленцы, юристы, экономисты, а также те, кто мог бы создавать, развивать и использовать новейшие технологии. Именно таких людей ждет система государственного управления.

Возможно, процесс вхождения Украины в европейское сообщество, настойчиво декларируемый нынешней властной элитой, и приобщение в рамках этого процесса к ценностям социальных взаимодействий, характерных для развитых демократических европейских государств, будут способствовать изменению ситуации и формированию качественно иного облика представителей властной элиты.

Нельзя не учитывать и того факта, что Украина сегодня не может находиться “в вакууме”, и мировые процессы и тенденции, безусловно, влияют на ее развитие. Объективные процессы глобализации и информатизации мирового пространства, наряду с кардинальными социальными, политическими, экономическими трансформациями внутри страны детерминируют изменения сознания и рядовых граждан, и представителей властной элиты, формируя ценностные установки, особенности самосознания личности, изменяя мотивацию поведения в обществе.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Социальные изменения, которые происходят сегодня в мире и в нашей стране, требуют переосмысления возможностей и особенностей реализации социального контроля в рамках новых реалий. Реализация социального контроля в современном украинском обществе зависит от многих факторов (исторических, социальных, политических и т. д.). Причем внутригосударственные социальные, политические, экономические аспекты дополняются внешними, глобальными факторами общемирового масштаба, которые накладывают свой весомый отпечаток на особенности реализации внутренней ситуации.

Под влиянием процессов глобализации происходят существенные изменения во всех сферах жизнедеятельности общества. Эти изменения охватывают экономику, политику, социальную сферу, образование, культуру, религиозную жизнь, сферы быта, потребления, досуга, общения и т. п. Формируются новые условия взаимодействия социальных субъектов, которые отвечают новым мир-системным условиям. Интернет-коммуникации создают предпосылки для возникновения новых форм и методов организации социальных отношений. Все чаще госу-

дарственные органы через электронные средства коммуникации вступают в диалог с гражданами. Современные глобальные изменения делают возможным кардинальное изменение в системе социального контроля, который становится более широким, демократическим и действенным.

Задачей данной главы является рассмотрение современных глобальных процессов как факторов, которые опосредствуют новые возможности реализации социального контроля в современном обществе, связанные с процессами демократизации и становления гражданского общества в Украине.

1. “НОВЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР” – НОВЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Становление “нового мира”, ознаменовавшее конец второго тысячелетия, связано с историческим совпадением трех независимых, но в то же время взаимосвязанных процессов. Процессы глобализации, информатизации и демократизации социальной системы, характеризующие современные мировые тенденции социального развития, безусловно, порождают новые условия, новые возможности и новые проблемы функционирования социальной системы. Сегодня можно говорить о начале новой эры, оказывающей мощное воздействие на все сферы жизни общества, в том числе и на способы социального взаимодействия, регулятивные и контрольные процессы.

Конец второго тысячелетия ознаменовался появлением очертаний нового мира. Так, по мнению М.Кастельса, который изложил свою концепцию современного мира в фундаментальной трилогии “Информационная эпоха: экономика, общество и культура” (1996), он зарождался в конце 1960-х – в начале 1970-х годов как следствие исторического совпадения трех независимых процессов: революции информационных технологий; кризиса как капитализма, так и этатизма и их дальнейшей реструктуризации; расцвета социально-культурных движений, таких как либерализм (социально-политическая доктрина, утверждающая безусловный примат прав и свобод индивида и отрицающая легитимность любого вмешательства государства и общества в личную жизнь человека), борьба за права человека, феминизм, защита окружающей среды. По мнению М.Кастельса, взаимодействие между этими процессами и спровоцированные ими реакции создали новую доминирующую социальную структуру – информационное общество, новую экономику – информационно-глобальную и новую культуру – культуру реальной виртуальности. Заложена в этой экономике, в этом обществе и в этой культуре логика лежит

в основе общественных отношений и социальных институтов взаимозависимого мира [1]. Среди фундаментальных особенностей новой эпохи можно назвать появление и распространение компьютеров и микропроцессоров, средств мобильной телекоммуникации, формирование электронно-интегрированных, глобальных финансовых рынков, которые работают в реальном времени; взаимозависимую глобальную экономику, воцарившуюся во всем мировом пространстве; преобладание городского населения в общем, и городской рабочей силы в сферах образования, науки и обработки информации в частности; падения Советской империи, исчезновение коммунизма как системы, способной претендовать на мировое господство; становление Азиатско-Тихоокеанского региона как полноценного партнера в глобальной экономике; достижения генной инженерии; осознание экологической проблематики и т. п. Таков современный мир – мир информационной эпохи, в которую вступило человечество на рубеже столетий.

Масштабность процесса глобализации, многогранность ее возможностей и неоднозначность вероятных последствий заставляют нас остановиться на этом феномене подробнее. Можно с полным основанием утверждать, что проблема глобализации для нашей страны является столь же актуальной, как и для всего мирового пространства, а, возможно, и более ощутимой, учитывая особенности политической, экономической и социальной ситуации в Украине сегодня. Можно констатировать противоречивость и неоднозначность позиций исследователей в осмыслении проблем глобализации, ее тенденций, направлений, последствий влияния на все сферы и процессы общественного развития. Наличие диаметрально противоположных взглядов на этот процесс отражены в разработках по вопросам глобализации – украинских исследователей А. Арсеенко, А. Белоуса, Ю. Павленко, Ю. Пахомова, Н. Шульги, россиян Ю. Павлова, А. Смирнова, западных ученых И. Валлерстайна, У. Бека, М. Ватерса, Р. Робертсона, Э. Тоффлера и др. [напр., см.: 2].

Рассматривая общие аспекты трансформации мирового сообщества, можно выделить ряд общих тенденций, характеризующих современный период. Это:

- появление нового информационного типа цивилизации;
- возрастание сложности и разнообразности условий и факторов, детерминирующих реализацию социальных отношений;
- ускорение темпов и увеличение масштабов социальных изменений;
- становление глобальной целостности международного сообщества;
- углубление интегративных процессов в мировой экономике и политике, в социальной сфере, в науке и культуре;
- возрастание значимости интеллектуального потенциала государств;
- расширение степени свободы личностных действий и др.

Мы не будем останавливаться на рассмотрении всех аспектов глобализации, так как это не является прямой целью нашей работы, а постараемся обозначить те аспекты, которые, на наш взгляд, значимы для понимания предмета нашего исследования. Заметим, что существует два принципиально разных подхода, две точки зрения в рассмотрении глобализации. Во-первых, глобализация рассматривается как “процесс объективный, природный” и во-вторых, “как силовой, принудительный (в интересах “глобализаторов”) процесс” [3, с. 69]. Отметим, что мы рассматриваем процессы глобализации в контексте первого из названных подходов. Данное понимание предполагает рассмотрение современного мира как взаимосвязанного и динамичного, переживающего глубокую многовекторную трансформацию, которая обуславливает переход к качественно новому этапу в развитии мировой цивилизации. Такое понимание, на наш взгляд, более продуктивно и эффективно для реализации исследовательского проекта. Кроме того, оно обусловлено стремлением избежать линейного взгляда на исторический процесс. В качестве основного параметра предполагается рассмотрение человеческого измерения.

Анализ глобальных тенденций современного мира позволил нам выделить ряд факторов, которые характеризуют современный социальный процесс, формируя новые условия и новый характер социальных взаимодействий и отношений социальных

субъектов и обуславливая трансформацию социального контроля на современном этапе. Это:

- изменение понимания роли, функциональных нагрузок национальных государств, изменение характера их взаимоотношений в глобальном социуме;
- изменение характера социального пространства, “сжатие” современного мира, детерминирующее нарастание глобальной взаимозависимости, изменение характера и качества социальной дистанции;
- изменение понимания характера и роли индивида (“самости”) в современном глобальном мире;
- нормативная глобализация и интеграция, характеризующая развитие глобального общества.

Более детально анализируя выделенные нами позиции, отметим, что глобализация в социологическом аспекте представляется как “неизбежная проблема современной жизни” [4, с. 81], которая несет фундаментальные изменения во все сферы и процессы общества и государства, мира и человека. Глобализация как объективный процесс способствует движению экономики в направлении либерализации, т. е. освобождению от команд, принуждений и статусов; продвижению государственного устройства (политики) в направлении демократизации, разконцентрирования власти; развитие культуры в направлении к универсализации [5].

Сегодня можно констатировать изменение статуса государства, пересмотр его функциональных нагрузок в современном мире. Это предполагает рассмотрение государства как “фактического (действительного) образования, центра действия среди большого числа таких же действительных и автономных, индивидуальных или коллективных центров действия [6, с. 61] и позволяет обосновать его новый статус и роль на современном этапе развития общества, следуя которым в рамках демократической традиции государство должно обеспечивать “функции сохранения, защиты и изменения, необходимые для общества и гарантирующие его длительное существование” [6, с. 66].

Происходящее ныне объективное разграничение и ослабление контроля со стороны государств является результатом

“глобализации конкурентных отношений, взаимозависимостей и информационных потоков, и возрастания пористости национальных и региональных барьеров и границ” [6, с. 73]. Для государства, как политической организации, территориальный принцип изменяет свое значение, происходит “демонтаж государства” (Э.Гидденс). Национальные государства постепенно утрачивают способность контролировать ситуацию, потоки идей и действий субъектов. Происходит утрата политических атрибутов, политического влияния, которое смещается на локальный и транснациональный уровни. Национальное государство в современной ситуации, как изящно и метко замечает Р.Робертсон, становится слишком большим для решения маленьких проблем и слишком маленьким для решения больших проблем [4]. Причем необходимо отметить, что процессы глобализации в большей степени влияют на более слабые страны.

Картина социальной ситуации, связанной с усилением взаимозависимости в современном глобальном мире, на наш взгляд, наиболее полно представлена в теоретических разработках Робертсона, рассматривающего процессы “феноменологического сжатия” современного мира. В предложенной им модели, получившей название “глобальное поле” (global field), выделяются четыре главных элемента (“базовых составляющих”), определяющих это поле – национальные общества; индивиды, или точнее в данном контексте, “самость”, “Я” (self); мировая система государств/обществ; человечество. Данная модель, на наш взгляд, наглядно демонстрирует возможности управления миром, “пути, по которым мир сегодня контролируется и получает приказы”, и привносит определенную гибкость в понимание “тотальности”, “глобальных тенденций” [4, с. 29] (*см. рис. 1*).

Таким образом, демонстрируются “главные принудительные тенденции”, которые осуществляются в условиях происходящего “сжатия мира” и действия “мирового приказа”, определяющиеся как схема глобальных человеческих условий (“global-human condition”). Такой подход к рассмотрению современной глобальной ситуации позволяет, на наш взгляд,

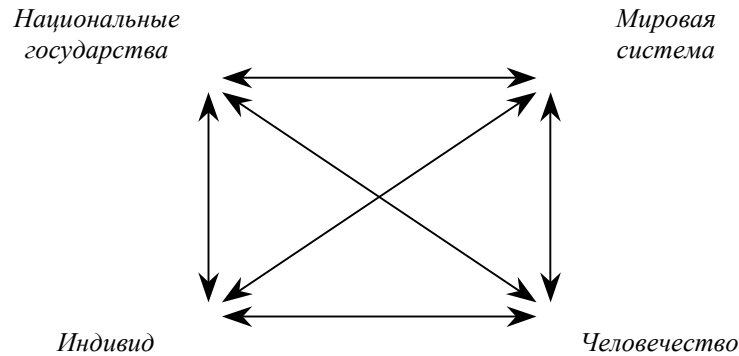

Рис. 1. “Глобальное поле” Р.Робертсона

раскрыть одну из основных характеристик современных процессов мирового развития, главную их особенность, на которой нам хотелось бы особо заострить внимание в рамках рассмотрения позиций, детерминирующих особенности трансформации социального контроля в современном обществе, – это взаимосвязанность и значимость каждого из компонентов глобального мира для функционирования всего “глобального поля”. Данное понимание предполагает, что в стремительно глобализирующемся мире возрастает значимость социетальности, цивилизованности, этничности, региональности и индивидуальности.

Сегодня можно говорить о “феноменологическом сжатии”, когда поступки, мнения, предпочтения начинают определяться скорее не локальной (этнической, религиозной, местной принадлежностью), а информационной принадлежностью. Происходит детерриторизация позиций, предполагающая обесцвечивание человеческого территориального поведения и смещение его детерминации на микроуровень.

Как отмечает У.Бек, “полилокальность, транснациональность биографии, глобализация частной жизни создают и далее почву для подрыва суверенности и национального государства и устаревания национально-государственной социализации” [7, с. 133]. Связь места и общности (общества) распадается.

Глобализация становится неотъемлемым аспектом современного сознания. Современные процессы и мировые тенденции развития позволяют говорить о ценностно-нормативной интеграции. В условиях происходящих изменений активно реализуются процессы нормативной глобализации. “Всемирное общество” делает ударение на нормативной интеграции и скоординированности в демократических действиях. При этом сами современные национальные государства создают такие институты и процедуры, которые подмывают их изнутри. Растет значимость международного законодательства и институтов, являющихся субъектами выражения глобальной нормативной интеграции, актуализируются международные нормы и права человека. Международные организации координируют и мобилизуют деятельность гражданских организаций, способствуя становлению новых ценностно-нормативных традиций на территориях конкретных государств. Таким образом, основной механизм развития глобального общества осуществляется как диалектика между государством и гражданским обществом – как на национальном уровне, так и на глобальном. Все аспекты системной интеграции, включая глобальную экономику, коммуникацию и т. п., естественно ведут к социальной интеграции, формируя глобальное сознание. Увеличивается число людей, живущих в международном сообществе, вне своих наций и границ.

Социальный портрет украинских приверженцев глобализации. Глобальные социальные трансформации влияют на разноуровневые процессы, в конечном итоге, детерминируя и изменения в образе жизни и сознании конкретной личности. В данном контексте рассмотрение нашей проблематики представляет интерес анализ представлений и характеристик современного украинского гражданина, признающего себя приверженцем или противником процессов глобализации. Напомним, что специфика украинского социума в контексте реализации глобальных общемировых изменений связана с тем, что наша страна переживает эти процессы на фоне внутренних социальных, политических, экономических преобразований, происходящих в постсоветском пространстве. Такая ситуация, на наш взгляд, обуславливает и особенности отно-

шения украинских граждан к масштабным глобальным изменениям. Обратимся к результатам всеукраинского социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Украины.

Подавляющее большинство украинского населения имеет свое определенное мнение относительно тех процессов глобализации, которые происходят в мире – об этом свидетельствуют результаты исследования. Лишь 11% респондентов указали, что ничего не слышали о процессах глобализации (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: “Сейчас много говорят о процессах глобализации – сближении стран и народов в мире. С чем Вы связываете эти процессы?” в группах с разным отношением к процессам глобализации*

<i>№</i>	<i>Варианты ответа</i>	<i>%</i>
1	С повсеместным проявлением терроризма	14,0
2	С возможностью объединения международных усилий в борьбе с терроризмом	29,0
3	С неокolonизаторской политикой экономически развитых стран Запада	6,9
4	С возможностью более быстрого развития для отсталых стран	13,6
5	С возможностью для развитых стран использовать нашу дешевую рабочую силу	29,5
6	С возможностью для наших граждан найти работу за границей	24,1
7	С “утечкой мозгов” в богатые страны Запада	28,2
8	С возможностью для нашей молодежи получить образование на Западе	15,4
9	С возможностью для развитых стран использовать нашу территорию для ввоза отходов своего производства	17,1
10	С возможностью объединять усилия в борьбе с экологическими катастрофами	21,9
11	С наступлением американской культуры	9,2
12	С возможностью пользоваться глобальной сетью Интернет	9,1
13	Ничего не слышал о таких процессах	11,3
14	Трудно сказать	24,6

* Респонденты могли выбрать до пяти вариантов ответа

Вместе с тем следует отметить, что, отвечая на довольно сложный и конкретный вопрос, который ставил человека перед необходимостью дать более четкую оценку этих процессов (“Считаете ли Вы себя сторонником или противником глобализационных процессов?”), большинство респондентов колебались с обозначением своего отношения к процессам глобализации. Около 70% опрошенных не смогли дать однозначного ответа на этот вопрос, что естественно, учитывая неоднозначность и многовекторность такого современного явления, как глобализация. Однако, следует отметить, что большее 30% опрошенных определились в своем отношении к данным процессам. По полученным ответам можно выделить две основные группы. Первая группа – приверженцы процессов глобализации включила респондентов, которые ответили, что считают себя “безусловными сторонниками” или “скорее сторонниками” процессов глобализации. Мы говорим именно о “приверженцах”, а не “сторонниках”, так как понятие “сторонник” предполагает, на наш взгляд, более активное и действенное выявление своей позиции, нежели было выявлено в нашем исследовании. Поэтому более адекватно будет выделить группу приверженцев, что более реально отражает наявную ситуацию. Вторая группа – противники процессов глобализации; в нее вошли лица, считающие себя “безусловными противниками” или “скорее противниками” процессов глобализации. Таким образом, среди опрошенных около 20% считают себя приверженцами, а около 11% – противниками процессов глобализации. Вопрос в том, существуют ли определенные, весомые различия между представителями данных целевых групп в их отношении к разным сторонам социальной жизни; играют ли какую-либо роль их социально-демографические и социально-психологические характеристики или же выбранная позиция была спонтанной оценкой, никоим образом не связанной с мировосприятием данной личности в современном украинском обществе. Обратимся к нашему анализу.

Результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что подавляющее большинство представителей выделенных групп считают очень важными такие позиции, как “демократическое развитие страны”, “возможность высказывать мысли по политическим и другим вопросам, не опа-

сясь за личную свободу”, “возможность критики и демократического контроля решений властных структур”, что отличает их от группы лиц, не определившихся в своем отношении к процессам глобализации (см. табл. 2).

Таблица 2
Зависимость оценки значимости демократических ценностей от отношения к процессам глобализации (%)

<i>Демократические ценности, получившие оценку “очень важно”</i>	<i>Отношение к процессам глобализации</i>		
	<i>Приверженцы</i>	<i>Неопределившиеся</i>	<i>Противники</i>
Демократическое развитие страны	78,3	60,6	78,9
Возможность высказывать мысли о политических и других вопросах, не боясь за личную свободу	79,2	65,4	74,2
Возможность критики и демократического контроля решений властных структур	62,6	44,4	60,1

Анализ восприятия различных аспектов развития экономической ситуации в стране представителями выделенных нами групп отразил следующие тенденции. Что касается отношения к развитию частного предпринимательства (бизнеса) в Украине, то 44,0% приверженцев и 34,5% противников процессов глобализации преимущественно одобряют, а 19,5% и 12,8%, соответственно, полностью одобряют развитие бизнеса в стране. Как и большинство украинских граждан (51,8%), представители данных групп преимущественно отрицательно относятся к передаче в частную собственность (приватизации) больших предприятий (48,4% приверженцев и 64,4% противников) и преимущественно поддерживают приватизацию малых предприятий (62,5% приверженцев и 54,4% противников, тогда как в целом по выборке – 49,4%). Хотя следует отметить, что процент тех, кто положительно относится к приватизационным процессам в Украине, несколько выше среди приверженцев глобализации. Такая же ситуация наблю-

дается и по вопросам приватизации земли. Преимущественно позитивно к приватизации земли относятся 52,2% приверженцев и 45,4% противников (в целом по выборке 45,3%).

Результаты анализа отношений к различным политико-правовым аспектам развития страны свидетельствуют о том, что политикой больше интересуются украинские приверженцы процессов глобализации. На свою “определенную заинтересованность” политикой указали 76,8% респондентов данной группы, тогда как среди противников таких – 64,9%. Хотя следует отметить, что “очень интересует” политика 19,1% противников и 13,3% приверженцев процессов глобализации. В целом же процент заинтересованных политикой среди представителей группы приверженцев был несколько выше (90,1%), чем по выборке в целом (84,0%).

Неоднозначными оказались ответы представителей целевых групп на вопрос относительно поддержки социалистического или капиталистического пути развития страны. Полученные результаты указывают на то, что довольно некорректно отождествлять украинских приверженцев процессов глобализации с поддержкой исключительно капиталистического пути развития страны (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: “Одни политические силы хотят, чтобы Украина выбрала путь социализма, другие – капитализма. Как Вы лично относитесь к этим силам?” в группах с разным отношением к процессам глобализации (%)*

<i>Отношение к различным политическим течениям</i>	<i>Отношение к процессам глобализации</i>		
	<i>Приверженцы</i>	<i>Неопределившиеся</i>	<i>Противники</i>
Поддерживаю сторонников социализма	20,2	26,1	32,5
Поддерживаю сторонников капитализма	19,6	8,7	8,2
Поддерживаю и тех, и тех, лишь бы не конфликтовали	25,9	23,4	20,1
Не поддерживаю никого из них	17,8	23,2	24,7

* В таблицы не отображены ответы “другое” и “трудно сказать”

Такой результат свидетельствует о том, что на личностном уровне группа приверженцев процессов глобализации является не столь однородной, как это иногда подчеркивается в научных публикациях по проблемам глобализации. Анализ результатов отразил также тот факт, что украинские приверженцы процессов глобализации оказались более толерантны в своем отношении к различным политическим течениям и направлениям – 25,9% из них указали, что “поддерживают и тех, и тех”. В то время как противники обнаружили больший негативизм – 24,7% респондентов этой группы указали, что они “не поддерживают никого”.

Практически не выявлено значительных расхождений в оценках деятельности президентов разных стран представителями данных групп. Хотя можно заметить, что самую высокую оценку деятельности президента Беларуси дали 18,4% противников и 11,6% приверженцев, тогда как среди всех опрошенных данную позицию выбрали 14,1% респондентов. Деятельность Дж.Буша получила самые низкие оценки у 21,5% группы противников и 14,2% – у группы приверженцев, тогда как по выборке в целом данную позицию выбрали 16,7%.

Следует отметить, что представители выделенных групп в целом оценивают политическую обстановку в Украине как напряженную. Но при этом усматривают несколько отличные пути выхода из данной ситуации. Так, учитывая тот факт, что большинство опрошенных преимущественно положительно воспринимает как идею “присоединения Украины к союзу России и Беларуси” (62,0%), так и идею “вступления Украины в Европейский Союз” (48,1%), следует отметить, что позиции представителей целевых групп несколько различны (см. табл. 4).

В группе приверженцев процессов глобализации фиксируется более позитивное отношение к выбору европейского пути развития страны, тогда как отношение к “вступлению Украины в НАТО” у представителей обеих противоположно ориентированных групп преимущественно негативное. Хотя следует сказать, что в группе противников выявлен больший процент отрицательных ответов (55,2%), чем в группе приверженцев (38,9%), тогда как в целом по выборке этот показатель составляет 38,3%. Утвердительный ответ относительно вступления

Таблица 4

Отношение к возможным путям дальнейшего развития страны в группах с разным отношением к процессам глобализации (%)

<i>Позитивное отношение к:</i>	<i>Отношение к процессам глобализации</i>		
	<i>Приверженцы</i>	<i>Неопределившиеся</i>	<i>Противники</i>
Идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси	57,6	62,2	68,0
Вступлению Украины в Европейский Союз	61,4	45,8	41,2
Сотрудничеству Украины с Международным валютным фондом	43,0	33,6	20,6

Украины в НАТО дали 10,8% противников и 29,9% приверженцев глобализации, а в целом по выборке – 21,0%.

Более существенные расхождения во взглядах представителей выделенных нами групп были выявлены при ответе на вопрос о возможностях “сотрудничества Украины с Международным валютным фондом”. Группа противников дала преимущественно отрицательную оценку такому сотрудничеству (41,8%). В то время как 43,0% приверженцев процессов глобализации высказали преимущественно положительное отношение к сотрудничеству с МВФ.

Заметим, что вопреки довольно четкому и осознанному отношению к политическим процессам в Украине представителей данных групп, выявленному в результате анализа, в оценках своих возможностей относительно участия в социально-политических процессах страны на протяжении всего исследовательского периода, не считая всплеска 2005 года, и у тех, и у тех наблюдается определенная инертность и пассивность, характерная для большинства населения Украины в целом. Украинские граждане, как было показано выше, не усматривают для себя реальной возможности противодействия тем властным решениям, которые ущемляют их права и интересы, ни

на общегосударственном, ни на местном уровне. Вместе с тем, следует отметить, что представители рассматриваемых групп в большей мере проявляют готовность к участию в митингах, демонстрациях протеста. И в первую очередь это касается группы приверженцев процессов глобализации, 44,5% из которых дали утвердительный ответ на вопрос “Если такие митинги, демонстрации протеста состоятся, Вы лично будете брать в них участие или нет?”.

Представители обеих групп при ответе на вопрос: “Что, по Вашему мнению, лучше – терпеть любые материальные трудности ради сохранения в стране порядка, мира и спокойствия или в случае значительного ухудшения условий жизни выходить на улицу с протестом?” – были более склонны к позиции: “следует активно протестовать против постоянного ухудшения условий жизни”. Данную позицию поддержали 61,4% приверженцев процессов глобализации и 55,4% противников, тогда как в среднем по выборке – 47,1% опрошенных.

Таким образом, можно отметить, что представители групп с радикально разным отношением к глобализации более четко позиционируют свои взгляды, выказывают большую готовность к активной защите своих позиций, особенно украинские приверженцы процессов глобализации.

Весьма показательным для характеристики группы приверженцев является и тот факт, что именно эта группа обнаружила большую степень важности (ответ “очень важно”) национально-духовного возрождения украинского общества. Так считают 42,4% представителей этой группы, 34,5% группы противников и 27,7% из числа тех, кто не определился в своем отношении к процессам глобализации. Подобная ситуация в соотношении оценок наблюдается по ряду позиций, представленных в *таблице 5*.

Такой результат фиксирует небезразличное отношение украинских приверженцев процессов глобализации к перспективам развития своей страны, активный поиск ими своего места в обществе. Их отличает стремление к наиболее полной личностной реализации в жизни. Представители группы приверженцев указывают также на большую важность для них

Таблица 5

**Зависимость оценки значимости социальных ценностей
от отношения к процессам глобализации (%)**

<i>Социальные ценности, получившие оценку “очень важно”</i>	<i>Отношение к процессам глобализации</i>		
	<i>Привер- женцы</i>	<i>Неопре- делив- шиеся</i>	<i>Против- ники</i>
Национально-культурное возрождение	42,4	27,7	34,5
Независимость в делах, суждениях, поступках	39,5	26,3	32,5
Повышение образовательного уровня (интеллектуальное развитие)	57,9	43,2	43,3
Государственная независимость страны	52,5	37,9	47,4
Расширение культурного кругозора, приобщение к культурным ценностям (с помощью искусства, художествен- ного творчества, хобби и т.п.)	39,6	23,0	28,5
Благоприятный морально- психологический климат в обществе	55,1	39,0	43,3

общественного признания (уважения со стороны друзей, коллег, сограждан); так ориентированы 47,4% представителей этой группы, тогда как среди противников таких 39,7%. Информационно значимым для характеристики интересующих нас групп выступает и тот факт, что их представители не выделяют как значимые лично для них такие позиции, как “участие в деятельности политических партий и общественных организаций”, а также “участие в религиозной жизни (регулярное посещение церкви, богослужений, несоблюдение тех или иных религиозных обрядов и т. п.)”, что может свидетельствовать о довольно низкой значимости политической и религиозной мотивации в формировании их отношения к процессам глобализации.

Полученные результаты определенным образом оппонируют довольно распространенному мнению о том, что глобализация – это нивелирование государственных интересов, расшире-

ние космополитических настроений и позиций. Подавляющее большинство украинских приверженцев процессов глобализации “воспринимают Украину как свою Родину”. Причем в данной группе этот показатель оказался самым высоким среди всех выделенных групп и составлял 77,3%. Результаты исследования выявили также следующую картину при ответе на вопрос: “В какой мере Вы гордитесь или не гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины?”. Среди приверженцев процессов глобализации наименьший процент тех, кто колебался с ответом (33,1%). В то же время они дали наибольшее количество позитивных ответов, а именно: 39,0% представителей данной группы указали на то, что в определенной мере гордятся тем, что являются гражданами Украины, тогда как среди противников и неопределившихся таких 33%.

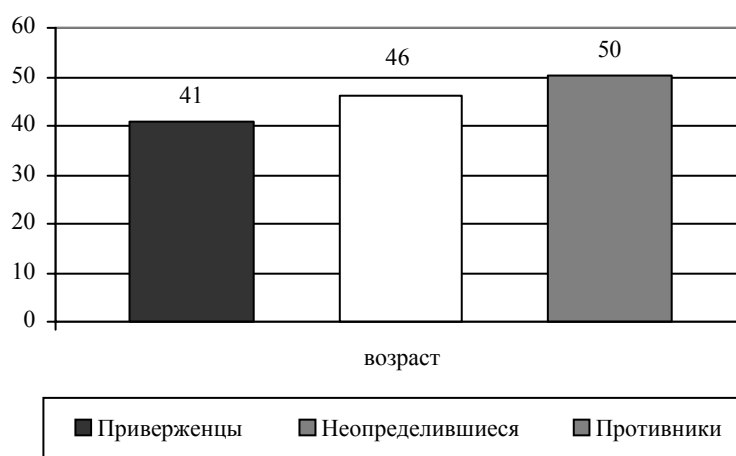
Подтверждением того факта, что украинские приверженцы процессов глобализации не являются ярыми сторонниками “американского образа жизни”, на чем часто акцентируется внимание при рассмотрении факторов, обуславливающих развитие процессов глобализации, выступает и довольно неоднозначное отношение в данной группе к суждению “современная западная культура и образ жизни в будущем станут универсальными, господствующими во всем мире” (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: “Как Вы относитесь к утверждению, что современная западная культура и образ жизни в будущем станут универсальными, господствующими во всем мире?” в группах с разным отношением к процессам глобализации (%)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Отношение к процессам глобализации</i>		
	<i>Приверженцы</i>	<i>Неопределившиеся</i>	<i>Противники</i>
Приветствую такое будущее	14,3	6,0	8,2
Отвергаю такое будущее	35,7	24,3	48,5
Меня это не интересует	10,6	20,4	16,5
Трудно сказать	39,4	49,3	26,8

Довольно информативным для характеристики той или иной группы оказался и анализ социально-демографических характеристик ее представителей. Результаты исследования выявили определенные возрастные различия между представителями данных групп. Наиболее молодой оказалась группа приверженцев процессов глобализации (см. рис. 2).

Рис. 2. Средний возраст в группах с разным отношением к процессам глобализации

Существуют определенные различия между представителями разных групп и по уровню материальной обеспеченности. Хотя средние показатели в группах по совокупному доходу на одного члена семьи за последний месяц мало различаются между собою, но различаются по максимальным показателям совокупного месячного дохода на одного член семьи между группами довольно весомые.

Приблизительно в 2,5 раза больше максимальный показатель дохода представителей группы приверженцев, чем максимальный доход, указанный представителями группы противников процессов глобализации (2500 грн и 900 грн соответ-

венно). Отличаются и взгляды представителей этих групп относительно того, кого можно считать богатой семьей (заметим, что по другим позициям – “бедные”, “зажиточные” и т. п. – их представления приблизительно одинаковы). Представители группы приверженцев процессов глобализации считают, что это семья, которая имеет около 8100 грн на человека в месяц. Тогда как противники полагают, что богатой можно назвать семью, в которой среднемесячный доход на одного члена семьи составляет около 3100 грн. При этом свою семью подавляющее большинство представителей обеих групп относят к средней по материальному уровню.

Зафиксированы также определенные образовательные различия. Среди приверженцев глобализации наименьший процент тех, кто заканчивал школу в селе, а именно 31,6% (по выборке в целом – 41,3%). В целом приверженцы оказались более образованными, чем представители других групп. Вместе с тем, среди представителей этой группы оказалась наибольшая доля тех, кто не удовлетворен уровнем своего образования. Хотя результаты опроса свидетельствуют о том, что по объективным данным они имеют наиболее высокий уровень образования среди всех респондентов, 42,5% из них указывают на неудовлетворенность уровнем своего образования. Такой результат отражает стремление представителей этой группы к совершенствованию, повышению своего квалификационного и образовательного уровня. Подтверждением этого выступает и степень осведомленности о таком современном явлении, как компьютерные технологии. В группе приверженцев процессов глобализации оказался меньший процент тех, кто вообще не знаком с компьютером. Уровень компьютерной грамотности среди представителей разных групп выглядит следующим образом (см. табл. 7).

Общая доля пользователей компьютерной техникой в группе приверженцев самая высокая – 26,3%, тогда как в группе противников их насчитывается 16,6%. При этом 17,8% из числа приверженцев указывают на то, что они имеют потребность в пользовании, а 11,8% – что пользуются Интернетом.

Таблица 7

**Уровень компьютерной грамотности
в группах с разным отношением к процессам глобализации (%)***

<i>Варианты ответов</i>	<i>Отношение к процессам глобализации</i>		
	<i>Приверженцы</i>	<i>Неопределившиеся</i>	<i>Противники</i>
Умею работать на компьютере, иногда пользуюсь	20,4	14,6	11,9
Постоянно использую в работе	5,9	4,6	4,7

* В таблице не отображены ответы “не знаком с компьютером”, “другое”

В то время как среди противников эти показатели составляют 10,9% и 6,2% соответственно. Следует заметить, что вообще по результатам опроса, пользователей Интернета в Украине в 2002 году насчитывалось приблизительно 4,2% [подр. см.: 8], а в 2006 году этот показатель составил 14,8%.

Украинских приверженцев процессов глобализации можно охарактеризовать как людей с довольно прогрессивными взглядами на процессы воспитания, что демонстрирует, например, ответ на вопрос относительно приоритетов школьного обучения. Большинство представителей данной группы назвали главной задачей школы – научить ребенка самостоятельно мыслить, высказывать свое мнение и отстаивать свои позиции (72,0%).

Анализ социально-психологических характеристик. Довольно показательным для характеристики группы является то, как респонденты оценивают свои шансы добиться успеха в жизни. Почти 63,8% приверженцев процессов глобализации считают, что они имеют такие же шансы добиться успеха в жизни, как и другие (среди противников таких – 47,9%). Большинство представителей данной группы отвергли пессимистическое утверждение, что они принадлежат к тем людям, которые “не имеют никаких шансов добиться успеха в жизни”.

Лишь 15,8% приверженцев согласились с этим утверждением, тогда как в группе противников эту позицию поддержали 32,0% респондентов.

Как весьма показательную характеристику приверженцев процессов глобализации можно выделить и показатели локуса контроля данной группы. Учитывая общие тенденции распределения этих показателей в украинском обществе сегодня, о которых подробно говорилось в предыдущей главе, следует отметить, что процент экстерналов в группе приверженцев самый низкий и составляет 38,2% (в целом по выборке 47,7%), а доля интерналов – 28,0% (в целом по выборке 22,0%). В то же время как группа противников обнаружила наибольший процент экстерналов (53,0%), и близкий к среднему по выборке процент интерналов (22,2%).

Существуют и определенные особенности адаптивных показателей целевых групп к новым социальным реалиям нашего общества. Как отмечает Е.Злобина, адаптация всегда, а тем более в нестабильных социальных условиях связана с определенным стрессом, и ее успех существенно зависит от установки адаптанта относительно новых условий. Предложенные Е.Злобиной показатели отражают степень приспособленности респондента к определенной жизненной ситуации. При этом, на личностном уровне выделяются две противоположные тенденции. “Первая репрезентирует желание воспринимать и воссоздавать новые образцы поведения, вторая – нежелание это делать. В личностном плане такая позиция отражает разные уровни мотивации достижения. Обе оказывают существенное влияние на социальные преобразования, первые продвигают их своей деятельностью, вторые – тормозят своей бездеятельностью” [9, с. 340].

Группа приверженцев оказалась менее пассивной и бездеятельной по сравнению с другими целевыми группами (см. табл. 8).

Группу приверженцев процессов глобализации отличает более активный поиск своего места в современных жизненных условиях, желание или даже потребность адаптироваться к

Таблица 8

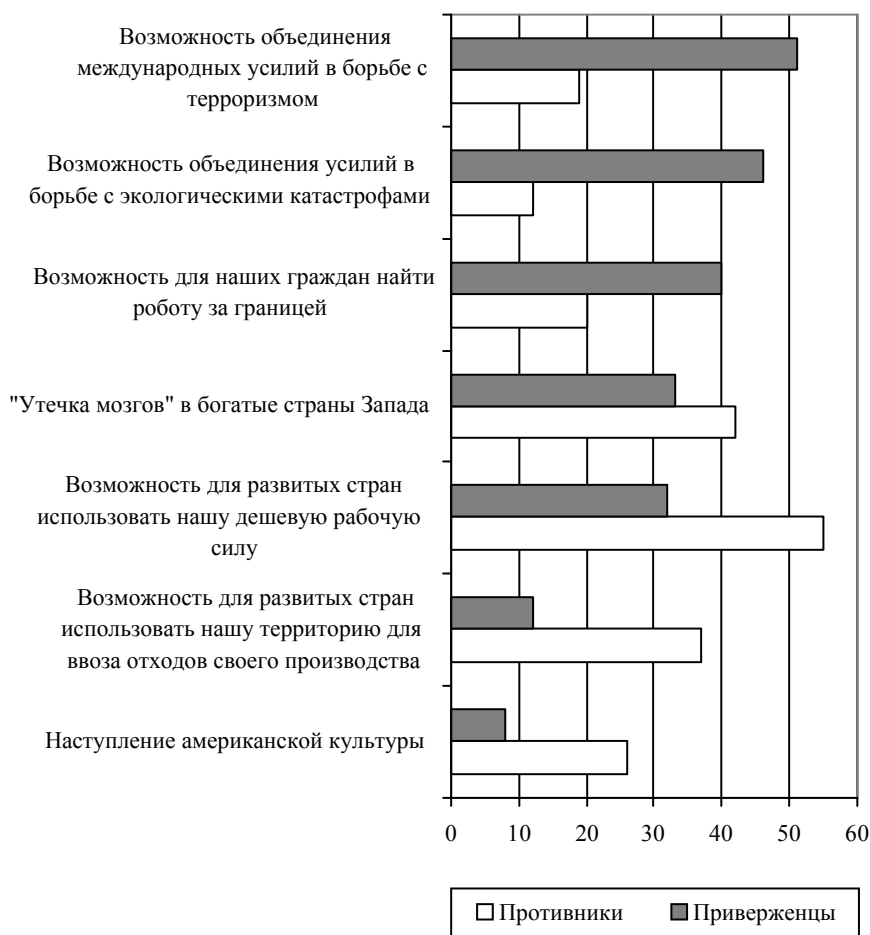
Распределение ответов на вопрос: “В какой степени Вы приспособились к сегодняшней жизненной ситуации?” в группах с разным отношением к процессам глобализации (%)

<i>Варианты ответов</i>	<i>Отношение к процессам глобализации</i>		
	<i>Приверженцы</i>	<i>Неопределившиеся</i>	<i>Противники</i>
Активно включился в новую жизнь, рыночные отношения кажутся мне естественным способом жизнедеятельности	12,7	7,4	7,3
Нахожусь в постоянном поиске себя в современной жизни	42,1	28,1	28,5
Не имею желания приспособливаться к современной ситуации, живу как придется, ожидаю изменений к лучшему	27,9	36,9	44,0
Трудно сказать	17,3	27,6	20,2

сегодняшней жизненной ситуации. Они постоянно “находятся в поиске себя в современной жизни”, стремятся максимально приспособиться к меняющимся социальным условиям и включиться в новую жизнь. В то время как противники преимущественно демонстрируют отсутствие желания приспособливаться к нынешней ситуации, находясь в перманентном ожидании изменений к лучшему.

Приверженцев процессов глобализации характеризует и общее более позитивное восприятие жизни и тех процессов, которые происходят в современном мире. Так, из предложенного перечня позиций, которые могут служить характеристиками происходящих процессов глобализации, приверженцы выделяли в первую очередь позитивные факторы глобализации, в то время как противники – негативные (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: “Сейчас много говорят о процессах глобализации – сближении стран и народов в мире. С чем Вы связываете эти процессы?” (%)

Такая же тенденция прослеживалась и при оценке влияния западного образа жизни и западной культуры, его роли в нашей жизни. Приверженцы в первую очередь выделяли позиции положительной оценки такого влияния, а противники – негативные. Хотя, обобщая данные оценки по каждой группе,

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: “Какова, по Вашему мнению, роль западного образа жизни и культуры в нашей жизни?” в группах с разным отношением к процессам глобализации (%)*

Варианты ответов	Отношение к процессам глобализации		
	Приверженцы	Неопределившиеся	Противники
Помогают молодежи осваивать современный мир	39,6 (1)	20,5 (3)	11,3 (9)
Способствуют тому, чтобы быт и поведение жителей Украины стали более современными	39,3 (2)	18,5 (7)	14,9 (7)
Разрушают моральные устои нашего общества	31,9 (3)	30,0 (1)	49,0 (1)
Подрывают корни нашей национальной культуры	27,6 (4)	24,4 (2)	34,5 (4)
Формируют идеалы и нравственные ценности, не свойственные жителям Украины	26,3 (5)	20,3 (4)	31,4 (5)
Способствуют формированию терпимого отношения к людям других рас, национальностей, культур и религий	25,7 (6)	9,5 (10)	9,3 (10)
Формируют примитивные вкусы	25,4 (7)	19,4 (5)	34,5 (3)
Приобщают к лучшим образцам мировой культуры	21,1 (8)	9,9 (9)	4,1 (12)
Ведут к единению людей разных национальностей на основе единой универсальной культуры и образа жизни	20,1 (9)	6,9 (11)	6,2 (11)
Приводят к оглуплению народа	18,6 (10)	18,9 (6)	38,6 (2)
Вызывают раздражение и неприятие у подавляющего большинства населения	16,1 (11)	16,4 (8)	23,2 (6)
Принимаются только узким, “элитным” слоем населения	8,0 (12)	8,0 (12)	13,9 (8)
Не оказывают никакого существенного влияния	3,4 (13)	4,9 (13)	3,1 (13)
Другое	0,6 (14)	0,2 (13)	1,0 (13)

* В скобках указаны ранги предложенных позиций

необходимо отметить, что суммарная оценка роли западного образа жизни и западной культуры в нашей жизни является скорее негативной, нежели позитивной (см. табл. 9).

Определяя же те моральные ценности и нормы западного образа жизни, которые, по мнению респондентов, наиболее активно входят в нашу жизнь, представители выделенных

групп отмечают, что, в первую очередь, это “культ денег”, “сексуальная свобода”, “направленность к жизненному успеху любой ценой”, “личная свобода и независимость”, “предприимчивость”. В то же время, такие позиции, как “терпимость к другим взглядам, убеждениям, верованиям”, “оптимизм”, “культ здоровья”, “умение много и напряженно работать”, “терпимость к чужому богатству”, по мнению представителей данных групп, не получили значительного распространения в нашей стране сегодня.

Обобщая результаты анализа, следует отметить, что восприятие глобальных процессов в украинском обществе происходит на фоне социально-экономических и социально-политических трансформаций в стране. И именно сквозь эту призму рядовой гражданин Украины смотрит сегодня на те процессы глобализации, которые происходят в общемировом масштабе. Это позволяет говорить об определенной уникальности группы украинских приверженцев процессов глобализации.

Украинских приверженцев глобализации отличает активное отношение к жизни во всех его проявлениях, неуклонная потребность в самосовершенствовании, повышении своего образовательного и культурного уровня, потребность в как можно более полной самореализации в обществе. Они довольно четко позиционируют свои взгляды, выражают свое мнение. Среди представителей этой группы наименьший процент тех, кто “колеблется” с ответами на большинство предложенных вопросов. И в первую очередь это касается тех сложных вопросов, которые не имеют однозначных ответов и предполагают наличие определенной (своей) позиции и аргументации. Приверженцы выказывают большую готовность к активному отстаиванию своих позиций и безразличное отношение к дальнейшей судьбе своей страны. Они позиционируют приверженность демократическим ценностям и принципам социального развития общества и готовы активно способствовать их реализации. Для данной группы украинских респондентов выбор позиции приверженца процессов глобализации – это прежде всего, поиск продуктивных путей преобразований в государстве, улучшения ситуации в стране и в своей жизни.

2. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Фактором, способствующим формированию и распространению ценностно-нормативных образцов, способствующих развитию и укреплению демократических принципов и установок, являются современные СМИ и СМК, основывающиеся на использовании новейших информационно-технологических достижений цивилизации. Сегодня новые возможности общества, связанные с развитием современных СМИ, Интернета, функционирующих в глобальном и высокотехнологическом мире, меняют образ жизни и специфику взаимоотношений людей, всесторонне демократизируя социальный процесс.

Это обуславливает необходимость анализа новых возможностей, создаваемых информационно-технологической революцией – фактором, детерминирующим современный социальный процесс. И в первую очередь необходимость данного ракурса анализа связана с появлением такого нового явления, как Интернет.

Сегодня можно смело говорить о наступлении информационно-технологической эры и связанных с этим особенностях реализации социального контроля в современном обществе в отличие от традиционного. Постсоветское общество идет “от идеологического контроля и коммуникаций к соединению свободы слова и информационных олигополий...от индустриальной эпохи информационному веку. И этот последний переход является фактически переходом решающим, переходом в который включены все страны” [1, с. 21]. Информационно-технологическая революция спровоцировала возникновение информационализма как материальной основы нового общества. При этом производство благ, осуществление власти, создание культурных кодов, формирование норм и ценностей становятся зависимыми от технологических возможностей общества с информационной технологией в качестве их базисного основания. Происходит становление и развитие элек-

тронных сетей как динамичной, саморазвивающейся формы организации человеческой активности, трансформирующей все области общественной и экономической жизни.

Нашу эпоху характеризует появление инновационных средств информационного обмена, а именно развитие сетевых информационных технологий. Этим термином можно обозначить такие компьютерные сети, как Интернет; глобальные off-line FTN-сети (например, FIDOnet), коммерческие отраслевые информационные сети (например, Relcom), а также основные виды коммуникаций через сети – on-line web-страницы (части WWW - World Wide Web); телеконференции (сегмент сетей, в котором пользователи могут обмениваться мнениями по определенной проблематике, задавать вопросы и получать ответы); электронная почта (сообщения, направляемые на личный электронный адрес пользователя); информационные рассылки, действующие по принципу рассылки на бумажные периодические издания (на личный электронный адрес можно заказать периодическую доставку информации по интересующему вопросу). Эти процессы можно сравнить с информационной революцией, знаменующей новую эру, которая:

- изменяет способы формирования, организации и распространения информации;
- обеспечивает анонимность и интерактивность взаимодействия;
- создает новые формы отношений, в том числе взаимоотношений социальных субъектов;
- создает технологическую базу для объединения интеллектуальных способностей и духовных сил всего человечества;
- оказывает мощное воздействие на все сферы жизни общества (политику, экономику, культуру и т. п.);
- предоставляет информационную базу широчайшего спектра;
- открывает возможности активного, практически неограниченного, поиска требуемой информации и т.п.

Реально Интернет сегодня выступает условием, инструментом общественной жизни. Новая информационно-коммуника-

ционная система радикально трансформирует время и пространство, фундаментальные измерения человеческой жизни. Доступ к мировым информационным ресурсам, открываемым благодаря возможностям всемирной сети, безусловно, влияет на все стороны жизнедеятельности общества, и этого нельзя недооценивать.

Благодаря своим техническим и социальным особенностям Интернет-технологии сегодня представляют прекрасную возможность изменения логики отношений социальных субъектов в обществе в рамках процесса демократизации.

Интернет сегодня диктует формирование и развитие новых форм социального контроля, появление новых контрольных санкций, вызванным рождением новой виртуальной реальности, которая обуславливает, в том числе, институциональные изменения. Так, можно отметить, что сегодня в мире действуют тысячи информационно-коммуникационных сетей, охватывающих все сферы от политики и науки до религии и секса. При этом они сохраняют собственную идентичность и проводят в жизнь свои собственные правила поведения. Вместе с тем существует определенная Интернет-культура, которой следуют все “добропорядочные граждане планеты Интернет”. Например, Г.Кастельс, приводит замечательный образец реализации новых форм социального контроля, отмечая, что одним из важнейших правил было (и есть) предотвращение вторжения в BBS (Bulletin Board System – электронные доски объявлений. – *Н.Б.*) скрытых коммерческих интересов. Хотя создание коммерческих BBS или сетей, ориентированных на бизнес, признается законным, незаконным считается их вторжение в киберпространство, созданное для других целей. Санкции против интервентов губительны: тысячи вражеских сообщений “сжигают” глупого электронного гражданина. Если вина серьезная, огромные файлы закачиваются в систему-нарушителя, останавливая ее и обычно провоцируя исключение нарушителя из хост-сети компьютера. “Эта стихийно возникшая “в низах” электронная культура, – считает Кастельс, – навсегда отметила своей печатью эволюцию и использование сети” [1, с. 336]. Другой пример – чат-общение. Здесь вход свободный для всех Интернет-пользователей. Но если человек

выходит за определенные моральные, лексические и т. п. рамки общения – модератор системы накладывает определенные санкции на нарушителя, выводя его “в сад”. То есть для такого посетителя Интернета доступ к пользованию данным сайтом закрывается на определенное время, делая невозможным его общение в данной чат-системе. Таким образом, сегодня можно говорить о формировании нового нормативно-контрольного поля и реализации новых контрольных механизмов и санкций, что вызвано появлением новых технических средств и формированием новой социальной реальности, связанной с их появлением. Причем надо заметить, что такого рода санкции более действенны по сравнению с той формальной институциональной формой контроля, которую внедряют “сверху”. Их возникновение можно назвать прогрессивной системой, которая продвигает определенные формы и условия успешного и корректного социального взаимодействия.

Неотъемлемой чертой и особенностью взаимодействия субъектов в глобально-информационную эпоху можно назвать индивидуализацию, активность и равенство прав и возможностей всех субъектов, открывающие новые возможности взаимодействия.

Компьютерные сети как глобальный информационный ресурс, как средство коммуникации всех со всеми, уравнивающее в возможностях всех субъектов социального взаимодействия, могут и должны использоваться для повышения социальной и гражданской активности индивидов, в том числе активного давления на властные структуры как со стороны конкретных граждан, так и гражданского общества в целом. С помощью новых технологий можно оперативно объединять усилия единомышленников из различных городов и стран для решения какого-либо вопроса, артикулировать интересы широких слоев общества, консультироваться с компетентными людьми. Таким образом, компьютерные коммуникации могут стимулировать развитие институтов гражданского общества, способствовать развитию гражданского самосознания и социальной активности. Интернет диктует формирование и развитие новых форм социального контроля, появление новых контрольных санкций, вызванные рождением новой техногенной реаль-

ности и обуславливающие институциональные изменения в действии механизма социального контроля. Интернет дает прекрасную возможность осуществления “обратной связи”, предоставляя инициативу любому социальному субъекту, способствуя активным действиям со стороны более широкого круга граждан по сравнению с иными каналами взаимодействия.

На наш взгляд, можно выделить несколько основных тенденций, в том числе в сфере взаимодействия власти и гражданина.

Во-первых, возможность использования Интернета в качестве информационного ресурса. Информированность о власти является важнейшим звеном такого взаимодействия. Отсутствие информации и общественного контроля в условиях закрытости каналов влияния на власть дает ей большую свободу действия, оставляя абсолютное большинство граждан за бортом, тогда как посредством Интернета реализуется возможность непосредственного доступа к официальным документам, отчетам различных государственных, политических структур, информирование об их деятельности, планах, бюджете, предоставляемых услугах и т. п.

Достоинством сетевого информирования можно признать его относительную дешевизну, доступность, интерактивность и оперативность предоставления информации и реализации взаимодействия.

Во-вторых, возможность прямого информационного влияния (давления) через компьютерные сети, проведение различных пропагандистских кампаний, функционирование информационных сайтов новостей, особенностью которых являются:

- высокая оперативность и упорядоченность информации;
- анонимность, которую способна обеспечивать сеть;
- возможность работы с различными целевыми группами (потребителями оперативного информационного ресурса);
- отсутствие какой-либо политической цензуры;
- возможность формирования информационного материала для любого социального субъекта, включая государственные органы, неправительственные, международные организации, а также отдельных индивидов.

Благодаря появлению новейших информационных технологий у государственных и правительственных структур, неправительственных общественных организаций, политических партий и т. п. появляется возможность предоставлять разных виды услуг через Интернет:

- сбор денежных средств под различные, в том числе политические, проекты, выборы и др.;
- возможность обмена голосами в ходе избирательных компаний (vote-swapping);
- подача заявок на участие в различных программах, конференциях и т. п.;
- осуществление онлайн-платежей.

Кроме того, компьютерные технологии позволяют организовывать различные интерактивные акции в рамках взаимодействия с сетевой аудиторией, расширяя количественные параметры и степень участия граждан в социально-политическом процессе:

- телеконференции обмена мнениями по различным вопросам;
- сбор подписей по электронной почте под обращением к властям;
- проведение электронных голосований на сайтах;
- организация кампаний в поддержку какого-либо решения;
- онлайн-митинги, дебаты, акции протеста.

Наконец, Интернет предоставляет возможность личного, компьютерно опосредованного общения с людьми, в том числе принимающими политические решения. Это Интернет-приемные государственных, властных органов, различных политических партий, общественных организаций, реализация программы “Электронное правительство Украины” и т. п.

Ярким примером демократичности данного феномена является то, что с его помощью институты, организации, ассоциации и отдельные граждане (индивиды) получают одинаковые права и возможности самореализации, формируя свои Интернет-странички. Организации и индивиды, независимо от их взглядов, исповедуемых ценностей, расовой или этнической принадлежности, социального положения, возраста и

места дислокации, имеют возможность неформального взаимодействия друг с другом в действительно всемирной информационно-коммуникационной сети, что обеспечивает индивидуализацию и открытость процесса взаимодействия. Данный процесс сегодня проявляется в развитии неформальных отношений наравне с формальными, существовании неформальных санкций наравне с формальными, что позволяет говорить о формировании нового типа отношений. Сама логика и структура сети, ее технологическая открытость способствуют широкому публичному доступу и серьезно препятствуют введению правительственных и коммерческих ограничений и санкций. Отсюда – неформальность, самостоятельность и саморегулирование как главные особенности сети.

Сегодня можно говорить о происходящей “революции контроля”, предполагающей возможность потенциального перемещения контроля от институтов к индивиду. Современные технологии воздействуют на нашу жизнь, наши цели и ценности, наш повседневный опыт, на наше ощущение себя в сообществе. Демонстрируя фундаментальные изменения, которые имеют место в связи с появлением новых технологий в понимании статуса индивида в обществе, можно отметить, что Интернет предоставляет каждому из нас прекрасную возможность контролировать те аспекты жизни, которые ранее контролировались исключительно властными институциями: правительством, корпорациями и СМИ. Таким образом, можно заметить, что “революция контроля” включает целый ряд различных аспектов и предполагает: во-первых, возможность потенциального перемещения контроля от институтов к индивиду; во-вторых, возможность конфликта между индивидами и властными субъектами, вызываемого этими изменениями; в-третьих, неожиданные и не всегда желательные пути развития, которые такие изменения могут внести в нашу жизнь.

По мнению А.Шапиро, с данными революционными аспектами связаны и ключевые моменты проблемы, предполагающие, что новая технология позволяет индивидам перенимать власть у больших институтов, таких как правительство, корпорации и СМИ. При этом наделенные властью субъекты,

безусловно, будут пытаться ограничивать самоуправление, ставшее возможным благодаря новым СМК [10]. С другой стороны, такое расширение индивидуального контроля может заходить слишком далеко, угрожая демократическим ценностям, формируя ощущение безнаказанности и безответственности.

Как любое прогрессивное достижение, Интернет, естественно, имеет позитивные и негативные стороны в зависимости от способов и целей его использования. Проблема состоит в том, чтобы учиться брать на себя ответственность, которая должна сопровождать предоставляемые возможности индивидуального контроля. Однако, учитывая все возможные – как положительные, так и отрицательные – последствия “революции контроля”, необходимо устанавливать баланс сил и осознавать важность коллективных действий сообщества как противовеса крайностям как “институциональной силы”, так и “индивидуального контроля”, необходимости коллективных действий для защиты демократических ценностей и гражданских свобод [10].

Однако все те издержки и проблемы, на которые указывает А.Шапиро и которые, безусловно, имеют место, не способны перечеркнуть глобальный позитивный характер данного процесса, рост активности (“online activism”), в частности индивидуальной, гражданской, наблюдаемый сегодня. На наш взгляд, это главное достижение, которое предоставляет “революция контроля”, обуславливая более активное использование Интернет-возможностей как инструментального средства развития сообщества, углубления процессов демократизации и самоуправления, расширения контрольных возможностей общественности в современном обществе.

Конечно, появление Интернет-технологий в современном обществе – это настолько новое явление в нашей жизни, что оно еще не достаточно осмыслено и осознано, не стало объектом многочисленных фундаментальных социальных изысканий, изложенных в научных монографиях. Сегодня можно говорить только о появлении первых научных публикаций по данной проблематике. Однако то, что новые технологии

охватывают сегодня все сферы жизни и возможности их использования расширяются ежечасно, является несомненным.

Ныне использование компьютерных технологий происходит дома и на работе, на производстве и в быту, охватывая все сферы социальной активности. Как мы уже отмечали, огромный потенциал заложен в использование компьютерных коммуникаций и в политической сфере. Это, в частности, возможности массового распространения направленной политической пропаганды, изложения своих взглядов и интерпретаций событий; возможность общения, получения обратной реакции на свои действия; возможности он-лайн-участия граждан в политической жизни (высказывания своих мыслей, обсуждение проблем местного и глобального характера, изучение общественного мнения); возможности создания “электронного правительства”, что предусматривает публичность и открытость информационных ресурсов; возможность для любого человека и организации размещения своего ресурса в сети.

С другой стороны, современные СМК и Интернет – это возможность более эффективно влиять на индивидуальное сознание человека, в том числе как гражданина, обладающего определенными идеалами и ценностными установками. Причем Интернет способен подменять традиционные СМИ, выполняя функции информатора о происходящих событиях с большей оперативностью и пользующегося большим доверием, чем официальные информационные службы, которые проходят определенную цензуру. Хотя следует отметить, что это же условие обеспечивает Интернету возможности манипулирования сознанием граждан, политических авантюр, распространения слухов и неподтвержденной или заведомо ложной информации, не способной проникнуть в официальные СМИ.

Кроме того, необходимо отметить, что благодаря своим технологическим особенностям и техническим возможностям Интернет представляет собой прекрасную возможность для реализации контрольных, мониторинговых задач. В современном глобальном мире можно говорить о технологизации контроля в обществе. Сегодня наблюдается профессионализация

и специализация социального контроля. Стоимость контроля за единицу наблюдения или за единицу информации значительно уменьшается. Все большее количество объектов и областей становятся подвластны контролю. Кроме того, контролерам, с их специализированными знаниями и современными техническими устройствами, современные возможности “сбора данных” позволяют знать о субъекте “такие вещи, которые субъекты самые о себе не знают”. Достижения в областях электроники, биохимии, материаловедения, компьютерных технологий, искусственного интеллекта и много других научно-технических достижений приводят к развитию и распространению технически оснащенного социального контроля.

Рост возможностей реализации социального контроля благодаря техническим достижениям способствует и его усилению. Соблазн такого контроля состоит в его простоте, относительной дешевизне и относительной легкости реализации таких контрольных функций.

Однако не надо забывать, что проявление такого социального контроля может генерировать альтернативные действия. Отношения между контролером и подконтрольным можно охарактеризовать как поддержание переходного равновесия. Новые стратегии и технологии могут предоставить одной стороне временное преимущество в этом соревновании, но другая сторона всегда будет стремиться найти способы нейтрализовать или устранить это преимущество. Действия могут стать более уточненными, действующие стороны более искусными, но игра не прекратится.

“Человек удивительно умен, – отмечает Г.Маркс, – в изобретении возможности “обмануть” технику или социальную систему, когда у него есть стимул сделать это. Уровень игры может совершенствоваться, но без явной победы для агентов контроля. Пуленепробиваемые жилеты защищают преступников так же хорошо, как и представителей власти; преступники могут также успешно конспирировать свои связи; и собака в тепле лучше, чем сторожевая собака” [11, с. 243]. Новые средства социального контроля выступают новым вызовом, в свою очередь, создавая потребность в новом витке контрольных

мер, таким образом, предполагая спиралевидное развитие контрольного процесса.

Кроме того, необходимо отметить, что технический контроль не может в полной мере учитывать присутствие человеческого фактора. И ирония подобного контроля состоит в том, что высокие технологии могут порождать ложное ощущение уверенности. Так, в США, например, принято правительственное постановление, в соответствии с которым, E-mail информация может играть роль серьезного доказательства и служить основанием для вызова к суду. Однако не следует забывать, что технические возможности фальсификации подобных источников очень велики.

С другой стороны, контролер может сам попасть в расставленные им ловушки. И примеров этого предостаточно. Адвокаты американского президента Дж.Буша настойчиво рекомендовали ему прекратить пользоваться персональной электронной связью [12]. Г.Маркс отмечает, что есть определенная символическая ирония в том, что благодаря новым технологиям действия элит сегодня становятся более видимыми, чем когда-либо ранее. И лица из высшего эшелона оставляют электронные следы, как цену за участие в обществе потребителей новейших технологий, уравнивающие их с другими субъектами социального взаимодействия [11].

Конечно, необходимо признать, что Интернет как инструмент весьма пригоден для осуществления функций контроля в силу его технических и технологических возможностей. Рассматривая перспективы развития Интернета, нельзя не указать и возможности преобразования его в своего рода тайного агента, который знает о гражданах практически все. Однако необходимо понимать, что реализация Интернет-возможностей, как и любого другого прогрессивного изобретения человечества зависит от намерений, целей, уровня духовного развития, демократичности взглядов пользователей сети. Он может превратиться как в могущественное орудие всестороннего контроля, так и в инструмент, открывающий новые возможности и перспективы общения, сотрудничества, развития и совершенствования [13].

Проблема реализации контроля, учитывая все рассмотренные выше нюансы, конечно, существует. Однако вопрос в том, какими методами и что именно контролируется. Например, принятый Евросоюзом 7 мая 1999 года “Закон о мониторинге телекоммуникационных сетей” предусматривает, что сотрудники спецслужб не имеют права действовать самостоятельно. Они обязаны обращаться в суд, брать у него разрешение и только после этого идти к провайдеру. Тогда как СОПР (система оперативно-розыскных мероприятий), которая разрабатывалась в странах СНГ, предусматривает автоматическое подключение ко всем серверам. Таким образом, каждый гражданин становится для государства информационно прозрачным. И если социальный контроль государства будет осуществляться подобным образом, то оправдаются высказывания о том, что в странах с отсталой экономикой и высоким уровнем монополизации, отсутствием свободы слова, печати и передачи информации, с низким социально-правовым статусом человека, развитие информационных технологий может лишь усугубить негативные моменты системы. Таким образом, проблемы Интернета, обусловленные его общемировыми тенденциями развития, в нашем государстве дополняются своими социальными и политическими особенностями.

Рассматривая украинский контекст проблематики, отметим, что внедрение новейших технологических возможностей в нашем обществе многогранно и имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Интернет в нашей стране – это проверка общества на моральную зрелость, уровень развития и нравственности. Барьером для злоупотреблений могут стать совесть и сознание каждого конкретного пользователя, его порядочность. Проблемы Интернета – это и проблемы воспитания и социализации пользователей, особенно учитывая преимущественно молодежную аудиторию Интернет-пользователей, в частности в нашей стране [подр. см.: 14].

Интернет выступает фактором демократизации общества – в том смысле, что он как рупор демократии (так сказать “луч света в тоталитарном царстве”) позволяет любому гражданину свободно получать необходимую информацию, отражающую

разные взгляды и позиции, как выгодные, так и неприемлемые для правящих кругов, обходя цензуру со стороны официальных органов. Возможно, Интернет станет той школой демократии, которая так необходима всем субъектам социального взаимодействия в нашей стране. Конечно, политическое и любое другое манипулирование через Интернет возможно. Уже обсуждается вопрос об электронной цензуре, в том числе на международном уровне, несмотря на все провозглашенные декларации о свободе информации. Однако необходимо помнить о том, что главным цензором человека является его внутренний цензор – его мораль, его сознание, его человеческие качества. И подозревать в каждом пользователе потенциального нарушителя – это все равно, что подозревать в каждом прохожем преступника. Постановка вопроса о контроле и цензуре в сфере современных электронных телекоммуникаций в Украине – это попытки властей взять их под свой контроль, навязывая свои условия игры.

Главная проблема на пути развития Интернет-коммуникаций в нашей стране, характерна для всех процессов продвижения общества в направлении демократических трансформаций общества. Это – неготовность общества и власти к новым социальным отношениям. Неизжитая тоталитарная инерция власти – стремление все контролировать подчиняя себе все СМИ, – опасность, подстерегающая сегодня и Интернет. Конечно, стремление любого государства контролировать и регулировать потоки информации вполне понятно. Государство имеет свои интересы и в сфере Интернета, и готово отстаивать их. Вопрос в том, удастся ли еще несформированному гражданскому обществу отстоять свободу в такой сфере информации и коммуникации, как Интернет? Сегодня ситуация изменяется, но общество еще в полной мере не осознало, какую ценность для него представляют новые информационные технологии, позволяющие беспрепятственно получать информацию из сети.

Рассматривая все плюсы и минусы новых технологических возможностей, мы хотим все-таки сделать акцент на том, что для нашей страны на нынешнем этапе ее развития, на наш

взгляд, более актуально рассмотрение Интернет-технологий как органа (структуры, механизма) демократизации, который противостоит властной цензуре и позволяет представлять точки зрения и позиции различных социальных субъектов, не зависимо от их отношения к власти, их позиций и т. п. Появление новых технологий сегодня в нашей стране – это испытание демократией, испытание на готовность всех социальных субъектов к новым формам социального взаимодействия, к внедрению новых методов социального контроля в наше общество в целом. Еще в конце октября 2000 года на встрече тогдашнего посла США К.Паскуаля с украинской Интернет-общественностью наши журналисты говорили о том, что политическая журналистика страны “бежит” в Интернет из-за цензуры, существующей в Украине для традиционных СМИ. Господин К.Паскуаль тогда отметил, что “правительство, которое движется к авторитарному режиму, боится Интернета и свободного доступа к Интернету” [15, с. 2]. Украинские журналисты выражали обеспокоенность и фактами притеснений авторов украинских информационных сайтов, и тем, что летом того же года в Конче-Заспе проходила встреча государственных чиновников, силовых структур и Интернет-провайдеров, которые рассматривали вопрос скорее не взаимоотношений “государство–Интернет”, а регулирования Интернета государством. Сегодня ситуация несколько меняется – государство стремится позиционировать себя как орган демократического управления, учитывающий интересы и права всех участников социального процесса. Украина, стремясь в Европу, активно интегрируется в систему международно-правовых норм и законов по этим вопросам. На сегодняшний день уже принят ряд законов Украины и ратифицирован ряд международных законов и документов относительно информатизации и реализации национальной информационной политики. Это и Закон Украины “О Концепции национальной информационной политики”, и Акт Верховной Рады от 29.05.2000 года о вступлении в силу Конвенции о взаимопомощи в уголовных делах между государствами – членами ЕС, в соответствии со статьей 34 Договора о Евросоюзе (2000/C197/01), и Декларация

о свободе коммуникации в Интернете (Страсбург, 28.05.2003). В Верховной Раде Украины продолжается работа над несколькими законопроектами по вопросам информационной политики, информатизации и защиты информации, рассматриваются такие законопроекты, как Концепция национальной информационной политики (поданный Кабинетом Министров, зарегистрирован Верховной Радой 13.12.2002), проект Закона Украины “О деятельности в сфере информатизации” (принятый в первом чтении 18.11.2003) и др.

Сегодня в обществе, в том числе в Интернет-формате, широко обсуждается пресловутый законопроект “О мониторинге коммуникаций” поданный Кабинетом Министров в Верховную Раду 7.08.2003 года (регистрационный номер 4042) поскольку он не удовлетворяет общественность Украины. 2 сентября 2003 года Комитет Верховной Рады Украины по вопросам свободы слова и информации рассмотрел на своем заседании проект Закона Украины “О мониторинге телекоммуникаций” и рекомендовал Верховной Раде отклонить его при рассмотрении в первом чтении.

9 апреля 2004 года Комитетом Верховной Рады Украины по вопросам науки и образования, Консультативным советом по вопросам информатизации при Верховной Раде Украины было проведено общественные слушания “Правовое обеспечение политики в сфере информационно-коммуникационных технологий в Украине: состояние и перспективы”. В мероприятии принимали участие народные депутаты Украины, представители органов исполнительной власти, бизнеса, общественности, международных организаций. Целью слушаний было обсуждение основных положений проектов Законов Украины по вопросам информационно-коммуникационных технологий, защиты информации и принципов мониторинга телекоммуникаций: “О внесении изменений в Закон Украины “О защите информации в автоматизированных системах”; “О защите персональных данных”, “О едином реестре персональных данных”; “О деятельности в сфере информации”; “О мониторинге телекоммуникаций”. Эти законы должны урегулировать много важных вопросов правового статуса Интернет-

изданий и информации, размещенной в Интернете; прав и ответственности участников информационных систем; обеспечения прав и гарантий, обязанностей и ответственности субъектов деятельности, связанной с персональными данными; создания в Украине единого реестра персональных данных; правовых основ осуществления мониторинга телекоммуникаций и обеспечения прав человека во время осуществления мониторинга.

Результатом общественных слушаний по законопроекту “О мониторинге коммуникаций” стало инициирование обращения в Кабинет Министров с просьбой об отзыве этого документа из Верховной Рады Украины и тщательной его доработке. Участники общественных слушаний выступали с глубокой критикой этого законопроекта, указывая на его существенные недостатки и посягательство на основные свободы граждан страны. В 2005 году рассматривался и законопроект “Про внесение изменений к ЗУ “Про национальную программу информатизации”, в обсуждении которого принимали участие широкие слои общественности, резко критикуя отдельные его положения [подр. см.: 16].

В Верховную Раду Украины вновь внесен законопроект “О перехвате и мониторинге телекоммуникаций”, в разработке которого принимали участие общественные организации и Интернет Ассоциация Украины. Первый вариант законопроекта был зарегистрирован 26.03.2004 года как альтернативный поданному Кабинетом Министров Украины ранее проекту закона “Про мониторинг телекоммуникаций”. В настоящее время авторским коллективом учтено множество замечаний к предыдущей версии законопроекта и подготовлен новый текст взамен ранее поданного.

Говоря об украинском контексте проблематики, хочется сделать акцент на том, что внедрение новых информационных технологий в нашем обществе, несмотря на все проблемы и издержки, связанные с их развитием в нашей стране – для Украины и сегодня наиболее актуально рассмотрение Интернет-технологий как фактора, противостоящего властной цензуре, создающего новые возможности “борьбы” с пережитками тоталитаризма.

литарного способа взаимодействия общества и государства и вместе с тем индивидуального самовыражения личности в различных сферах и аспектах ее жизнедеятельности.

Кроме того, не менее актуальным для Украины остается и чисто технический вопрос о степени включенности украинского сообщества в мировую информационно-коммуникационную систему, о состоянии и динамике распространения процессов компьютеризации и интернетизации на территории Украины.

Информатизация социального пространства. Состояние и перспективы. Интернет выступает важным условием и действенным инструментом современной общественной жизни. Доступ к мировым информационным ресурсам, новые социально-коммуникационные возможности, которые обеспечивает всемирная сеть Интернет, бесспорно, влияют на все стороны общественной жизни, расширяют и обогащают ее возможности, демократизируют отношения социальных субъектов. Новейшая информационно-коммуникационная сеть глобально трансформирует социальное пространство и время, создавая новые средства и формы социального контроля.

Четкое осознание количественных и качественных особенностей включенности жителей Украины в современные информатизационные процессы позволяет понять специфику вхождения украинского общества в мир новейших информационных технологий, доступа к новейшим мировым информационно-коммуникационным ресурсам, перспектив информатизационного развития страны. Попробуем проанализировать общую картину, характерную сегодня для страны в целом, и проследить динамику распространения процессов компьютеризации и интернетизации на территории современной Украины.

Заметим, что существует большое многообразие подсчетов и оценок количественных и качественных характеристик пользователей цифровых технологий, как в мире в целом, так и на территории бывшего СССР. Общие показатели количества пользователей Интернета в разных исследованиях Интернет-сети существенно отличаются друг от друга (напр., исследования

Рамблера, Комкона, Фома, Cyber Atlas и др.). Такая ситуация связана с целым рядом как субъективных, так и объективных факторов. С одной стороны, существование сети Интернет – это довольно новое социальное явление, что обуславливает определенные объективные сложности его исследования. С другой стороны, те исследования, которые проводятся сегодня как в разных странах мира, так и на международном (межгосударственном) уровне не имеют единой системы вычислений и измерений таких показателей. Как правило, такие исследования имеют фрагментарный, преимущественно коммерческий характер. Отсутствует и единая надежная методологическая база исследования Интернет-аудитории. Отсюда и проблема определения того, что именно измеряет исследователь, кого и по какой методике относит к группе пользователей, и в целом проблема разной методологии проведения подобных исследований. Выбор разных субъектов исследования обуславливает и значительные расхождения в полученных результатах. Таким образом, сегодня существует насущная задача разработки единой, взвешенной системы измерения и индикаторов пользования всемирной сетью Интернет и в мире в целом, и в Украине.

Наше исследование базируется на данных всеукраинского социологического мониторинга, который ежегодно проводится Институтом социологии НАН Украины и является наиболее пролонгированным и последовательным исследованием процессов развития компьютерных и Интернет-технологий на территории современной Украины. Выборка репрезентирует взрослое население страны по основным социально-демографическим показателям и позволяет проследить процессы изменений в стране в целом, а также проанализировать не только количественную, но и качественную их динамику – изучить тенденции распространения процессов компьютеризации и интернетизации, имеющие место в современном украинском обществе, а также качественный состав украинских пользователей.

Результаты проведенного исследования фиксируют постепенное увеличение количества пользователей компьютерных технологий в Украине (см. табл. 10).

Таблица 10

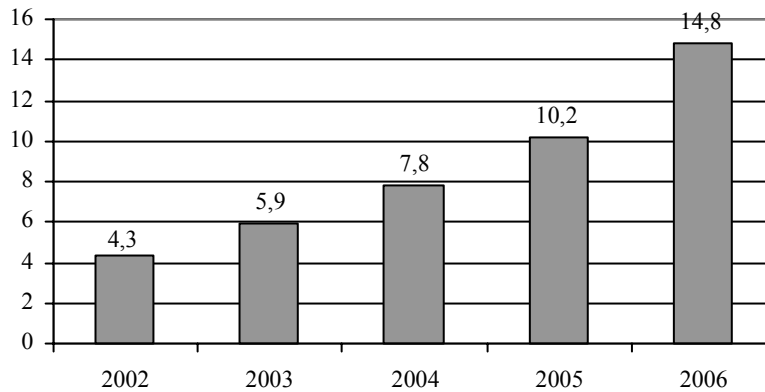
Распределение ответов на вопрос:
 “Умеете ли Вы пользоваться компьютером?” (%)

<i>Варианты ответов</i>	<i>2002</i>	<i>2003</i>	<i>2004</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>
Не умею и никогда не пользуюсь	79,8	77,7	74,6	70,6	64,9
Умею работать на компьютере, иногда пользуюсь	13,3	15,3	17,8	21,0	25,2
Постоянно использую в работе	4,4	4,8	6,3	6,8	9,0
Другое	2,1	1,9	1,2	1,6	0,9
Не ответили	0,4	0,2	–	–	–

Сегодня неуклонно увеличивается число украинцев, которые умеют работать на компьютере или постоянно используют его в работе. Так, если в 2002 году на возможность работать на компьютере указывали 17,7% опрошенных, то на протяжении следующих четырех лет количество украинцев, в той или другой степени знакомых с компьютером увеличилось практически вдвое и в 2006 году составило 34,2%.

Именно осведомленность в отношении компьютерных технологий, владение компьютером обуславливают сегодня возможность включения в современное информационное пространство и доступа к всемирной сети. Результаты мониторинга фиксируют постепенное увеличение числа украинских пользователей Интернета на протяжении исследуемого периода (см. рис. 4).

В 2006 году количество респондентов, которые указали, что пользуются услугами Интернета, увеличилось более чем втрое по сравнению с 2002 годом и составляет на сегодняшний день, по данным мониторингового исследования, 14,8% среди опрошенных граждан Украины. В том числе, более чем в три раза увеличилось количество жителей Украины, которые пользуются Интернетом “в Интернет-кафе, компьютерных клубах, и т.п.” или “пользуются Интернетом дома” (разница процентов значима на уровне 1%), то есть имеют доступ к Интернет-сети за свой счет. В 2006 году существенно увеличилось количество граждан Украины, пользующихся Интернетом

Рис. 4. Пользователи Интернета в Украине (%).

В группу пользователей Интернета входят респонденты, которые, отвечая на вопрос: “Пользуетесь ли Вы Интернетом?”, выбрали хотя бы один из следующих вариантов: “пользуюсь дома”, “пользуюсь на работе”, “пользуюсь в Интернет-кафе, компьютерном клубе и т.п.”

дома. Даже по сравнению с 2005 годом этот показатель вырос более чем в два раза. Более медленно происходит увеличение количества наших соотечественников, имеющих корпоративный доступ к сети, то есть возможность пользования Интернетом по месту работы, учебы и т. п. и не оплачивающих эти услуги из собственного (или семейного) бюджета. И если до 2006 года именно рабочее место оставалось основным источником доступа к всемирной сети для большинства украинских пользователей Интернета, то на сегодняшний день происходит определенное изменение данной тенденции (см. табл. 11).

Интернет приходит в дома наших соотечественников. Результаты исследования свидетельствуют о том, что постоянно уменьшается группа респондентов, которые указывают на то, что не имеют потребности и никогда не пользуются Интернетом.

Анализ качественного состава группы пользователей Интернета свидетельствует о том, что среди жителей Украины, которые пользуются Интернетом, мужчин больше, чем женщин, причем эта тенденция сохраняется на протяжении всего исследуемого периода (см. рис. 5).

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос:
 “Пользуетесь ли Вы Интернетом?” (%)

Варианты ответов	2002	2003	2004	2005	2006
Не имею потребности и никогда не пользуюсь	80,7	81,8	83,1	80,7	74,3
Имею потребность, но не имею возможностей пользоваться	13,0	12,1	9,1	9,3	10,7
Пользуюсь дома	1,1	1,3	2,5	3,4	6,9
Пользуюсь на работе	2,6	2,9	3,3	4,0	5,3
Пользуюсь в Интернет-кафе, компьютерном клубе и т.п.	1,5	2,4	3,0	3,7	3,8
Не ответили	2,4	0,4	–	–	–

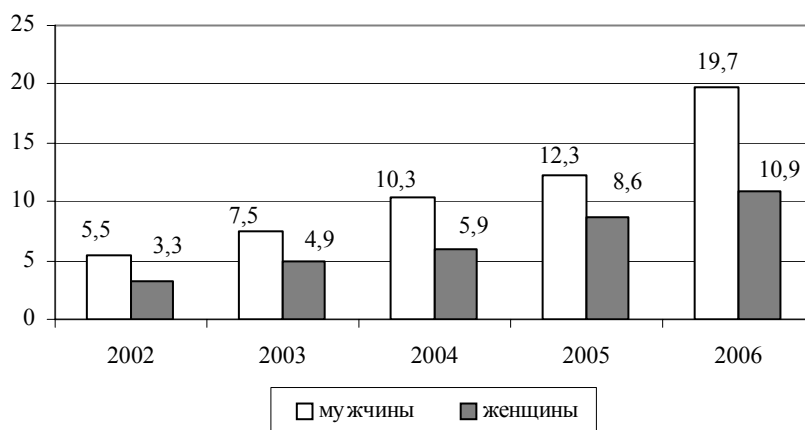

Рис. 5. Пользователи Интернета среди женщин и мужчин (2006, %)

Так, количество женщин, пользующихся Интернетом, в 2006 году увеличилось по сравнению с 2002 годом более чем в три раза, мужчин – почти в четыре раза.

Результаты мониторинга свидетельствуют о том, что средний возраст респондентов исследуемых групп остается практически неизменным и составляет в группе тех, кто “не имеет потреб-

ности и никогда не пользуется” – 48,5 года, в группе тех, кто “имеет потребность, но не имеет возможностей пользоваться” – 34,3 года, а в группе пользователей Интернета – 32,1 года. Фиксируются также определенные возрастные различия, связанные с местом пользования Интернетом (см. табл. 12).

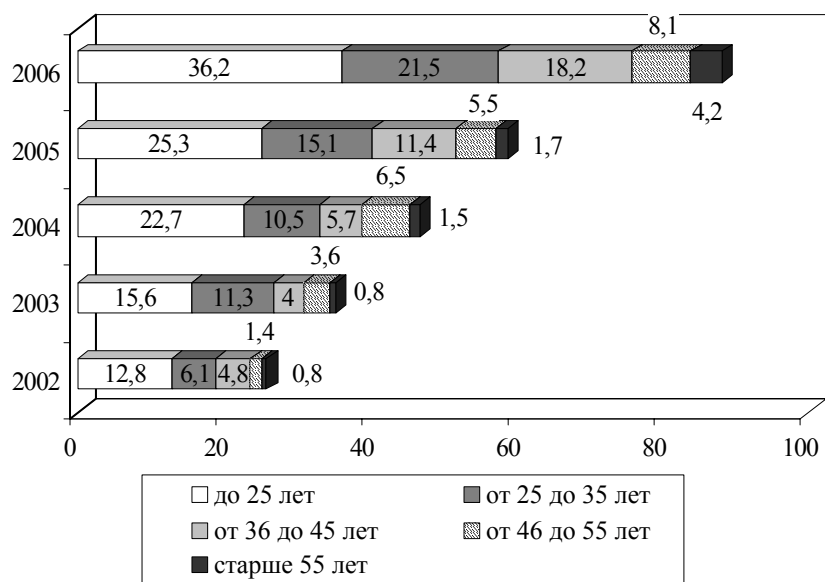
Таблица 12

Распределение ответов на вопрос:
“Пользуетесь ли Вы Интернетом?” (%)

Варианты ответов	Средний возраст (лет)				
	2002	2003	2004	2005	2006
Не имею потребности и никогда не пользуюсь	47,7	47,7	48,2	48,6	50,1
Имею потребность, но не имею возможностей пользоваться	35,3	36,1	33,2	33,8	33,1
Пользуюсь дома	35,6	31,5	31,1	34,5	33,9
Пользуюсь на работе	32,3	35,8	38,3	36,3	36,3
Пользуюсь в Интернет-кафе, компьютерном клубе и т.п.	28,1	25,4	25,1	25,5	23,9

Рассматривая возрастные особенности пользователей Интернета в Украине, следует отметить, что молодежь более активно использует любые возможности вхождения в Интернет-сеть. Исследование разных возрастных групп украинских пользователей Интернета обнаружило следующие тенденции увеличения числа пользователей за исследуемый период (см. рис. 6).

Увеличение количества пользователей Интернета наблюдается почти во всех возрастных группах. Однако наиболее активными пользователями Интернет-сети и на сегодняшний день остается именно молодежная возрастная группа. Так в возрастной группе до 25 лет количество пользователей Интернета в 2006 году увеличилось на 23,8% по сравнению с 2002 годом, в возрастной группе от 25 до 35 лет – на 15,4%, в возрастной группе от 36 до 45 лет – на 13,4%. Причем в 2006 году отмечается довольно существенное увеличение количества пользователей по сравнению с предыдущими годами.

Рис. 6. Пользователи Интернета в разных возрастных группах (2006, %)

Следует также заметить, что позитивная динамика количественных показателей пользователей всемирной сети Интернет наблюдается во всех типах населенных пунктов Украины. Рост информационной культуры украинских граждан приводит к значительному уменьшению числа тех, кто, отвечая на вопрос: “Пользуетесь ли Вы Интернетом?”, отмечает что, “не имеет потребности и никогда не пользовался Интернетом”. Среди киевлян в 2002 году таких респондентов было 71,9%, а в 2006 – 45,8%, среди жителей больших городов (город с населением более 250 тыс. жителей) – 78,6% и 69,1% соответственно, а среди жителей небольших городов – 79,5% и 72,3%, среди жителей сел – 92% и 87,1% соответственно. Уменьшается и количество тех, кто “имеет потребность, но не имеет возможности пользоваться Интернетом”, практически во всех населенных пунктах.

Результаты исследования фиксируют увеличение количества пользователей Интернета как в больших городах Украины, так и в небольших городках, и даже в сельской местности. Хотя, безусловно, темпы увеличения количества пользователей Интернет-сети несколько различаются в зависимости от типа поселения респондентов (см. рис. 7).

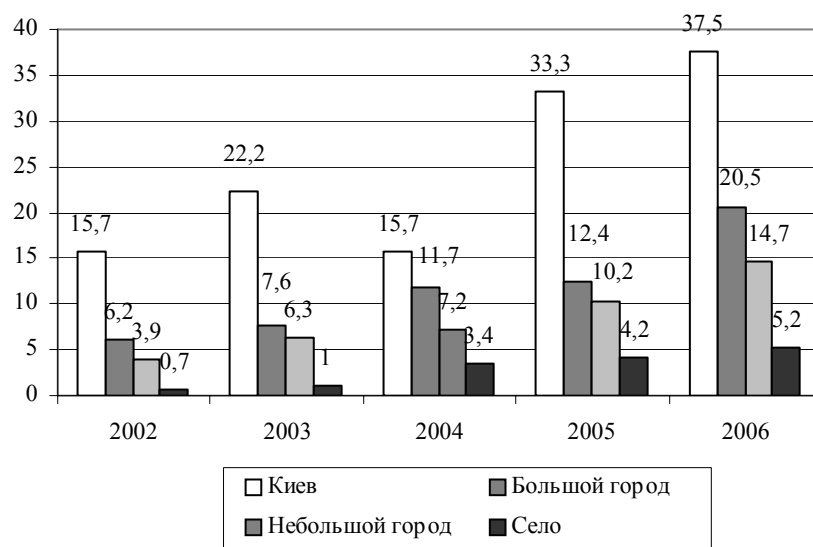
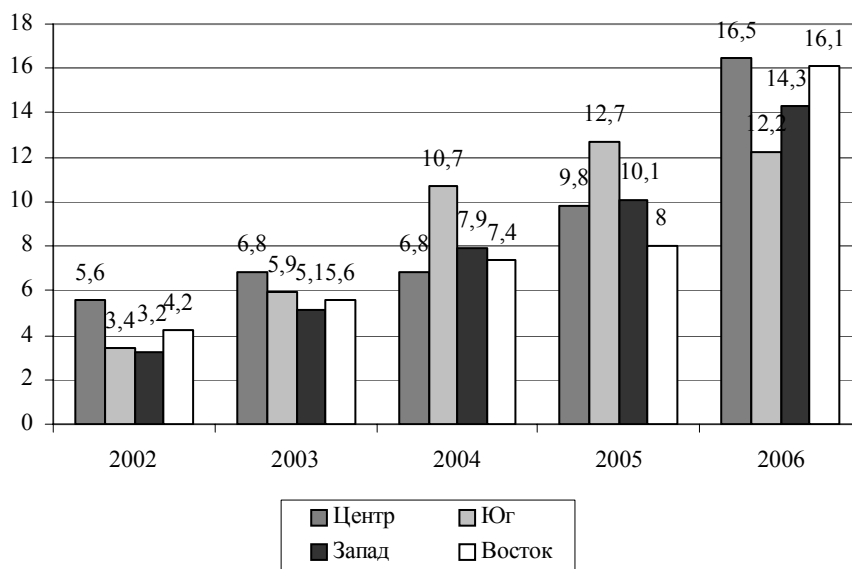

Рис. 7. Пользователи Интернета в поселениях разного типа (%)

В столице количество пользователей Интернета в 2006 году увеличилось более чем в два раза по сравнению с 2002 годом. В больших городах, небольших городах и сельской местности увеличение количества пользователей имеет еще более интенсивную динамику. И чем меньше населенный пункт, тем больший прирост пользователей наблюдается на протяжении исследуемого периода. Так, количество пользователей среди жителей небольших городов на протяжении пяти лет возросло более чем в три раза – в 2002 году составляло 3,9% опрошенных, а в 2006 достигло 14,7%. В сельской местности количество пользователей за исследуемый период возросло более чем в

четыре раза. Результаты мониторингового исследования в 2002 году фиксировали почти полное отсутствие пользователей Интернета среди сельских жителей (0,7%), а в 2006 году – этот показатель составил 5,2%. Однако, наибольшее количество пользователей Интернета по-прежнему фиксируется в Киеве; например, в 2006 году они составляли 37,5% среди опрошенных жителей столицы.

Результаты мониторинга также фиксируют увеличение количества пользователей Интернетом во всех регионах страны (см. рис. 8).

Рис.8. Пользователи Интернета в разных регионах Украины (%)

Наиболее активно до 2006 года освоение Интернет-сети, как и компьютерных технологии вообще, наблюдалось, по результатам мониторинга, среди жителей южного региона. Так, в 2005 году число пользователей Интернета на Юге увеличилось на 9,3% по сравнению с 2002 годом. В то время как среди жителей Восточного региона по сравнению с другими регионами страны в 2005 году наблюдалось определенное

снижение темпов вовлечения в Интернет-сеть. Необходимо заметить, что именно этот регион до 2006 года оставался регионом с наименее динамичными темпами прироста числа пользователей Интернет-технологий по сравнению с другими регионами страны. Так, в Восточном регионе в 2005 году число пользователей увеличилось на 3,8% по сравнению с 2002 годом, в Центральном – на 4,2%, в Западном – на 6,9%. Однако в 2006 году произошли существенные изменения в приобщении к Интернет-сети жителей практически всех регионов, за исключением Южного. Он не только потерял свою лидирующую позицию в темпах освоения Интернета, но и занял в 2006 году последнее место по количеству пользователей в регионе. Лидирующее положение по освоению Интернета в 2006 году заняли Центральный и Восточный регионы. Причем, в Восточном регионе только за один год количество пользователей Интернета увеличилось более чем вдвое, тогда как ранее динамика пополнения рядов Интернет-пользователей из этого региона была минимальной.

Результаты исследования интенсивности пользования Интернетом в Украине свидетельствуют о том, что на протяжении исследуемого периода в стране постоянно увеличивается количество лиц, которые при опросах указывают на то, что пользовались услугами всемирной сети Интернет на протяжении последних 30 дней (см. табл. 13).

Таблица 13
Интенсивность пользования Интернетом в Украине (%)

<i>Год</i>	<i>Общее количество пользователей Интернетом</i>	<i>Количество лиц, которые пользовались услугами Интернет-сети на протяжении последних 30 дне, в том числе:</i>	
		<i>Интернет</i>	<i>E-mail</i>
2002	4,3	2,6	2,2
2003	5,9	3,2	2,5
2004	7,8	4,6	3,0
2005	10,2	5,1	3,4
2006	14,8	8,2	5,5

Данные мониторинга свидетельствуют о том, что на сегодняшний день более половины пользователей Интернета в Украине имеют и потребность, и возможность, пользоваться сетью более или менее регулярно.

Среди украинских пользователей Интернета в 2004 году 52,5% указали на то, что обращались к Интернету на протяжении последних 30 дней, и 30,5% – что пользовались E-mail'ом на протяжении последних 30 суток, а в 2006 году – 44,4% и 29,0% соответственно. Из тех украинцев, которые регулярно посещают Интернет, по результатам исследования 2004 года, большинство имели возможность пользоваться Интернетом дома (71,1%), на работе (55,9%), в Интернет-кафе, компьютерном клубе и т. п. (37,7%). Такая тенденция прослеживалась на протяжении всего исследуемого периода. Таким образом, можно заметить, что именно наличие домашнего компьютера, подключенного к всемирной сети Интернет, выступает сегодня одним из основных факторов, способствующих интенсификации пользования Интернетом. Кроме того, этот процесс связан с высоким уровнем владения компьютерными технологиями вообще. Так, среди тех, кто пользовался Интернетом на протяжении последнего месяца, более половины опрошенных указывают на то, что постоянно используют компьютер в работе.

Таковы основные тенденции распространения современных информационно-коммуникационных услуг на территории страны и некоторые особенности процесса информатизации в нашем обществе.

Полученные результаты свидетельствуют о постоянном возрастании интенсивности использования сети Интернет в современном украинском обществе, что является показателем активного развертывания процессов информатизации социального пространства Украины.

Обобщая результаты исследования, можно отметить, что уровень компьютеризации и доступа к всемирной сети Интернет в стране все еще остается довольно низким по сравнению со многими развитыми странами. Об этом свидетельствуют и результаты международного сравнительного исследования

“European Social Survey”. Только 4% украинцев отметили, что пользуются Интернетом для личных потребностей (не для работы) несколько раз в неделю или каждый день, тогда как в Дании таких 57%, в Норвегии – 56%, в Швеции – 50%, в Швейцарии – 46%, в Австрии – 46%, в Финляндии – 43%. Что касается использования Интернета не для работы, а для личных нужд ежедневно или несколько раз в неделю, дела обстоят лучше, чем в Украине, даже в таких далеко не информационно-передовых странах, как Греция (12%), Португалия (15%), Чехия (17%) и Польша (19%). Однако, несмотря на то, что по сравнению со многими развитыми странами Европы и мира уровень распространения информационных технологий в Украине остается достаточно низким, следует отметить, что в стране, как было показано выше, на протяжении последних лет наблюдается общая положительная динамика по основным составляющим этого процесса. Кроме того, зафиксированные в исследовании намерения 12,7% респондентов приобрести компьютер для себя (своей семьи) уже в ближайшее время также указывают на положительные перспективы развития процессов информатизации в стране.

Необходимо также обратить внимание на определенные особенности интернетизации и компьютеризации в Украине, выявленные в нашем исследовании. На протяжении исследуемого периода прослеживаются две прямо противоположные тенденции. С одной стороны, как было показано выше, в стране неуклонно увеличивается количество граждан, которые пользуются всемирной сетью Интернет, овладевают определенными навыками пользования компьютером и постоянно его используют в работе. С другой стороны, результаты исследования также фиксируют увеличение числа наших соотечественников, которые указывают на то, что “не имеют потребности и никогда не пользуются Интернетом” (разница значима на уровне 5%). Вместе с тем уменьшается количество лиц, которые “имеют потребность, но не имеют возможностей пользоваться Интернетом” (разница значима на уровне 1%) (см. табл. 11). Однако, отвечая отрицательно на вопрос относительно планов приобретения компьютерной техники в ближайшее время,

в 2004 году 28,0% опрошенных отмечали, что не имеют такой потребности вообще, а в 2006 году таких респондентов насчитывалось 35,7%. Эти тенденции могут свидетельствовать об определенном размежевании населения Украины в рамках процессов интернетизации и компьютеризации и заставляют задуматься над необходимостью усовершенствования общенациональной концепции развития информатизационных процессов в стране, актуальностью повышения информационной культуры потребителей современных информационно-коммуникационных технологий.

Конечно, увеличение числа пользователей компьютерных технологий не обуславливает автоматического возрастания “качества” такого вовлечения в информационно-коммуникационный мир. Формирование “качественного” пользователя, который активно и продуктивно использует все преимущества новейших технологий, – это серьезная проблема, которую следует решать украинскому обществу уже сегодня. Особенно учитывая тот факт, что основными потребителями информационных технологий в Украине сегодня остаются граждане в возрасте до 35 лет, которые, по результатам наших опросов, намного активнее осваивают новейшие технологии, чем люди, более старших возрастных категорий [13]. Учитывая такую ситуацию, тем более актуальной является проблема “качества” пребывания молодого украинского пользователя в глобальной сети Интернет. Это подтверждает и актуальность исследования особенностей приобщения к новейшим информационным технологиям молодежной аудитории украинских пользователей.

Распространенность компьютерных и Интернет-технологий среди молодежи. Анализ особенностей распространения компьютерных и Интернет-технологий среди украинской молодежи (целей, преимущественных мест использования компьютера и Интернета, времени и интенсивности использования компьютера и Интернета), как было показано выше, приобретает особую актуальность. Рассмотрим результаты социологического опроса молодых жителей Украины в возрасте от 14 до 35 лет. Это позволило довольно полно представить

и проанализировать группу пользователей компьютерных и Интернет-технологий, учитывая то, что общая выборка данного исследования составила 2003 человека, а количество пользователей компьютерных и Интернет-технологий – 1016 человек. Исследование пользователей Интернета проводилось автором в рамках опроса, который осуществлялся Институтом проблем семьи и молодежи в октябре 2004 года.

Ответы на вопрос относительно выбора занятий в свободное от основной работы время разделили молодых людей на две группы. Половина опрошенных ответили, что практически не пользуются компьютером в свободное от основной и домашней работы время. В группе, представители которой указали, что в свободное от основной и домашней работы время работают на компьютере, 20% молодых людей отметили, что делают это практически ежедневно или не менее одного раза в неделю (16%), а 52% отметили, что хотели бы этим заниматься в свободное время чаще, чем это происходит сейчас.

Отвечая на вопрос, относительно того, где они чаще проводят свое свободное время, лишь 9% опрошенных указали такое место отдыха, как компьютерный клуб. Большинство опрошенных отметили, что проводят свое свободное время дома (83%) или в гостях (39%). Вместе с тем, результаты исследования свидетельствуют о том, что 20% молодежи имеют дома компьютер, 6% имеют дома средства доступа к Интернету (модем), а 5% опрошенных молодых людей планируют приобрести компьютер в ближайшее время.

По результатам данного социологического исследования, 59% опрошенных молодых украинских граждан указали на существование по месту их проживания таких заведений культуры и центров проведения досуга, как Интернет-кафе и компьютерные центры. При этом 20% молодежи отмечают, что посещали Интернет-кафе и компьютерные центры на протяжении последних 12 месяцев, а 16% отметили, что посещали их на протяжении последнего месяца.

Какие же особенности распространенности компьютерных и Интернет-технологий среди современной украинской молодежи?

Ответы на вопрос относительно цели использования компьютера свидетельствуют о том, что большинство молодых людей, а именно 53% опрошенных не пользуются компьютером вообще. Цели же использования компьютера для большинства молодых украинских граждан, по результатам исследования, связаны преимущественно с выполнением учебных заданий и компьютерными играми (см. табл. 14).

Таблица 14

**Распределение ответов на вопрос:
“С какой целью Вы используете компьютер?” (%)***

Моя работа связана с выполнением производственных заданий на компьютере	18
Я часто выполняю учебные задания на компьютере	19
Я часто слушаю музыку, смотрю фильмы на компьютере	17
Я часто играю в компьютерные игры	19
Я часто читаю электронные тексты (книжки, энциклопедии)	4
Мое хобби – рисовать, редактировать фотографии на компьютере и т. п.	3
Подрабатываю (печатаю на заказ, переписываю информацию на компакт-диски и т.п.)	3
<i>Я не работаю на компьютере</i>	53

* Сумма не равняется 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Кроме того, немногим более 18% опрошенных молодых людей указали, что их работа связана именно с выполнением заданий на компьютере. Таким образом, как свидетельствуют полученные результаты, украинская молодежь использует компьютер как для работы, так и для отдыха.

По результатам анализа социально-демографических характеристик были выявлены следующие тенденции.

Пользование компьютером в значительной степени зависит от оценки материального состояния семьи респондентов. Чем ниже уровень обеспеченности респондента, тем чаще он указывает, что не пользуется компьютером вообще. Среди молодых людей с очень низким материальным уровнем семьи таких 75%, с низким – 68%, с уровнем ниже среднего – 57%, тогда

как со средним уровнем – 50%, с уровнем выше среднего – 34%, а с высоким уровнем – 16%.

Кроме того, следует отметить, что респонденты с более высоким материальным уровнем, чаще, чем менее обеспеченные молодые люди, указывают на то, что их работа связана с выполнением производственных задач на компьютере, что они выполняют учебные задания на компьютере, а также слушают музыку, смотрят фильмы на компьютере. Менее состоятельные слои молодежи, отвечая на вопрос относительно цели использования компьютера, чаще, чем другие возможности его использования, указывают игру на компьютере.

Тип поселения также определенным образом влияет на цели использования компьютера. Так, в малых городах и селах респонденты чаще указывают на то, что используют компьютер для выполнения учебных заданий и компьютерных игр. В областных центрах респонденты преимущественно отмечают, что их работа связана с использованием компьютера, а также что они слушают музыку, смотрят фильмы на компьютере и выполняют учебные задания. Кроме того, следует отметить, что не работают на компьютере вообще 76% жителей сел, 49% жителей малых городов и 38% жителей областных центров.

Рассмотрение отличий в целях использования компьютера среди юношей и девушек свидетельствует о том, что большинство юношей используют его для прослушивания музыки и просмотра фильмов, в то время как девушки – преимущественно для выполнения учебных заданий и производственных задач. Вместе с тем, среди девушек большая доля тех, кто вообще не работает на компьютере (59%), по сравнению с юношами (47%).

Молодежь с более низким уровнем образования преимущественно использует компьютер для игры, а также выполнения учебных заданий. Респонденты с более высоким уровнем образования – чаще для работы, прослушивания музыки и просмотра фильмов.

В целях использования компьютера проявляются и возрастные различия. Младшие возрастные группы чаще выполняют

учебные задания на компьютере и играют в компьютерные игры. Более старшие отмечают, что их работа связана с выполнением производственных задач на компьютере, кроме того, они используют компьютер для прослушивания музыки и просмотра фильмов. Существуют и определенные возрастные различия среди тех респондентов, кто указал, что вообще не работает на компьютере. Результаты исследования говорят о том, что чем старше возраст респондентов, тем чаще они дают такой ответ. Так, указали, что не работают на компьютере 45% молодежи в возрасте от 14 до 17 лет, 42% – в возрасте от 18 до 19 лет, 45% – в возрасте от 20 до 22 лет, 52% – в возрасте от 23 до 25 лет, 57% – в возрасте от 26 до 28 лет и 65% – в возрасте от 29 до 35 лет. Таким образом, можно заметить, что молодежь, вступающая во взрослую жизнь, более активно настроена на освоение компьютерных технологий, чем более взрослые жители страны.

По результатам исследования, большинство молодых людей преимущественно пользуются компьютером дома или на работе. Меньше всего опрошенные используют компьютер дома у своих друзей, приятелей или родственников (см. табл. 15).

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос: “Где Вы обычно пользуетесь компьютером?”, среди тех, кто использует компьютер (N=1016, %)*

Дома	43
В учебном заведении	25
На работе	30
В компьютерном клубе, Интернет-кафе	23
Дома у друзей, приятелей, родственников	20

* Сумма не равняется 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Рассмотрение выбора места пользования компьютером в зависимости от оценки материального положения семьи свидетельствует о том, что чем ниже материальное положение, тем чаще респондент отмечает, что пользуется компьютером в компьютерном клубе или Интернет-кафе. Такой ответ дают 34% молодежи с низким уровнем обеспеченности семьи, 25% –

с уровнем, ниже среднего, 22% – со средним уровнем, 17% – с уровнем, выше среднего. Пользование компьютером дома, наоборот, характерно для более обеспеченных слоев молодежи. Дома пользуются компьютером 57% респондентов с материальным уровнем, выше среднего, 46% – со средним уровнем, 43% – с уровнем ниже среднего, 26% опрошенных с низким материальным положением семьи.

Анализ результатов исследования свидетельствует о том, что выбор места пользования компьютером, определенным образом, зависит и от типа поселения респондентов-пользователей (см. табл. 16).

Таблица 16

Распределение по типу поселения ответов на вопрос:
 “Где Вы обычно пользуетесь компьютером?”
 среди тех, кто пользуется компьютером (N=1016, %)*

<i>Варианты ответов</i>	<i>Областной центр</i>	<i>Город</i>	<i>Село</i>
Дома	54	38	35
В учебном заведении	18	31	38
На работе	39	27	24
В компьютерном клубе, Интернет-кафе	21	29	17
Дома у друзей, приятелей, родственников	18	23	27

* Сумма не равняется 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Так, среди молодежи, которая проживает в сельской местности, наиболее распространенным оказалось пользование компьютером в учебном заведении (38%), тогда как для молодых людей, проживающих в областных центрах, это место оказалось наименее характерным (18%). Кроме того, молодые жители сел чаще, чем другие респонденты, пользуются компьютером дома у друзей, приятелей, родственников (27%). Среди жителей областных центров таких немногим меньше (18%).

Выбор мест пользования компьютером среди юношей и девушек также имеет определенные особенности (см. табл. 17).

Таблица 17

Распределение ответов на вопрос:
 “Где Вы обычно пользуетесь компьютером?”, среди юношей
 и девушек, которые пользуются компьютером (N=1016, %)*

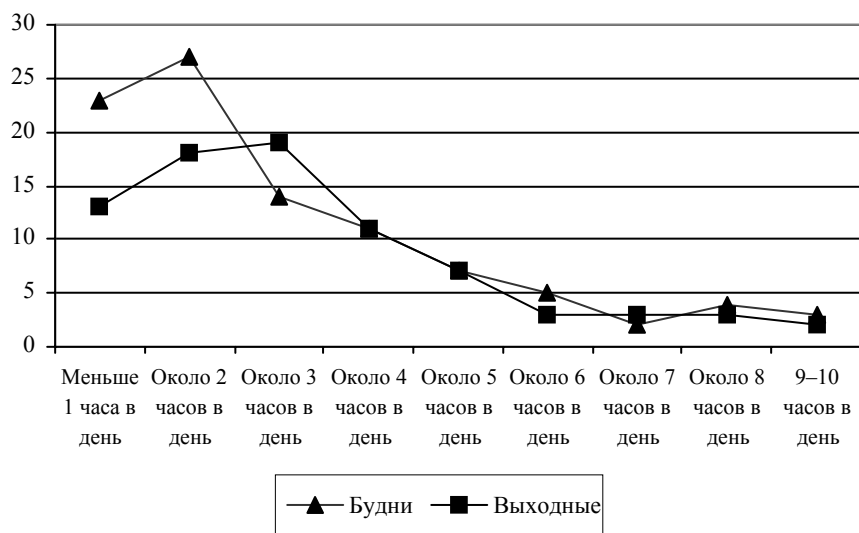
<i>Варианты ответов:</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
Дома	48	40
В учебном заведении	22	32
На работе	30	34
В компьютерном клубе, Интернет-кафе	31	14
Дома у друзей, приятелей, родственников	23	19

* Сумма не равняется 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Девушки оказались более инертными в поиске мест пользования компьютером. С этой целью посещают компьютерные клубы, Интернет-кафе лишь 14% опрошенных девушек, тогда как среди юношей таких почти треть. Девушки пользуются компьютером преимущественно дома (40%) или в учебном заведении (32%). Юноши же стараются использовать разные возможности с целью приобщения к пользованию компьютером.

Анализ возрастных различий при выборе места пользования компьютером обнаружил следующие тенденции. Младшие возрастные группы пользуются компьютером преимущественно по месту учебы или дома. Молодежь более старших возрастных групп пользуется компьютером преимущественно на работе или дома. Остальные выборы места пользования компьютером не обнаружили определенной возрастной зависимости и в той или иной мере используются всеми возрастными группами, хотя и в меньшей мере, чем рассмотренные выше.

Говоря об интенсивности пользования компьютером современной украинской молодежью, можно указать на то, что опрошенные преимущественно проводят за компьютером около 2 часов в день в будни (27%) и около 3 часов в выходные дни (19%). Следует отметить, что по выходным за компьютером проводится несколько больше времени, чем в будни (см. рис. 9).

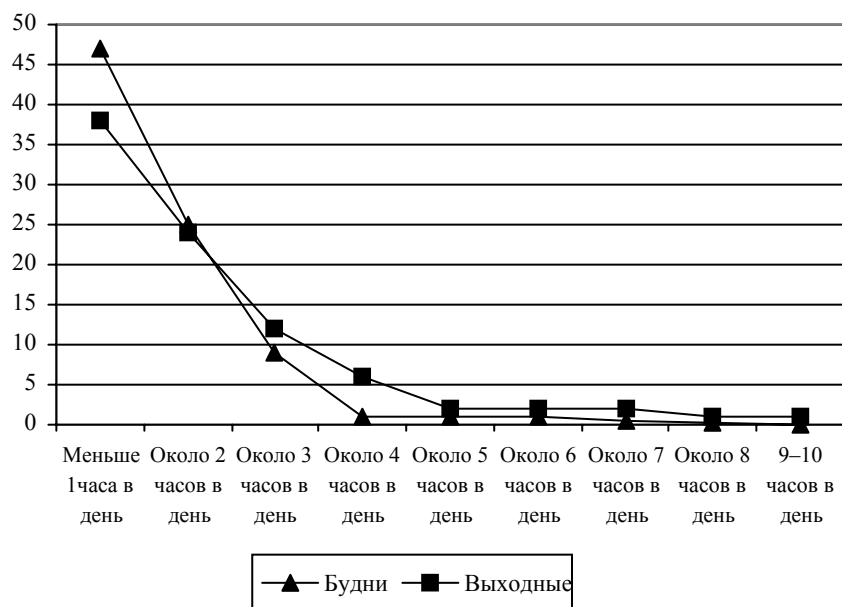

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: “Сколько часов в день в среднем Вы лично проводите за компьютером (без Интернета) в будни и в выходные?”, среди тех, кто использует компьютер (N=1016, %)

Распределение по интенсивности пользования компьютером (без Интернета) в будни и в выходные не обнаружило определенных расхождений среди разных социально-демографических групп и оказалось близким к средним показателям по выборке в целом.

Наличие компьютера и модема или другого средства для подключения к сети выступает необходимым условием доступа к Интернет. Интенсивность пользования Интернет-сетью в будни и по выходным дням – дома, на работе, в компьютерном клубе и т. п. имеет следующие тенденции (см. рис. 10).

Подавляющее большинство молодых людей указывают на то, что проводят в Интернет-сети один-два часа в день. Результаты опроса свидетельствуют о том, что время, проведенное в сети, немного увеличивается в выходные по сравнению с рабочими днями, однако преимущественно не превышает 4 часов в день.

Рис.10. Распределение ответов на вопрос: “Сколько часов в день в среднем Вы лично проводите в Интернете в будни и по выходным дням – дома, на работе, в компьютерном клубе и т. п.?”, среди тех, кто проводит время в Интернете в будни (N=460, %), и тех, кто проводит время в Интернете в выходные (N=434, %)

Существенных социально-демографических отличий по интенсивности пользования Интернетом в будни и по выходным дням в исследовании не выявлено. Показатели практически совпадают с показателями интенсивности использования Интернета, характерными для выборки в целом.

Выяснение целей использования Интернета украинской молодежью обнаружило следующие результаты. Чаще всего молодые граждане Украины используют Интернет для поиска информации для обучения / повышения квалификации, для ознакомления с последними новостями, текущей информацией, для поиска информации, необходимой для выполнения профессиональных обязанностей, для поиска информации на интересные их темы (кулинария, автомобили, садоводство, спорт,

живопись и т. п.), для передачи сообщений по электронной почте, для поиска и прослушивания музыки, просмотра фильмов, общения в чатах или просто блуждают по сети.

Меньше всего молодежь использует Интернет для участия в форумах и конференциях, прослушивания радиостанций через Интернет, для поиска и чтения/переписывания в свою электронную библиотеку художественных книжек либо для побочных заработков (создания сайтов на заказ, распространения рекламы и т. п.) (см. табл. 18).

Таблица 18

**Распределение ответов на вопрос:
“С какой целью Вы используете Интернет?”
среди тех, кто использует Интернет (N=591, %)***

Знакомлюсь с последними новостями, текущей информацией	28
Ищу информацию для обучения / повышения квалификации	49
Нахожу новые компьютерные игры	12
Просто блуждаю по сети	15
Общаюсь в чатах, по ICQ	18
Принимаю участие в форумах, конференциях	4
Присылаю сообщения по электронной почте	24
Ищу информацию, необходимую для выполнения профессиональных обязанностей	27
Нахожу и читаю / переписываю в свою электронную библиотеку художественные книжки	5
Читаю анекдоты, юмор	14
Ищу информацию на темы, которые меня интересуют (кулинария, автомобили, садоводство, спорт, живопись и т. п.)	25
Нахожу информацию на темы секса, эротики	7
Нахожу и слушаю / переписываю музыку, фильмы	21
Слушаю передачи радиостанций через Интернет	4
Подрабатываю (создаю сайты на заказ, распространяю рекламу и т. п.)	5

* Сумма не равняется 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Таким образом, можно заметить, что молодые украинцы используют Интернет в первую очередь для работы, повышения своего профессионального уровня и поиска новой, текущей информации, а также для общения и отдыха.

Проанализируем, существуют ли определенные социально-демографические различия при выборе целей использования Интернет-сети молодежью.

Анализ целей использования сети Интернет в зависимости от типа поселения, в котором живет респондент, обнаружил определенные отличия. Результаты исследования свидетельствуют о том, что основной целью использования Интернету во всех трех группах является поиск информации для обучения/повышения квалификации. 57% жителей областных центров, 49% жителей городов и 52% жителей сел дали именно такой ответ. Далее цели использования Интернета несколько различаются. Для жителей областных центров сеть служит преимущественно для поиска информации, необходимой для выполнения профессиональных обязанностей 36% (в малых городах – 28%, в сельской местности – 11%), а также для передачи сообщений по электронной почте – 32% (в малых городах – 25%, в сельской местности – 13%). Для жителей сел это преимущественно источник ознакомления с последними новостями, текущей информацией (29%) и средство поиска и прослушивания / переписи музыки, фильмов (24%), а также общения – в чатах, ICQ (20%).

Цели использования Интернета имеют определенные отличия среди юношей и девушек. И юноши, и девушки используют Интернет преимущественно с целью поиска информации для обучения / повышения квалификации (49% – юноши и 59% – девушки), ознакомления с последними новостями, текущей информацией (32% – юноши, 30% – девушки), поиска информации, необходимой для выполнения профессиональных обязанностей (32% – юноши, 28% – девушки). Вместе с тем, юноши чаще слушают / переписывают музыку и фильмы (30% – юноши, 15% – девушки), читают анекдоты, юмор (20% – юноши, 9% – девушки). Как средство общения используют Интернет и юноши, и девушки. 27% юношей и 27% девушек используют Интернет для передачи сообщений по электронной почте, а 22% юношей и 17% девушек – для общения в чатах, ICQ.

Исследование не обнаружило значительных отличий в целях использования Интернет-сети в зависимости от оценки мате-

риального положения семьи, соотношения между показателями по группам разного материального уровня практически совпадают с общими результатами по выборке в целом.

Цели использования Интернета в определенной мере зависят от образовательного уровня респондентов. Конечно, в первую очередь все респонденты отмечают, что используют Интернет с целью поиска информации для обучения / повышения квалификации. Вместе с тем, следует отметить, что лица с более высоким уровнем образования, кроме того, больше пользуются Интернетом с целью ознакомления с последними новостями, текущей информацией и поиска информации, необходимой для выполнения профессиональных обязанностей, а молодежь школьного возраста – для поиска новых компьютерных игр, поиска / переписывания музыки, фильмов и общения в чатах, ICQ.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что современная украинская молодежь использует возможности Интернета не в полном объеме. Например, такая демократическая возможность общения, как участие в форумах и конференциях, которую предоставляет сеть Интернет, используется молодыми жителями страны минимально.

Обобщая результаты наших исследований развития информатизационных процессов в Украине, необходимо отметить, что, несмотря на все трудности, фиксируется позитивная динамика темпов роста числа граждан, вовлеченных в мировую информационно-коммуникационную систему. Украина сегодня не остается в стороне от глобализационных процессов, происходящих во всем мировом сообществе. Причем необходимо заметить, что, несмотря на все те проблемы и опасности, которые несут с собою развитие новых технологий и глобальные тенденции развития мирового сообщества, мы считаем, что в условиях нашей страны глобализационные процессы ныне выполняют, в первую очередь, положительную функцию, раскрепощая общество, предоставляя ему возможность ощутить себя свободным в своих взглядах, проявлениях, мыслях и демократизируя тем самым социальные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотрения вопросов трансформации социального контроля и демократических перспектив современного украинского общества необходимо сделать следующие выводы.

Анализ научных подходов к раскрытию понятия социального контроля, рассмотрение его форм, функциональных возможностей и способов реализации позволяют сформулировать адекватное современным реалиям и тенденциям социального развития представление о социальном контроле как о социально детерминированном механизме поддержания социального равновесия и факторе развития социальной системы. Заметим, что социальный контроль как элемент социальной системы, системы социального управления выполняет регулятивную, стабилизирующую функцию поддержания порядка в обществе, предотвращения нежелательного и девиантного поведения, что довольно широко отражено в социологической литературе. Однако механизм социального контроля также обладает значительным потенциалом для выполнения конструктивно-эволюционной, созидательной функции в обществе и способен (с помощью имеющихся в его арсенале средств и возможностей) содействовать прогрессивным изменениям характера взаимоотношений социальных субъектов, их переосмыслению. И тем самым способствовать реализации курса на демократизацию социальных отношений в обществе. Одним из главных условий демократических преобразований в стране, на наш взгляд, должно стать изменение логики функционирования социального контроля, отход от понимания механизма социального контроля как реализации только субъект-объектных

отношений (в рамках отношений “начальник–подчиненный”, “чиновник–гражданин” и т. п., что широко представлено в научной литературе) и акцент на субъект-субъектных принципах реализации социальных отношений, предполагающих возможность осуществления двусторонних контрольных функций, что стимулирует активность всех агентов (сторон) социального контроля, способствуя его действенности и обеспечивая санкционные возможности различным сторонам социального взаимодействия. Именно такого понимания контрольного процесса требует новая социальная реальность. И оптимальные условия для его реализации возникают в условиях функционирования полноценного гражданского общества.

Рассмотрение потенциальных возможностей гражданского общества как фактора трансформации социального контроля позволяет сделать следующее заключение. Гражданское общество, возникая в процессе эволюции социума, как своеобразный регулятивный механизм, уже по своей природе предполагает реализацию задачи расширения контрольных рамок и возможностей современного общества. Становление демократического гражданского общества, безусловно, предполагает сужение сферы государственной регламентации и контроля жизнедеятельности граждан. Оно призвано стать как бы буфером между государством, его властными структурами и гражданами, выступая арбитром, согласующим интересы всех субъектов социального процесса. Основная идея и сущность гражданского общества заключается в преодолении контрольной монополии власти и создании условий и механизмов контроля за властью, воздействия на власть с целью артикуляции и защиты интересов граждан. Именно гражданское общество призвано разрушить государственную монополию на власть, вводя в сферу контроля в качестве его субъектов частных гражданских лиц и общественные, негосударственные организации, наделяя их соответствующими полномочиями. Данные изменения призваны способствовать преодолению неравномерного распределения контрольных функций.

Такое осмысление социальной ситуации и обусловило понимание социального контроля как средства целенаправленного и действенного влияния социальных субъектов на поведение

агентов социального взаимодействия в целях оптимизации функционирования всей социальной системы в рамках реализации субъект-субъектных отношений, закрепленных в ценностно-нормативной системе, реализуемых на всех уровнях – от законодательного до самосознания конкретной личности, члена данного общества. Такой социальный контроль предполагает безусловное преобладание в социальной системе “гибких”, “непрямых” методов его реализации; наличие реальной возможности контроля со стороны населения за деятельностью властных структур (т. е. “обратной связи”); примат самоконтроля над “внешней” социальной регуляцией; реализацию принципа ответственности всех субъектов социального взаимодействия, предполагающего высокую меру их социальной активности, без чего невозможно полноценное функционирование гражданского общества. Таким образом, можно отметить, что социальный контроль в рамках современного демократического общества сегодня следует трактовать как контроль со стороны всех субъектов социального процесса. Это контроль как со стороны правового государства, так и со стороны гражданского общества, как со стороны власти и государства над гражданами, так и со стороны граждан и гражданского общества над деятельностью власти и государства, осуществляемый с преобладанием самоконтрольных механизмов над внешними санкциями.

При этом необходимо учитывать, что функционирование современной демократической модели реализации социального контроля в неадекватных социальных условиях – условиях неготовности субъектов социально-контрольного процесса к новым возможностям его реализации – может иметь и негативные последствия. Для полноценного функционирования модели необходимо вызревание всех условий ее реализации, то есть наличие и взаимодействие как объективных, так и субъективных факторов, тогда как неравномерное их развитие может приводить к неравноценному распределению контрольных полномочий в контексте реализации современного социально-контрольного процесса и в конечном итоге, к чрезмерному расширению контрольных полномочий и возмож-

ностей одних агентов социального процесса (например, государства, властных структур) в ущерб другим (например, гражданскому обществу). Как отмечал еще А. де Токвиль, уничтожение абсолютизма не приводит к автоматическому уничтожению его наследия – государственной власти, нередко приобретающей формы “демократического деспотизма”.

Специфика функционирования социального контроля, выбор вектора его дальнейшего совершенствования в период трансформации общества во многом определяют путь и перспективы развития всего украинского общества.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что трансформация социального контроля в контексте возможностей его демократизации в современном украинском обществе имеет противоречивый характер. С одной стороны, объективная социальная ситуация способствует реальному увеличению количества субъектов социально-контрольного процесса, а значит, и объектов реализации контрольных полномочий, расширению социально-контрольных возможностей, связанных как с объективными тенденциями развития мирового сообщества, так и с социально-политическими изменениями внутри страны. А с другой – фиксируется определенная неготовность к реализации нового типа и характера социально-контрольных отношений, в рамках которой в силу появления новых возможностей реализации социального контроля, увеличения количества реальных агентов данного процесса появляется реальная вероятность усиления контрольного давления в одностороннем порядке.

Проблемы реализации современной демократической модели социального контроля в нашем обществе обусловлены и сложным механизмом действия социального контроля, связанным с особенностями ценностно-нормативной социализации, детерминирующими типичный для данного общества индивидуальный выбор, влияющий на формирование определенных социальных отношений и ожиданий в рамках реального социального взаимодействия. Социологический анализ результатов опросов фиксирует неготовность субъектов к новому типу социальных взаимоотношений на уровне конкретного

человека, на уровне социального самосознания личности, социально-психологических особенностей восприятия ситуации. Формируется замкнутый круг, когда особенности самосознания постсоветского гражданина Украины не позволяют ему активно содействовать социальным изменениям в стране, поддерживать и реализовывать новые возможности социальных взаимоотношений, которые появились сегодня. В то же время, слабая реализация качественной составляющей демократических преобразований, а не только формально-количественных изменений не способствует активному становлению нового социального самосознания украинского гражданина. Более того, социальная ситуация, характеризующаяся маргинальными настроениями и проявлениями, усугубляет ситуацию, побуждая к проявлению и закреплению новых, но отнюдь не лучших черт и образцов поведения. И в данных условиях, к сожалению, власть ведет себя не лучшим образом – так, как ей позволяют граждане.

Становление современной демократической модели социального контроля предполагает наличие нового типа личности. Функционирование новых социально-контрольных отношений, формирование гражданского общества как предпосылки полноценной реализации контрольных функций всех агентов социального процесса связаны с наличием свободных, экономически независимых, самостоятельных, социально-активных граждан, способных консолидироваться в рамках данного общества. С этим связаны две противоположные тенденции, которые фиксируются в рамках социологического анализа украинских реалий сегодня, позволяющие выделить две основные возможные перспективы развития социальной ситуации в дальнейшем. Первый путь – усиление внешней зависимости в обществе, подкрепляемой действиями властной элиты и чиновничества, и экстернализация населения, предполагающая ослабление перспективы реализации новых социальных отношений, связанных с появлением новых контрольных возможностей в государстве в процессе становления полноценного гражданского общества и формирования активных и независимых агентов социального процесса. Возможен и иной

путь – путь нарастания в обществе ценностных ориентаций и установок, связанных с изменением социального самосознания личности, преодолением сознания социальной зависимости, что позволит расширить возможности личностной самореализации в обществе, открывая перспективу полноценного функционирования гражданского общества и обуславливая реализацию современной демократической модели социального контроля, предусматривающей предоставление контрольных полномочий всем агентам социально-контрольного процесса.

Результаты социологических исследований последних лет свидетельствуют о том, что страна все-таки движется по второму пути развития социальных отношений. Правда данное продвижение осуществляется медленно и не всегда уверенно, что еще не позволяет говорить об окончательной и бесповоротной победе демократических установок в реализации социальных отношений в современном украинском обществе. Ситуация требует дальнейшего мониторинга и анализа реализации демократических преобразований в стране.

Как одну из составляющих, детерминирующих дальнейшее развитие нашего общества по пути демократической трансформации, следует выделить глобальные тенденции мирового развития.

Современный мир характеризуется расширением масштабы глобальных социальных тенденций, революционной трансформацией коммуникационно-информационных технологий, усложнением социального контекста, изменением статуса и роли человека в данном процессе. Сегодня происходит качественная трансформация социальных отношений, в том числе отношений “индивид–государство”. Это связано со значительным увеличением аспектности включения личности в современный социальный процесс. Данные изменения, безусловно, предполагают расширение социальных возможностей и полномочий большего числа социальных субъектов в современном мире, в том числе и контрольных. Такие изменения непосредственно связаны с процессами демократизации современного общества.

Некоторые формы реализации социального контроля, которые преобладали ранее, сегодня теряют свою силу и актуальность, другие занимают ключевые позиции. Эти тенденции обусловлены как социально-политическими изменениями, которые происходят в нашем обществе, так и глобальными (глобализационными), в том числе информационно-технологическими процессами, характеризующими современную ситуацию в мире.

Процессы, определяющие тенденции развития мирового сообщества, кардинально трансформируют все социальное пространство. Сегодня становится возможным говорить о способности социального пространства организовываться не по воле властей, не исходя из позиции государственного “верха”, властного вмешательства государства, а по воле и согласию населяющих его рефлексивных субъектов. Эти процессы отражают кризис вертикальной оси и генезис горизонтальных связей постсовременного социального пространства.

Анализ глобальных процессов современности свидетельствует о вызревании объективных предпосылок для изменения социальных взаимоотношений, изменения роли и характера функционирования субъектов социального процесса в современном мире, увеличения количества реальных агентов и субъектов контрольного процесса, расширения социально-контрольного ареала жизнедеятельности личности. Проблема трансформации социальных отношений на современном этапе развития нашего общества имеет огромную актуальность в рамках осмысления возможности и необходимости его перехода к демократической организации социального пространства.

Можно констатировать значимость нынешнего момента для выбора вектора дальнейшего развития украинского общества – периода, когда закладываются перспективы и особенности развития, возможность или невозможность продвижения по пути демократизации социальных отношений в нашем обществе. Оранжевая революция дала толчок активизации гражданского сознания. Ситуация 2005–2006 годов наглядно продемонстрировала значимость личностного фактора демократической трансформации современного украинского общества. Однако

неготовность всех субъектов социального взаимодействия к новому типу отношений “власть–гражданин” не позволяет успешно реализовать новые возможности таких отношений. И наконец, необходимо отметить, что позитивные тенденции, выделенные в процессе анализа, в наибольшей мере выражены в младших возрастных подгруппах, что также дает основание предполагать нарастание предпосылок реализации современной демократической модели социальных отношений в обществе в дальнейшем, с приходом на арену нового поколения украинских граждан. Именно данным аспектам развития украинского общества и будут посвящены дальнейшие исследования автора книги.

ЛИТЕРАТУРА

Глава первая

1. Современная западная социология : Словарь. – М., 1990.
2. *Tarde G.* Les lois de l'imitation. Etude Sociologique. – Paris, 1890.
3. *Александр Дж.А.* Парадоксы громадянського суспільства // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1999. – № 1.
4. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995.
5. *Беккер Г., Босков А.* Современная социологическая теория. – М., 1961.
6. *Мертон Р., Мид Дж., Парсонс Т., Шюц А.* Американская социологическая мысль / Под ред. В.И.Добренкова. – М., 1996.
7. *Park R. E.* On Social Control & Collective behavior. Selected papers / Ed. by R.H.Turner. – Chicago; London, 1967.
8. *La Pier R.T.* A Theory of Social Control. – New York; London; Toronto, 1954.
9. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. – М., 1994.
10. *Вебер М.* Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політика. – К., 1998.
11. Современная американская социология / Под ред. В.И.Добренкова. – М., 1994.
12. *Попова И.М.* Теории социального контроля в американской социологии // Вопросы философии. – 1965. – № 6 – С. 104 – 112.
13. *Тернер Дж.* Структура социологической теории. – М., 1985.
14. *Бойко Н.* Підходи західних соціологів до проблеми соціального контролю // Соціальні виміри суспільства : Збірка наукових робіт науковців Інституту соціології НАН України. – К., 1999. – Вип. 3. – С. 35–48.

15. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – № 2–4.
16. Смелзер Н. Социология. – М., 1994.
17. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов н/Д., 1999.
18. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). – СПб., 1997.
19. Бандура А. Теория социального научения. – СПб., 2000. – С. 258.
20. Головаха Е.И., Панина Н.В. Социальное безумие: история, теория и современная практика. – К., 1994; Донченко Е.А. Социетальная психика. – К., 1994; Бойко Н.Л. Амбивалентность сознания переходного периода // Етнонаціональний розвиток в Україні та стан української етнічності в діаспорі: сутність, реалії конфліктності, проблеми та прогнози на порозі ХХІ століття : Матеріали п'ятої Міжнародної науково-практичної конференції. 22–25 травня 1997 р. – К.; Чернівці, 1997. – С. 396-401; Бойко Н.Л. “Державний патерналізм” особистості та перспективи створення громадянського суспільства в Україні // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1999. – № 3. – С. 188–190; Злобина Е.Г. Інтернальність / екстернальність як вимір соціальних орієнтацій особистості // Українське суспільство: моніторинг – 2000 : Інформаційно-аналітичні матеріали / За ред. В.М.Ворони, А.О.Ручки. – К., 2000. – С. 217–228.
21. Бакиров В.С. Социальный контроль как фактор общественных отношений. Автореф. дисс. канд. филос. наук. – Х., 1976; Буйвол Б.А. Социальный контроль и его воздействие на поведение личности. Автореф. дисс. канд. философ. наук. – К., 1973; Ручка А.А. Соціальна норма – соціальний контроль // Соціальні проблеми виробничого колективу. – К., 1972. – С. 82–95; Якуба Е.А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. – Х., 1970.
22. Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Е.В.Шороховой. – М., 1975; Пеньков Е.М. Социальные нормы: управление, воспитание, поведение. – М., 1990.
23. Осипов Г.В., Кон И.С., Ионин Л.Г. и др. Социология и проблемы социального развития. – М., 1978.

24. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. М.И.Бобневой, Е.В.Шороховой. – М., 1979.
25. Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е.В.Шороховой, М.И.Бобневой. – М., 1976.
26. Яковлев А.М. Взаимодействие личности и общества в системе социального контроля // Социальная психология личности. – М., 1979.
27. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Под ред. Я.И.Гишинский. – СПб., 2000.
28. Смольков В.Г. Социальный контроль // Социально-гуманитарное знание. – 2000. – № 4. – С. 193 – 204.
29. Бойко Н.Л. К обоснованию современной модели реализации социального контроля // Соціальні виміри суспільства. – К., 2002. – Вип. 5. – С. 80-97; Бойко Н.Л. Модель соціальних взаємовідносин, соціальний досвід суб'єктів та можливості розвитку громадянського суспільства // Проблеми розвитку соціологічної теорії : Наукові доповіді і повідомлення першої Всеукраїнської соціологічної конференції / За ред. М.О.Шульги. – К., 2001. – С. 178-180; Громадська думка: теоретичні та методичні проблеми дослідження / За ред. В.Л.Оссовського. – К., 2001; Матусевич В. Суб'єкт общественного мнения: теоретические и методические проблемы проблемы определения // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 1. – С. 21-40.
30. Portes A. Social Capital: Its Origing & Applications in Modern Sociology //Annu.Rev.Sociol. – 1998.
31. Giddens A. The Constitution of Society. – New York, 1997.
32. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. – М., 1995.
33. Тадевасян Э.В. Словарь-справочник по социологии и политологии. – М., 1996.
34. Юнг К.Г. Психологические типы. – М., 1992.
35. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – Новосибирск, 1967.
36. Головаха Є., Паніна Н. Соціальні зміни в Україні: пострадянська деінституціоналізація і особливості становлення нових соціальних інститутів // Політична думка. – 2001. – № 4.

37. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990.
38. Современная американская социология / Под ред. В.И.Добренькова. – М., 1994.
39. Бойко Н.Л. Засоби регулювання соціальної поведінки особистості // Життєві кризи особистості : Науково-методичний посібник / За ред. Л.В.Сохань, І.Г.Єрмакова. – К., 1998. – С. 37–46.
40. Никифоров Г.С. Социальный самоконтроль // Психологическое обеспечение социального развития человека. – Л., 1989.
41. Бойко Н. Соціальний самоконтроль і очікування в перехідний період // Соціальні виміри суспільства. – К., 1998. – Вип.1. – С. 176–184.
42. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н., Кабыща А.В. и др. Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В.Осипова, Л.Н.Москвичева. – М., 1996.
43. Социологический справочник / Под ред. В.И.Воловича. – К., 1990.
44. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общества // Социологические исследования. – 1993. – № 3. – С. 121–129.
45. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общества // Социологические исследования. – 1993. – № 5. – С. 144–151.
46. Rotter J.B. Social Learning & Clinical Psychology. – New York, 1954.
47. Муздыбаев К. Психология ответственности / Под ред. В.Е.Семенова. – Л., 1983.
48. Rotter J.B., Chance J.E., Phares E.J. Application of a Social Learning Theory of Personality. – New York, 1972.
49. Rotter J.B. Generalized Expectancies for Internal Versus External Control of Reinforcement. – Washington: American psychological association, 1965.
50. Rotter J.B. A New Scale for the Measurement of Interpersonal Trust // Journal of Personality. – 1967. – № 35. – P. 651–655.
51. Бажин Е.Ф., Гольинкин Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. – 1984. – № 3. – С. 152–165.
52. Weiner B. Theories of Motivation. – Chicago, 1972.
53. Weiner B. Motivationspsychologie. – Weinheun, 1984.

54. Gurin P, Gurin G., Morrison B.M. Personal & Ideological Aspects of Internal & External Control // Social Psychology. – 1978. – № 41. – P. 275–296.

55. Roblet Ph., Kellens I. Nonvelles: Perspectives en Sociologie de la Deviance // Revue Brance Aisede Sociologie. – 1973. – XIV. – P. 442–504.

56. Rotter J.B., Chance J.E., Phares E.J. Application of a Social Learning Theory of Personality. – New York, 1972.

57. Krampen G. IPC – Fragenbogen zu Kontrolluberzeugungen. – Gottingen, 1981.

58. Krampen G. Machiavellismus und Kontrolluberzeugungen als Konstrukte der generalisirten Instrumentalitatserwartungen // Psychologische Beitrage. – 1980. – Bd. 22. – Heft 1. – S. 128–144; Krampen G. IPC – Fragenbogen zu Kontrolluberzeugungen. – Gottingen, 1981; Krampen G. Familiare und schulische Entwicklungsbedingungen von Kontrolluberzeugungen // Psychologie. Schweizerische Zeitschrift fur Psychologie. – 1982. – №1. – S. 16–35; Krampen G. Handlungsleitende Kognition von Lehrern. – Gottingen, 1986; Krampen G. Zur Spezialitat von Kontrolluberzeugungen // Psychologie. Schweizerische Zeitschrift fur Psychologie. – 1986, – №1–2. – S. 67–86; Krampen G. Handlungstheoretische Personallichkeitspsychologie. – Gottingen, 1987.

59. Krampen G. Differenzierung des Konstrukts der Kontrolluberzeugungen // Zeitschrift fur exp. und an. Psychologie. – 1979. – Bd. 26. – Heft 4. – S. 573–595.

60. Столин В.В. Самосознание личности. – М., 1983.

61. Sherman L., Hofmann R.. Development of Children's Perceptions of Internal Locus of Control: A Cross Sectional & Longitudinal Analysis // Journal of Personality. – 1984. – V.52. – №4. – P. 56–78.

62. Lefcourt H. Locus of Control. Current Trends in Theory & Research. – Hillsdale, 1976.

63. Joe V.C. Review of the Internal-External Control Construct asa Personality Variable // Psychological Reports. – 1971. – Vol.28. – P. 619–640; Research with the Locus of Control: Assessment Methods / Ed. by H.M. Lefcourt. – New York, 1981. – Vol.1.

64. *Strickland B.R.* Internal-External Control of Reinforcement // *Personality Variables in Social Behavior* / Ed by T.Blass. – Hillsdale, 1977. – P. 219–279.

65. *Strickland B.R., Haley W.E.* Sex Differences on the Rotter I-E Scale // *Journal of Personality & Social Psychology*. – 1980. – 39. – P. 930-939.

66. *Бойко Н.Л.* Тенденції локусу контролю у різних вікових групах / Соціальні виміри суспільства: Збірка наукових праць – К., 2003. – Вип. 6. – С. 357–362.

67. *Кон И.* Социология личности. – М., 1967.

Глава вторая

1. *Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. – М, 1998.

2. *Шаниро И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // *Политические исследования*. – 2001. – № 3. – С. 6 – 15.

3. *Токвиль А. де.* Про демократію в Америці : У 2-х томах. – К., 1999.

4. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М., 1995.

5. Проблемы формирования гражданского общества / Под ред. З.Т.Голенковой. – М., 1993.

6. *Гегель Г.* Философия права. – М., 1990.

7. *Витюк В.В.* Состав и структура гражданского общества как особой сферы социума // *Гражданское общество: теория, история, современность* / Под ред. З.Т.Голенковой. – М., 1999.

8. *Степаненко В.* Влада і незалежний громадський контроль. Щодо проблем демократичного процесу в Україні // *Віче*. – 2000. – № 6. – С. 8–20.

9. *Wiktorowicz Q.* Civil Society as Social Control: State Power in Jordan // *Comparative Politics*. – 2000. – № 1. – Vol. 33. – P. 43–61.

10. *Мищенко М.* Фантомная демократия // *День*. – 1999. – 16 января.

11. *Кін Дж.* Громадянське суспільство. Старі образи, нове бачення. – К., 2000.

12. *Романенко Л.М.* Гражданское общество. – М., 1995.

13. *Giddens A. The Constitution of Society.* – S.l., 1997.
14. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М., 1998.
15. *Бандура А.* Теория социального научения. – СПб., 2000.
16. *Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России.* – М., 1998.
17. *Капитонов Э.А.* Социология XX века. – Ростов-на-Дону, 1996.
18. *Буйвол Б.А.* Социальный контроль и его воздействие на поведение личности. Автореф. дисс. канд. филос.наук. – К., 1973.
19. *Спирин Н.В.* Патернализм в истории российского государства // *Личность. Культура. Общество.* – 2000. – Т.2 (Спец. Вып.) – С.136–147.
20. *Пуляев В.Т.* Движение к гражданскому обществу: российский вариант // *Социально-гуманитарные знания.* – 2000. – № 1. – С.3–18.
21. *Гражданское общество: теория, история, современность /* Под ред. З.Т.Голенковой. – М., 1999.
22. *Урядовий кур'єр.* – 2001. – № 228.
23. *Громадські організації в Україні : Статистичний бюлетень за 2005 рік.* – К., 2006.
24. *Бойко Н.Л.* Феномен соціально-психологічної залежності особистості і перспективи створення громадянського суспільства // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна: “Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи”.* – 2000. – №492. – С. 110-114.
25. *Дороговкази громадянського суспільства.* – К., 2006.
26. *Головенько В.А.* Громадянське суспільство як важливий чинник політичних та економічних процесів в Україні // *Український соціум.* – 2007. – №1. – С.89–103.
27. *Українське суспільство 1994–2005. Динаміка соціальних змін /* За ред. В.Ворони, М.Шульги. – К., 2005.
28. *Центр “Соціальний моніторинг”. Децентралізація та людський розвиток: оцінка населенням якості управління та надання соціальних послуг /* О.Яременко, О.Балакирева, О.Бабак, Н.Бойко, Е.Варбан, Д.Дмитрук, Н.Дмитрук, Н.Мищенко, Н.Погорелая, О.Позняк, Л.Чеченко, Б.Шишкин. – К., 2003.

Глава третья

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : В 3-х т. – М., 1986. – Т.1.
2. Проблемы формирования гражданского общества / Под ред. З.Т.Голенковой. – М., 1993.
3. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–135; Галкин А. Индивид и гражданское общество: российская специфика // Власть. – 1999. – № 8. – С. 33–39; Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. – М., 1998; Рывкина Р.В. Драма перемен. – М., 2001.
4. Токвиль А. де. Про демократію в Америці : У 2-х т. – К., 1999.
5. Сорокин П.А. Обязанности власти и обязанности гражданина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – № 3. – С. 24–26.
6. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994.
7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество // Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 6–32.
8. Бойко Н.Л. Соціальні відносини: проблеми маргіналізації і перспективи громадянського суспільства // Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців) / За ред. В.М.Ворони, М.О.Шульги. – К., 2001. – С. 368–376.
9. Краткий словарь по социологии / Под ред. Д.М.Гриниани, Н.И.Лапина. – М., 1989.
10. Шульга Н. Национальная и политическая маргинализация в условиях системного кризиса // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2002. – № 1. – С. 5–20.
11. Сорокін П.О. Соціологія революції. Зміна людської поведінки у революційні епохи. Опис перший. – К., 1999.
12. Галкин А. Индивид и гражданское общество: российская специфика // Власть. – 1999. – № 8. – С. 33–39.

13. *Рукавишников В.О.* Социология переходного периода // Социологические исследования. – 1994. – № 6. – С. 25–31.

14. *Рукавишников В.О.* Политическая культура постсоветской России // Социально-политический журнал. – 1998. – № 1. – С. 43–54.

15. Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. / За ред. М.О.Шульги. – К., 1999; Українське суспільство: моніторинг соціальних змін (1994–2005 рр.). Динаміка соціальних змін / За ред. В.М.Ворони, М.Шульги. – К., 2005; Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг / За ред. В.М.Ворони, М.Шульги. – К., 2006.

16. *Тихонович В.* Суспільна криза та міжособистісна солідарність // Життєві кризи особистості. Ч.1 : Психологія життєвих криз особистості. – К., 1998. – С. 26–36.

17. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М., 1995.

18. *Inglehart R.* The Silent Revolution in Europe. Intergenerational Change in Post-industrial Societies // The American Political Science Review. – 1971. – № 4. – Vol.65. – P. 991–1017.

19. *Шульга М.* Соціально-психологічні розвідки в Інституті соціології // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1998. – № 1–2. – С. 243–255.

20. *Бурлацкий Ф.М.* Власть. // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

21. *Шульга М.* Етапи становлення політичної еліти в Україні в роки незалежності // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 24–37; *Шульга М.О., Бойко Н.Л.* Уряди України: соціологічний портрет владної еліти (1990 – 1997 рр.) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1998. – № 3. – С. 92–108; *Шульга М.О., Бойко Н.Л.* Правляча еліта сучасної України // Вісник НАН України. – 1998. – № 5 – 6. – С. 33 – 55; *Шульга М., Потехін О., Бойко Н. та ін.* Правляча еліта сучасної України // Вісник НАН України. – 1998. – № 7 – 8. – С. 33 – 55; *Shulga M., Boyko N.* A Sociological Portrait of the Government of Ukraine (1990–1997) // Social Problems in Post-Communist Ukraine (I) / International Journal of Sociology. – 1999. – № 3. – Vol.29. – P. 76–96; *Бойко Н.Л.* Соціально-психологічні якості, необхідні людині влади

як суб'єкту соціальної політики // Социальная политика в условиях экономических и политических реформ Украинского общества: Сборник научных трудов // Персонал. – 2000. – № 1 (55). – С. 56–58; *Шульга М.О.* Репутація державних службовців в громадській думці // Вісник державної служби України. – 2003. – № 2. – С. 40–46; *Бойко Н.Л.* Ідеальний та реальний образи людини влади // Життєва компетентність особистості: Науково-методичний посібник / За ред. Л.В.Сохань та ін. – К., 2003. – С. 427–444; *Зоткин А. О.* Роль регіональних еліт та столичного істеблїшменту у формуванні владної еліти України // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. – №3. – С. 95–108.

22. *Щепанський Я.* Элементарные понятия социологии. – М., 1969.

23. Загальна психологія. – К., 1997.

24. Коллектив, личность, общество : Словарь социально-психологических понятий. – Л., 1987.

25. Уинстон Черчилль: цитаты, остроты и афоризмы / Сост. и авт. введ. Д. Энрайт. – Днепропетровск, 2007.

Глава четвертая

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.

2. *Арсеєнко А.* Неолибєральной глобализация в современном социально-критическом дискурсе // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Соціальні процеси в Україні. – К., 2004. – Вип.4. – С. 232–238; *Бєвзенко Л.Д.* Глобалізаційні процеси в світлі самоорганізаційного підходу // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2002. – № 2. – С. 16-20; *Білоус О.Г., Лук'яненко Д.Г. та ін.* Глобальні трансформації і стратегії розвитку / За ред. О.Г.Білоуса. – К., 1998; *Павленко Ю.* Итоги цивилизационного развития человечества // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2000. – № 4. – С. 13-31; *Павлов Ю.М., Смирнов А.И.* Социальное пространство мира на рубеже третьего тысячелетия // Вестник Российского Университета дружбы народов. Сер.: Политология. – М., 2000. – № 1. – С. 82-93; *Тоффлер Е.* Третья Хвиля. – К., 2000; *Уоллєрстайн И.* Общественное развитие или развитие мировой

системы? // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 77–88; *Бойко Н.* Трансформація соціально-контрольного ареалу життя особистості в умовах глобальних змін. Проблеми демократизації соціальних відносин / Соціальний ареал життя особистості. – К., 2005. – С. 123–180; *Бойко Н.Л.* Прихильники глобалізаційних процесів в Україні: хто вони? // Українське суспільство – 2003. Соціологічний моніторинг / За ред. д.е.н. М.Шульги. – К., 2003 – С. 228–239; *Бойко Н.Л.* Глобалізація як чинник зміни соціально-контрольного ареалу особистості // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2002. – № 2. – С. 57-61 и др.

3. *Білорус О.* Імперативи стратегії розвитку України в умовах глобалізації // Політична думка. – 2001. – № 4. – С. 68 – 83.

4. *Robertson R.* Globalization Social Theory and Global Culture. – London; Thousand Oaks; New Delhi, 1992.

5. *Waters M.* Globalization. – London; New-York, 1996.

6. *Offe C.* Modernity and the State: East, West. – London, 1996.

7. *Бек У.* Что такое глобализация? – М., 2001.

8. *Бойко Н.Л.* Інформатизація соціального простору: стан і перспективи // Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін. – К., 2004. – С. 508–517.

9. *Злобіна О.* Особистість як суб'єкт соціальних змін. – К., 2004.

10. *Shapiro A.L.* The Control Revolution. How the Internet is Putting Individuals in Change & Changing the World we Know. – New-York, 1999.

11. *Marx G.T.* Ironies of Social Control: Authorities as Contributions to Deviance Through Escalation, Nonenforcement and Covert Facilitation // Social Problems. – 1991. – Vol. 28. – № 3 (Feb.). – P. 221–246.

12. *Алиева М.* Буш лишился почтового ящика // Киевские ведомости. – 2001. – 21 марта.

13. *Бойко Н.Л.* Информатизация и перспективы демократизации общества (к вопросу о новых возможностях социального контроля) // Соціологічна наука і освіта в Україні. – К., 2003. – Вып.2. – С. 143–151.

14. *Бойко Н.Л.* “Интернетизация” общества как фактор демократизации современного социально-контрольного процесса // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін

соціальної структури українського суспільства. – К., 2002. – С.195–199; *Бойко Н.* Молодь у світі сучасних комп’ютерних та Інтернет-технологій // Соціальні виміри суспільства. Збірник наукових праць. – К., 2005. – Вип.8. – С. 244–258.

15. *Миселюк А.* Зазеркалье или бегство от несвободы // День. – 2000. – 9 ноября.

16. ВІДКРИТИЙ ЛИСТ Голові Верховної Ради України від представників професійних об’єднань підприємців та громадських організацій, що об’єднують працівників галузі інформаційних технологій та телекомунікацій, з проханням відкликати запропонований законопроект № 9179 „Про внесення змін до ЗУ “Про національну програму інформатизації”. – <http://www.inau.org.ua/inau/bin/view/Main/News270306>.

Наукове видання

Наталія Бойко
Соціальний контроль
і демократизація суспільства

(російською мовою)

Наукові рецензенти:

О. Донченко, доктор соціологічних наук
В. Оссовский, доктор філософських наук
А. Ручка, доктор філософських наук

Відповідальна за випуск: *Т. Загороднюк*
Редактор: *С. Іващенко*
Комп'ютерна верстка: *О. Соколова*

Підписано до друку 27.12. 2007 р. Формат 60x84/16. Папір офс. № 1.
Друк офсетний. Ум.др.арк. 17. Замов. № . Наклад 300.

Видруковано з оригінал-макета, виготовленого в комп'ютерному комплексі
Інституту соціології НАН України. 01021, Київ-21, вул. Шовковична, 12

Видавництво "Стилос"
04070, Київ-70, Контрактова пл., 7
Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 150 від 16.08.2000 р.)

Надруковано ТОВ "Поліграфічний центр "Фоліант".
04176, Київ-76, вул. Електриків, 26.
Свідоцтво Держкомінформу України (серія ДК № 149 від 16.08.2000 р.)